

На правах рукописи

ГОРБОВА Варвара Вячеславовна

**ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ
ИЗМЕРЕНИЯ КОРРУПЦИИ**

Специальность 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Варава В. В.

Воронеж – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Философско-культурологические и философско-антропологические трактовки коррупции	13
§ 1.1. Коррупция как культурно-ментальный феномен	13
§ 1.2. Экзистенциальные истоки коррупции: депривация, фрустрация, девиация.....	38
Глава 2. Антропологические аномалии как исток коррупции	51
§ 2.1. Коррупция как нравственно-антропологическая патология	51
§ 2.2. Коррупция в контексте христианской антропологии	73
ГЛАВА 3. Философско-антропологические ограничения коррупционной деятельности	84
§ 3.1. Деформация социальных ценностей и распространение коррупции	84
§ 3.2. Честный труд и духовная культура.....	98
Заключение	113
Библиографический список	118

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Тема коррупции – одна из наиболее притягательных для исследователей самого широкого диапазона в течение последних десятилетий. Дело в том, что это крайне парадоксальное явление, поскольку теоретическая степень его изученности, а также интенсивность практических мер по борьбе с ним не способствуют ни искоренению, ни даже уменьшению его проявлений. Коррупция продолжает оказывать крайне негативное влияние на социальную жизнь общества, на его повседневную реальность, поэтому ученые стремятся расширить границы существующих подходов к этому «серьезному нарушению» (Дж. Ролз).

Кроме деструктивного социального аспекта, для коррупции характерно разложение индивидуальной нравственности человека. В обществе устанавливается беспринципная власть денег, а сами деньги выступают как разрешительный документ, легализующий самые недостойные проявления человека. Такова «циническая функция денег», о которой говорит П. Слотердаик. В этом смысле опасность, которую представляет коррупция, нам представляется самоочевидной. Мы не станем приводить статистические данные, чтобы показать ее реальные масштабы, поскольку любые попытки оправдания коррупции как экономически целесообразного явления представляются нам аморальными, исходящими лишь из узких утилитарных соображений.

Еще одной проблемой, делающей феномен коррупции важной темой философско-антропологического характера, является ее якобы неустранимость и неискоренимость. При этом апелляция к «преступной природе» человека часто выглядит беспомощной, а интенсивная правовая работа оказывается безрезультатной. Очевидно, что феномен коррупции необходимо исследовать не только в социально-политической и экономической сферах, но и в философско-антропологическом измерении. Коррупционное деяние связано с экзистенциальными, нравственными и религиозными проявлениями человеческой природы, требующими для своего исследования методов новой

философской аналитики. Это определяющий тезис нашей работы, задающий ключевой вектор исследования коррупции в контексте философской и социальной антропологии. Безусловно, коррупция – это одновременно и социальное, и индивидуальное зло, лишь всестороннее исследование которого может способствовать его посильному преодолению.

Степень разработанности проблемы. В последние десятилетия анализу явления коррупции посвящено значительное количество экономических и правовых работ. Исследованы практически все социальные аспекты коррупционной деятельности: политический, экономический, юридический, криминологический. Появилась справочная литература по коррупции.

Несмотря на определенный скепсис, необходимо отметить огромную исследовательскую работу, проделанную отечественными авторами за последнее время. Более всего исследуются политологические, политические, экономические, правовые, социологические, криминологические аспекты феномена коррупции. Здесь следует назвать таких авторов, как В. Д. Андрианов, И. Я. Богданов, В. Бондарь, Л. А. Букалерева, Ю. В. Голик, О. В. Дамаскин, П. А. Кабанов, А. П. Калинин, И. М. Клямкин, А. С. Панарин, Г. А. Сатаров, П. А. Скобликов, Л. М. Тимофеев, О. И. Цыбулевская, А. Н. Чашин, М. В. Шедий и др. В их работах дан глубокий анализ коррупции как системного многофакторного явления, собран огромный эмпирический (социологический) материал, позволяющий судить о реальных масштабах коррупции в современной России.

Среди западных исследований особое место в «коррупциологии» принадлежит книге С. Роуз-Аккерман «Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы», в которой характеризуются проявления коррупции во всех основных социальных сферах жизни: экономике, культуре, политике. Многочисленные примеры преодоления коррупции придают данному исследованию большое практическое значение.

Всестороннее изучение коррупции как социального явления нашло отражение в докторской диссертации М. В. Шедий (2014). Среди диссертаци-

онных исследований недавнего времени, посвященных различным аспектам феномена коррупции, следует также назвать работы И. С. Алакшиной, Н. Ю. Белоусовой, З. Б. Дзодзиевой, Р. Н. Зиятдинова, М. О. Изотова, И. С. Куприянова и др. История отечественной коррупции отражена в работах Я. И. Гилинского, А. И. Кирпичникова, Л. Ф. Писарьковой, Г. А. Сатарова и др. В них затрагивается важнейшая тема предрасположенности отечественной ментальности к коррупционной деятельности, поднимается проблема природы российской власти и государственности как одного из главных источников коррупции в России. Это наиболее полемический класс исследований, выходящий на вопрос о национальной самобытности отечественной культуры в целом. Интересен опыт группы исследователей, которые стремятся разработать новое направление, называемое «социологией коррупции», поскольку оно занимается анализом динамики коррупции.

Философско-антропологические идеи российских философов П. С. Гуревича о «расколотости» человеческого бытия и Ф. И. Гиренка об «ускользающем бытии» помогают глубже осознать открытость, парадоксальность и непостижимость человеческой природы. Это помогает более гибко и тонко смотреть на различные девиации человека, в том числе и на мотивы коррупционных деяний. Неслучайно многие авторы, занимающиеся проблемой коррупции, в той или иной мере затрагивают нравственный фактор в качестве наиболее значимого в возникновении и развитии этого явления. Антропологическая структура личности включает в себя нравственное измерение в качестве наиболее существенного. Принципиальное значение в данном аспекте имеет работа П. С. Гуревича «Этические ракурсы философской антропологии» (2009). Она помогает понять коррупцию как *антропологическую аномалию*, в которой социальное и индивидуальное неразрывно связаны.

Среди современных крупных западных философов-моралистов наиболее пристальное внимание к феномену коррупции проявил чилийский философ Соммер Дарио Салас. В своей книге «Мораль XX века» он возвел коррупцию в разряд моральных ошибок и грехов, подвергнув это явление все-

стороннему анализу. Данная работа расширяет философский диапазон феномена коррупции, поскольку рассматривает его невыявленные антропологические истоки. П. Слотердаjk говорит о «цинической коррупции» в связи с «соблазном денег», которые приобрели способность обмениваться не только на материальные, но и на духовные (творческие, интеллектуальные, моральные) ценности.

Однако в существующих работах затрагивается лишь узкий аспект коррупции как аморального поступка без глубинных философско-антропологических исследований причин этого явления. Все отмеченное открывает возможности *антропологической экспертизы коррупции* (В. В. Шаронов) и выводит данную проблематику в контекст философской антропологии, что и определило объектно-предметное поле нашего диссертационного исследования.

Объект исследования – социокультурный феномен коррупции.

Предмет исследования – человеческий фактор в культурной феноменологии коррупции.

Цель диссертационного исследования заключается в реконструкции философско-антропологических оснований феномена коррупции в личностном и социокультурном измерениях.

Для достижения этой цели решаются следующие **задачи**.

1. Выявить культурно-ментальные предпосылки и трактовки феномена коррупции.
2. Определить экзистенциальные и религиозные истоки коррупции.
3. Исследовать антропологические аномалии как основания коррупции.
4. Изучить деформации социально-нравственных добродетелей.
5. Рассмотреть феномен честного труда в контексте духовной культуры общества.

Теоретико-методологические основы диссертационного исследования. В качестве теоретико-методологической базы диссертационного иссле-

дования выступают следующие философские и общенаучные принципы и методы, давшие возможность рассмотреть объект исследования с междисциплинарных и философско-антропологических позиций:

– *принцип междисциплинарности*, позволивший использовать при анализе феномена коррупции основные теоретические достижения политологии, экономической теории, криминалистики, юриспруденции, философской антропологии, этики, психологии, религиоведения;

– *системный подход*, позволивший увидеть коррупцию как многослойный и многоаспектный феномен, состоящий из различных социальных и индивидуальных уровней;

– *структурно-функциональный метод*, послуживший выделению в объекте исследования как целостной системе его основных структурных элементов в их взаимосвязи;

– *культурологический подход*, позволивший выделить типологию коррупционных моделей в зависимости от ментальности той или иной культуры.

Теоретической базой исследования являются прежде всего работы отечественных исследователей, посвященные различным аспектам осмысления феномена коррупции. Классические философы (Аристотель, Макиавелли, Т. Гоббс) помогли сформировать представление о коррупции как философско-антропологическом явлении, имеющем глубокие морально-психологические корни. Среди классических источников стоит выделить поэму Гесиода «Труды и дни», в которой дана первая в европейской культуре апология честного труда.

Западные ученые способствовали пониманию универсальных механизмов коррупции, коренящихся в антропологических пластах человека.

В исследовании мы также опирались на классический корпус представителей отечественной философской мысли, который помог осмыслить духовно-нравственный и метафизический смысл труда.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– коррупция впервые рассматривается как феномен философской антропологии, включающий в себя соответственно два взаимосвязанных аспекта: личностный (нравственная патология) и социальный (падение духовной культуры общества);

– раскрываются ментальные предпосылки российской коррупции как исторического явления; определяются параллели между национальными чертами характера, выявленными русской философией, и моделями коррупционного поведения;

– выявляются основные экзистенциальные факторы, способствующие коррупционному поведению (фрустрация, депривация, девиация); раскрывается их связь с духовными изъянами современного общества потребления;

– обосновывается идея коррупции как нравственной патологии личности с определением основных «пороков коррупции» (продажности, стремления к личной выгоде, корысти, несправедливости, стяжательства);

– в результате рассмотрения феномена в контексте религиозной антропологии грех сребролюбия представляется как основной духовный исток коррупции;

– дается авторское понимание коррупции как наиболее серьезной деформации социально-нравственных добродетелей, корящейся в большей мере в антропологической, а не в политико-экономической сфере;

– показывается, что в современном обществе произошла девальвация честного труда, давшая морально-психологическое основание для неправедных форм обогащения.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Одна из главных причин неэффективности государственных, правовых, общественно-политических, гражданских мер по борьбе с коррупцией заключается в том, что на коррупцию смотрят как внешнее социальное явление вне анализа внутренних фундаментальных антропологических причин – экзистенциальных, нравственных и религиозных факторов, образующих це-

лостную антропологическую конфигурацию человека. Исследование феномена коррупции в контексте философской и социальной антропологии позволяет выявить глубинные мотивы коррупционного деяния, что помогает выработать более эффективные меры по борьбе с коррупцией, а также разработать меры по ее антропологической экспертизе.

2. Существенным фактором для философско-антропологического анализа коррупции является понимание этого явления в широком историко-культурном контексте, поскольку коррупционное поведение во многом зависит от принятых норм и стандартов конкретного культурного сообщества, которые уходят вглубь традиций и обычаев культурно-цивилизационных систем. Нами выявлены следующие параллели между национальными чертами характера и моделями коррупционного поведения: деформация «чувства родственности» (Н. Ф. Федоров) – широкое распространение nepотизма (кумовства); гипертрофия нравственного начала (моралецентризм) и низкая правовая культура противостояния коррупции; ложное стремление к «всеединству», порождающее терпимое отношение к различным формам социального зла (в том числе и к коррупции).

3. Экзистенциальные истоки коррупции включают три главных фактора, существенно расширяющих представление об этом явлении и помогающих выработать более эффективные меры борьбы с ним: депривацию, фрустрацию и девиацию. Депривация – механизм, раскрывающий человеческое стремление к власти вообще, которое чревато коррупционными издержками; фрустрация – духовный недуг современного потребительского общества, стремящегося компенсировать тревогу неумным потреблением, что непременно влечет коррупционные способы дохода; девиация – наиболее сложная форма социального поведения, свидетельствующая о релятивности и конвенциональности моральных норм и оценок, в том числе и коррупции.

4. Коррупция по своей природе – явление сложное, в котором социальность имеет глубокую внутреннюю связь с антропологическими аномалиями личности (нравственная патология). Это позволяет переместить акцент с со-

циально-политических измерений данного феномена на личностные (нравственно-антропологические). В данном контексте критике подвергается утверждение Л. Актона о том, что «всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно», поскольку доказывается, что непосредственной связи между властью и моральным пороком нет. Философско-антропологический анализ позволил выявить специфические пороки, которые присущи коррупционному типу поведения, такие как гипертрофированная страсть к наживе, стремление к личной выгоде, корыстолюбие, продажность. Апелляция к Т. Гоббсу позволила раскрыть исток коррупции как социального зла.

5. Исследование показало наличие глубинной взаимосвязи коррупции и религиозного фактора. Экономическая категория «свокорыстный интерес» (С. Роуз-Аккерман) оказывается синонимом такому негативному религиозному понятию, как «алчность», образующему семантическое поле с ядром «сребролюбие», компонентами которого являются «накопительство», «ростовщичество», «скупость», «корыстолюбие», «стяжательство», «любостяжание», «скопидомство», «жадность». Показано, что духовный потенциал христианского вероучения (Д. Бонхеффер) может оказаться наиболее эффективным средством посильного преодоления коррупции, поскольку религия реализует духовно-нравственную нейтрализацию глубинных антропологических истоков и свойств этого феномена.

6. Широкомасштабное распространение коррупции, помимо фактора личной моральной порочности, обусловлено также общим падением духовной культуры общества, которое находится в состоянии ценностного релятивизма и индифферентизма. Это объясняется аксиологическим сдвигом ценностей потребительского общества, развернутых в сторону гедонизма. Показателем упадка духовной культуры является снижение статуса труда, который становится преимущественно инструментом материального обогащения. Трансформация аксиологии труда во многом связана с изменением антропологического статуса *homo faber*, сменяющегося на антропологический тип

symbolic analysts. Честный труд перестает быть ценностью современного общества, что открывает дорогу к несправедливым формам обогащения, среди которых коррупция является наиболее распространенной. Можно говорить о взаимосвязи следующих явлений: понижение духовной культуры общества – снижение аксиологического статуса труда – распространение коррупции. Все это требует повышения социального и символического статуса честного труда, который может стать реальным ограничением коррупционной деятельности.

Теоретическая и научно-практическая значимость исследования.

Основные результаты диссертационной работы намечают перспективы дальнейшего философского исследования феномена коррупции с целью более глубокого антропологического изучения данного явления и выработке на основании этого эффективных мер по борьбе с ним.

Представленные результаты диссертации могут применяться при разработке учебно-методических материалов, а также в преподавании таких дисциплин, как философская и социальная антропология, философская этика, психология, политология, юриспруденция, теория государства и права. Практические выводы могут быть использованы правоохранительными органами в разработке форм и методов антропологической экспертизы коррупции.

Личный вклад автора состоит в авторской постановке и раскрытии фундаментальных антропологических проблем феномена коррупции, коренящихся в экзистенциальных, моральных и религиозных пластах личности; в новаторском определении коррупции как наиболее серьезной деформации социально-нравственных добродетелей, причина которой кроется в большей мере в антропологической, а не в политико-экономической сфере; в обосновании необходимости реабилитации и пропаганды честного труда как средства духовного оздоровления личности и общества и как наиболее эффективной меры в борьбе с коррупцией. Личный вклад диссертанта также состоит в обосновании теоретической и научно-практической значимости работы, внедрении ее результатов; в подготовке научных публикаций, отражающих основные положения исследования.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях автора и его докладах на научных конференциях: Этико-философском семинаре им. Андрея Платонова (Воронеж, 2012–2015); регулярных конференциях «Культурология: пересечение научных сфер» (Воронеж, 2012–2015), проходящих в Воронежском государственном университете; научных сессиях факультета философии психологии Воронежского государственного университета (2012–2015), Веневитиновских чтениях (Воронеж, 2014–2015).

По теме диссертации опубликовано 9 научных работ (в том числе 3 статьи в журналах из списка ВАК) общим объемом 2,99 условно-печатных листов.

Диссертация была обсуждена на кафедре культурологии факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

Структура работы определяется целью, задачами, а также спецификой философско-антропологического дискурса. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя шесть пунктов, заключения и библиографического списка.

Глава 1. ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ КОРРУПЦИИ

Цель – обоснование необходимости философско-антропологического анализа данного явления как нравственной патологии.

Задачи:

- 1) раскрыть взаимосвязь ментальных и социальных предпосылок коррупции;
- 2) показать неэффективность существующих мер борьбы с коррупцией;
- 3) выявить психологические и экзистенциальные факторы коррупционного поведения.

§ 1.1. Коррупция как культурно-ментальный феномен

Философское исследование начинается с поиска первопричин того или иного феномена. Первопричина (*архэ*) дает возможность не только генетического постижения какого-то явления, но также способствует раскрытию механизмов его функционирования. Если говорить о причинах коррупции, то исследователи, как правило, называют факторы преимущественно социально-политического и социально-экономического характера¹. Это вполне обоснованная позиция, поскольку коррупция прежде всего эксплицирована социально и вписана в систему тех или иных общественных отношений.

Сущность нашего подхода, который мы называем *философско-антропологическим*, заключается в том, что в орбиту исследования коррупции попадают не только внешние (социальные) факторы, но и те, которые относятся к внутреннему плану личности. Речь идет прежде всего о *психологических, этических и религиозных* истоках и основаниях коррупционного деяния в их взаимосвязанности. Это не значит, что мы полностью исключаем

¹ См.: Антикоррупционная политика / под ред. Г. А. Сатарова. М., 2004. С. 53–57.

социальную природу данных истоков, но пытаемся обнаружить в них более глубокое содержание личности, которое не ограничивается лишь социальными проявлениями.

Внутреннее *содержание* философско-антропологического подхода заключается в том, что исследуемый «предмет» (в данном случае «человек коррупции») воспринимается не как некая статичная величина, но как живая личность, обладающая своим внутренним миром со сложным комплексом этико-психологических и религиозных факторов. Главное, что человек, воспринимаемый как «закоренелый» коррупционер, приставляет собой открытую, подвижную, незавершенную структуру, способную к изменениям и нравственному совершенствованию. В целом это соответствует установкам отечественной нравственной философии, и прежде всего представлениям Ф. М. Достоевского, который, зная «темную» сторону человека, верил в возможность его духовного преображения.

Характеризуя миросозерцание Ф. М. Достоевского, известный русский философ В. В. Зеньковский говорил, что писатель всю жизнь не отходил от «веры в скрытое, не явленное, но подлинно «совершенство» человеческой природы». Далее он пишет: «Не только грех, порочность, эгоизм, вообще “демоническая” стихия в человеке вскрыты у Достоевского с небывалой силой, но *не менее глубоко* вскрыты движения правды и добра в человеческой душе, “ангельское” начало в нем»². Это важнейшие положения нравственной философии и философской антропологии, позволившие нам рассмотреть феномен коррупции в стихии духовных движений человека.

Главные принципы философской антропологии, на которые мы также опираемся в своей работе, озвучены современным отечественным философом П. В. Гуревичем. Философ говорит об *антропологической открытости* и *незавершенности* природы человека. В книге «Проблема целостности человека» он пишет, что «Человек – это открытая возможность... человеческая природа неопределима. Мы не можем свести человека к единому знаменателю, ибо он

² Зеньковский В. В. История русской философии. Л., 1991. Т. 1, ч. 2. С. 223, 230.

не соответствует какой-либо одной специализации. Человек не сводится к какой-либо одной видовой категории; другого такого вида в природе не существует. Будучи определен, то есть отнесен к какой-либо категории, человек утрачивает свою исконную целостность. В любой жизненной ситуации человек выступает как своего рода экспериментатор, имеющий возможность отступить, отойти в сторону, отказаться от продолжения “эксперимента”»³.

В другой работе «Расколотовость человеческого бытия» философ говорит следующее: «Чтобы выявить человеческую природу, важно осознать ее как трагически коллизийную сущность, раскрыть неизмеримую глубину человеческого бытия. Никакой предзаданной “человеческой природы” нет. Каждый из нас есть то, чем он может стать в процессе активного и осмысленного проживания своей жизни»⁴.

В такой же тональности говорит английский философ Л. Стевенсон: «Да, у нас есть врожденные биологические побуждения, но наша уникальность, как представляется, состоит в определенной зависимости нашего поведения от конкретной человеческой культуры, в которой мы вырастаем, и, отчасти, от индивидуального выбора»⁵. Это свидетельство в пользу открытости и недетерминированности человеческой природы.

А вот еще мнение Н. В. Омельченко, высказанные им в книге «Опыт философской антропологии»: «Человек понимается как микрокосм. Он наследует творческое начало бытия и является *homosceans*. Эта сущностная характеристика влияет на многие суждения о человеке, в том числе она принимает участие в формулировке императива, запрещающего окончательные оценки живого человека... у нас нет возможности совершенно точно “вычислить” душу живого человека. Дать полную, исчерпывающую дефиницию души – значило бы умертвить человека. Во имя жизни человеческого духа не стоит давать ему конечных определений»⁶.

³ Гуревич П. С. Проблема целостности человека. М., 2004. С. 124, 126–127.

⁴ Гуревич П. С. Расколотовость человеческого бытия. М., 2009. С. 4. См. также: Гиренок Ф. И. Ускользающее бытие. М., 1994. С. 71.

⁵ Стевенсон Л. Десять теорий о природе человека. М., 2004. С. 224.

⁶ Омельченко Н. В. Опыт философской антропологии. Волгоград, 2005. С. 197, 198.

В целом данные мнения соответствуют духовно-нравственным установкам Ф. М. Достоевского и других представителей русской философии, их, как мы полагаем, достаточно, чтобы определить собственное методологическое кредо, не позволяющее смотреть на коррупцию как на нечто неискоренимое, а на коррупционера – как на законченного аморального типа.

Рассмотрим последовательно все уровни философско-антропологического подхода к феномену коррупции, начиная с социальных и ментальных предпосылок этого феномена.

Коррупция представляет собой один из наиболее древних, устойчивых и неискоренимых феноменов человеческой жизни, касающихся как ее социальной, так и лично-нравственной организации. Поражает прежде всего древность данной институции. Известный исследователь в области социологии девиантности Я. И. Гилинский отмечает: «Коррупция сопровождает человечество с древнейших времен. Наказание за взяточничество (подкуп) предусматривалось законами Хаммурапи (четыре тысячи лет назад), устанавливалось египетскими фараонами»⁷. За древностью явления просвечивает его чрезвычайно сложный, неоднородный и неоднозначный характер, требующий гибкой и разумной методологии в общении с ним. Эта «древность» коррупции свидетельствует о некоторых константных (инвариантных) чертах человеческой природы, которые находятся как бы вне времени и пространства, обнаруживая себя в любую эпоху и в любом месте.

Неустрашимость коррупции позволяет сравнить ее с преступностью как таковой: «Коррупция, равно как организованная преступность, наркотизм,

⁷ Гилинский Я. И. Девиантология. Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» = Deviantology. Sociology of crime, narcotism, prostitution, suicide, and other «deviations». СПб., 2004. С. 256, 257. Приведем еще некоторые показательные мнения по этому поводу, чтобы обрисовать полную картину: «На протяжении всей истории человечества коррупция как системное явление сопровождала деятельность государственного аппарата, ослабляя его, нарушая нормальное функционирование публичной власти. Полностью искоренить коррупцию еще не удалось ни в одном обществе» (Чащин А. Н. Коррупция в России: стратегия, тактика и методы борьбы. М., 2009. С. 3); «Коррупция – такое же древнее явление, как и социальный порядок, управляющий жизнью людей, каков бы ни был этот социальный порядок. И так же давно люди пытаются найти причины коррупции и способы ее ограничения» (Антикоррупционная политика... С. 5).

терроризм, – сложные социальные явления»⁸. При этом Я. И. Гилинский отмечает, что важно понимать именно *социальную природу коррупции*, это позволит избежать излишней политизации и, соответственно, мифологизации проблемы. Действительно, мифологизация в отношении коррупции очень частый элемент, мешающий продуктивному и адекватному проникновению в корень явления.

Мы полагаем, что любой разговор о коррупции, тем более о противодействии ей, будет неполон и заведомо несовершенен, если не будет учитываться точка зрения А. И. Кирпичникова: «Коррупция – хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата всех времен и всех народов. Она родилась вместе с государством и может погибнуть только вместе с ним. Благие намерения правителей и спекулятивные обещания политиков уничтожить коррупцию никогда никаких результатов не давали. Коррупция развивается и существует по своим временным и национальным законам (имеется в виду не законодательство, а менталитет нации), и государство, провозглашавшая как лозунг борьбу с ней, неизменно заботится о том, чтобы она не исчезла. Потому что государство заботится о том, чтобы использовать коррупцию в интересах своего аппарата, и лишь пытается ограничить ее определенными рамками»⁹. Это высказывание показывает утопичность радикальных методов борьбы с коррупцией, предполагающих полное искоренение данного явления, но не лишает надежды на посильную борьбу с ней, если учитывать некоторые важные (в том числе духовные) факторы. В то же время мы считаем важным, что философский анализ предполагает рефлексивный уровень, то есть уровень понимания данного явления, а не только уровень борьбы с ним. Это не пассивный подход, но традиционно присущая философии рефлексивность.

Коррупция, как было отмечено, относится к такому роду социальных феноменов, корни которого уходят в глубокую древность и прорастают в со-

⁸ Гилинский Я. И. Девиантология... С. 256.

⁹ Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб., 1997. С. 4.

временность достаточно интенсивно. Это и создает значительные трудности не только в борьбе с данным явлением, но даже с поиском его адекватных причин. Исследователи, как правило, отмечают фактическую неустранимость коррупции, борьба с которой заключается лишь в минимизации ее проявлений. Однако неискоренимость коррупции часто создает ощущение «негативной стабильности» этого явления, борьба с которым, как и с другими социальными и природными катаклизмами, иногда представляется совершенно безнадежной, по крайней мере неэффективной. Обилие исследований в итоге часто оборачивается ничем. Весьма точным выглядит следующее наблюдение: «Любые прения о масштабах коррупции в России выглядят банальными. Главным образом, из-за их заранее предрешенного исхода. Все согласны, что ситуация ужасна: от технарей до гуманитариев, от крайне правых до крайне левых, от людей со сверхдоходами до граждан, живущих за чертой бедности. Это фактически признает даже главный коллективный рассадник коррупции – бюрократия»¹⁰.

Современная ситуация характеризуется *гипертрофированным дискурсом борьбы с коррупцией* почти при полном отсутствии позитивных результатов. А. И. Кирпичников еще в 1997 году писал: «Слово “коррупция” нынче самое модное, оно не сходит со страниц газет, его беспрерывно склоняют в радиозэфире и на телеэкране»¹¹. От частого использования в СМИ и в научных исследованиях произошла определенная девальвация самого термина «коррупция», оно потеряло свою остроту. Все меньше людей верят в то, что коррупция может быть преодолена или значительно уменьшена, считая коррупционное поведение чуть ли не нормой. Аналогичный процесс имеет место и в Европе, где, по словам П. Слотердайка, в рамках «схемы критики бюрократического зла господствующими являются рассуждения о коррупции, формализме и расточительности»¹².

¹⁰ Кузнецов Е. Масштабы распространения коррупции в России // Можно ли в борьбе с коррупцией в России использовать зарубежный опыт? СПб., 2010. С. 7.

¹¹ Кирпичников А. И. Указ. соч. С. 4.

¹² Слотердайт П. Сферы. Макросферология = Sphären. Makrospharologie : в 3 т. / пер. с нем. К. В. Лощевского. – СПб. : Наука, 2007. – Т. 2 : Глобусы. С. 741.

В такой ситуации совершенно недопустимы пассивность и равнодушные, поскольку негативные последствия коррупции угрожающе велики. О *коррупционных угрозах* сегодня говорят многие специалисты¹³. Исследования показывают, что коррупция подрывает саму сердцевину социальной жизни и в этом смысле угрожает стабильности и безопасности социального порядка. Дж. Ролз в «Теории справедливости» называет коррупцию, наряду с подкупом и злоупотреблением правовой системой с целью преследования политических врагов, «серьезным нарушением» прав человека¹⁴. Вот почему необходимо постоянно совершенствовать методы исследования данного социального зла и на этой основе совершенствовать методы борьбы с ним, не ограничиваясь лишь социально-экономическими аспектами.

Таким образом, очевидна глубокая укорененность коррупции в практике *социальных отношений* любого общества во времени и пространстве. Как и преступность, разновидностью которой и является коррупция, этот феномен имманентен социальному бытию. Не случайно, что в большинстве современных исследований коррупция рассматривается как *социальный феномен*¹⁵, как социальное заболевание: «Коррупция – это также сигнал о каких-то дисфункциях в социальных организмах... коррупция – это боль социальных организмов, сигнализирующая об их болезнях»¹⁶. Показательны слова известного специалиста в области конституционного, военного и уголовного права О. В. Дамаскина: «Коррупция представляет собой социальный феномен, широко распространенный во всем мире и свойственный как развитым, так и развивающимся странам, независимо от формы государственного уст-

¹³ См.: *Куприянов И. С.* Бытовая коррупция в современной России : социальное содержание и основные тенденции (на материалах исследований в Ивановской области) : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2011 ; *Чашин А. Н.* Указ. соч. ; *Мерзляков С. Э.* Нравственность и ее роль в уголовном процессе // Новый юридический журнал. 2013. № 3.

¹⁴ См.: *Ролз Дж.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995. С. 210.

¹⁵ См.: *Аминов Д. И., Гладких В. И., Соловьев К. С.* Коррупция как социально-правовой феномен и пути ее преодоления. М., 2002 ; *Бинецкий А. Э.* Коррупция. М., 2005 ; *Богданов И. Я., Калинин А. П.* Коррупция в России : социально-экономические и правовые аспекты. М., 2001 ; *Бондарь В.* Общество против коррупции. Муниципальные программы противодействия коррупции. М., 2008 ; *Изотов М. О.* Коррупция в современной России : социокультурные основания и формы проявления : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Иваново, 2012 ; *Шедий М. В.* Коррупция как социальное явление : социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2014 и др.

¹⁶ Антикоррупционная политика... С. 9.

ройства»¹⁷. Здесь делается акцент на социальности как на транснациональной, универсальной форме человеческого сообщества, в контексте которого зарождается и существует коррупция. Во многом социальная структура как таковая организована как коллективное усилие, преодолевающее дезинтеграцию, которую несет с собой коррупция. С коррупцией, считает К. Вигуру, связаны четыре правонарушения: злоупотребление общественным имуществом, злоупотребление информацией, фаворитизм, отмывание грязных денег¹⁸. Тем самым коррупционные отношения пронизывают всю социальную ткань общества.

Продуктивное социальное определение коррупции дано в диссертационном исследовании Б. Б. Токарева: «Коррупция как социальное явление представляет собой устойчивую, воспроизводимую систему заменяющих формальные отношения неформальных отношений обмена, основанных на невыполнении юридически допустимых норм»¹⁹.

Среди недавних диссертационных работ заслуживает внимание фундаментальное исследование М. В. Шедий «Коррупция как социальное явление: социологический анализ», в котором данное явление подвергнуто всестороннему анализу. Автор полагает, что «в современном российском обществе коррупция из социального явления трансформируется в социальный институт»²⁰. Это положение подкреплено многочисленными, в том числе и социологическими, данными.

Исследователь вводит авторскую трактовку категории «коррупция», которая определяется как «сложное, системное, самовоспроизводящееся общественно опасное социальное явление, выражающееся в корыстном использовании должностным лицом своего служебного положения для личного обогащения, приводящее к деформации государственных и общественных

¹⁷ *Дамаскин О. В.* Коррупция : состояние, причины, противодействие. М., 2009. С. 10.

¹⁸ См.: *Вигуру К.* Деонтология государственной службы = *Deontologie des fonctions publiques* : пер. с фр. М., 2003. С. 40–41.

¹⁹ *Токарев Б. Б.* Социально-философское осмысление феномена коррупции : дис. ... канд. филос. наук. М., 2011. С. 176.

²⁰ *Шедий В. М.* Коррупция как социальное явление... С. 11.

отношений»²¹. Это исчерпывающая дефиниция, где, на наш взгляд, наиболее важной акцентуацией является понимание коррупции как «общественно опасного социального явления», в основе которого лежит корысть.

Здесь совершенно очевидна *социально-этическая подоплека* феномена коррупции, поэтому очень важным является акцент на коррупции как сложном *системном явлении*. Системность коррупции тем самым свидетельствует о глубоком социально-историческом укоренении данного феномена в системе общественных отношений. Это говорит об универсальности феномена, который не ограничивается каким-то одним регионом или историческим периодом.

Как социальное явление коррупция представляет собой систему взаимосвязанных элементов, очень тесно взаимодействующих между собой: «В современном обществе, включая российское, коррупция – *социальный институт, элемент системы управления*, тесно взаимосвязанный с другими социальными институтами – политическими, экономическими, культурологическими»²². Это *вездесущность коррупции*, которая имеет способность проникать в самые различные социальные пласты культуры, включая и науку, создавая прецедент «эндогенной коррупции экспертного сообщества», о чем говорит П. Слотердаик. В «Сферах» он пишет: «Тот факт, что вера в науку тем не менее повсеместно сдает свои позиции, отчасти объясняется эндогенной коррупцией экспертного сообщества»²³.

В связи с такой широтой феномена коррупции исследователи отмечают некоторую трудность в определении самого понятия коррупции. Она заключается не в последнюю очередь в глубоком взаимопроникновении *юридических* и *политических* аспектов феномена. «Проблема определения коррупции для условий современной России весьма актуальна... Тем не менее в силу сложности коррупции как социального явления это понятие пока не получило однознач-

²¹ Шедий В. М. Коррупция как социальное явление... С. 9.

²² Андрианов В. Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления : история и современность. М., 2011. С. 258.

²³ Слотердаик П. Сферы... С. 444.

ного толкования среди исследователей и в общественном мнении. Наиболее точно можно определить коррупционные правонарушения как юридический термин... Но необходимо признать, что коррупционные правонарушения не исчерпывают понятие коррупции»²⁴.

Авторы исследования «Гражданские инициативы и предотвращение коррупции» совершенно справедливо отмечают, что есть и более широкое понимание коррупции как «*приватизации власти*», которое трактуется следующим образом: «...это любое, осуществляемое при любых условиях извлечение выгоды из своего положения в системе государственной власти или из связанного с ним своего общественного статуса в корыстных целях. В этом смысле коррупция понимается как разложение государственной власти, разрушение механизмов, обеспечивающих ее функционирование в общественных интересах, и формирование и укрепление механизмов ее функционирования в интересах отдельных лиц, структур, организаций, разложение самой системы государственного управления»²⁵.

Во многом *политическое понимание коррупции* как «приватизации власти» является символом и синонимом коррупции как таковой. Это не случайно. К. С. Гаджиев, говоря о фундаментальной значимости государства, отмечает следующее: «Государство наряду с семьей, языком, культурой и т.п. является одним из фундаментальных институтов, составляющих инфраструктуру жизнедеятельности человека как общественного существа. В основе государства лежит стремление к достижению стабильности внутреннего и внешнего мира, пронизывающее все человеческое бытие»²⁶. Вот почему государственная коррупция наносит непоправимый ущерб основам человеческого бытия.

Политические трактовки коррупции имеют и такой аспект: «...основными сферами проявления политической коррупции являются выборы в законодательные и представительные органы власти всех уровней, деятель-

²⁴ Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб., 2010. С. 9.

²⁵ Там же. С. 10.

²⁶ Гаджиев К. С. Политическая наука. М., 1996. С. 100.

ность политических партий, а также политический лоббизм, навязывающий органам государственной власти и местного самоуправления те или иные решения или внедряющий в их руководящие органы представителей определенных групп влияния»²⁷.

В социологии коррупции большую роль играет так называемая *бытовая коррупция*, которая «питает деловую и административную, охватывает огромные массы населения»²⁸. По мнению исследователя, бытовая коррупция обладает чрезвычайно широким масштабом распространения и характеризуется активной институциональной экспансией в различные сферы и институты современного российского общества. В этом смысле ее изучение представляется крайне важным и актуальным.

Весьма распространены трактовки коррупции как феномена, связанного с *государственными* структурами: «Традиционно явление коррупции связывается с органами власти и трактуется как злоупотребление государственными и муниципальными органами»²⁹. Это не случайно, поскольку, как отмечает П. А. Скобликов: «У преступных формирований высокой степени организованности имеются коррумпируемые связи во всех эшелонах государственной власти, включая высший эшелон»³⁰. Причем, по словам О. И. Цыбулевской, «к самым опасным видам криминальной коррупции относится коррупция в высших эшелонах власти»³¹.

Особенно высокого уровня коррупция достигает в государствах с тоталитарными режимами, в которых, по словам Л. А. Попова, «получают широкое распространение лести, доносы, лицемерие, а также коррупция и взяточничество, ибо правящие “верхи”, чиновники чувствуют себя “по ту сторону добра и зла”, “вне закона”»³².

²⁷ Дамаскин О. В. Указ. соч. С. 45.

²⁸ Куприянов И. С. Указ. соч. С. 3.

²⁹ Гражданские инициативы и предотвращение коррупции... С. 12.

³⁰ Скобликов П. А. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России. М., 2007. С. 17.

³¹ Цыбулевская О. И. Правовое и нравственное сознание субъектов власти // Философская и правовая мысль. Саратов – СПб., 2003. Вып. 5. С. 133.

³² Попов Л. А. Десять лекций по этике. М., 2001. С. 110.

Известный специалист в области изучения коррупции, основоположница экономического анализа этого феномена профессор Йельского университета С. Роуз-Аккерман рассматривает коррупцию как злоупотребление *государственной властью ради извлечения выгоды*. В своей книге она пишет: «Всякое государство контролирует распределение материальных привилегий и льгот и определяет размер налогового бремени. Распределением привилегий и льгот обычно занимаются государственные чиновники, обладающие правом действовать по своему усмотрению. У частных лиц и компаний, стремящихся получить режим наибольшего благоприятствования, может возникнуть желание купить такой режим. Плата за получение материальной выгоды и является случаем коррупции»³³.

С этим воззрением С. Роуз-Аккерман согласуется социологический подход П. Бурдьё: «Социологический взгляд не может не замечать расхождения между официальной нормой как она формулируется в административном праве и действительностью административной практики со всеми ее нарушениями обязательства бескорыстия: “использованием служебного положения в личных целях” (злоупотребление материальными благами или общественным положением, коррупция или взяточничество) или, в более извращенной манере, незаконные льготы, административное невмешательство, отступление от закона, торговля служебным положением, – всем тем, что служит получению выгоды от неприменения или нарушения закона»³⁴.

О. Дамаскин выделяет следующие проявления коррупции в сфере государственного и муниципального управления: «занятие чиновниками коммерческой деятельностью, участие непосредственно, через посредников или членов своих семей в управлении разного рода предпринимательскими структурами; оказание опекаемым фирмам содействия в получении незаконных льгот и привилегий, приобретении собственности, облегченном или внеочередном прохождении нормативно установленных процедур и оформления

³³ Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство : причины, следствия, реформы. М., 2003. С. 7.

³⁴ Бурдьё П. Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 252.

документов, получении разрешений и квот; непринятие мер по фактам нарушения законодательства, в том числе налогового, за бездействие антимонопольных органов против карательных сговоров по топливу, электроэнергии, производству строительных и иных материалов; завуалированные формы торговли вверенным государственным или муниципальным имуществом, важной служебной информацией»³⁵.

Экономический аспект коррупции – это наиболее конкретный практический аспект коррупции как социального феномена. Исследователи часто склонны объяснять коррупцию исключительно экономическими факторами. Так, Ф. Э. Шереги пишет: «С переходом к рыночным отношениям в России коррупция приобрела ранее не виданные масштабы. Причиной тому – криминальный характер первоначального накопления капитала, по сей день занимающего умы как стремящихся в бизнесе, так и облеченных государственной властью. Сочетание этих двух фигурантов понятно, ведь перераспределяется государственное имущество. Основной фактор, стимулирующий коррупцию, – экономический, и заключается он в законе средней нормы прибыли, открытом английскими политэкономами несколько столетий назад, на заре становления капитализма в Англии»³⁶. Причем это не просто экономический фактор, но *криминально-экономический*: «Смена общественно-экономической формации в России, реставрация отношений частной собственности, борьба за ее захват на этапе приватизации, передел собственности, включая рейдерские захваты, в настоящее время стали факторами активизации коррупции»³⁷. Ослабление экономической составляющей создает благоприятную среду для расцвета коррупционных преступлений. Современные авторы отмечают, что «в условиях нестабильности экономики, падения производства, разрыва хозяйственных связей, роста цен, галопирующей инфляции возрастает социальная напряженность в обществе, что ведет к анархии,

³⁵ Дамаскин О. В. Указ. соч. С. 20.

³⁶ Шереги Ф. Э. Социология девиации : прикладные исследования. М., 2004. С. 283.

³⁷ Дамаскин О. В. Указ. соч. С. 4. Криминологический аспект, тесно связанный с экономическим, является одной из наиболее распространенных объяснительных моделей коррупции.

дезорганизации, росту числа преступлений, причем не только хозяйственных»³⁸.

Соответственно, отмечается *экономический ущерб* от коррупции: «В коррупционном государстве невозможно добиться оптимального распределения бюджетных средств, учитывающего общественные потребности... Она усиливает социальное неравенство в обществе, так как коррупционные потоки, перемещаясь по вертикали и горизонтали, имеют преимущественное движение снизу вверх, делая бедных еще более бедными, а богатых еще более богатыми»³⁹.

Этот экономический фактор коррупции самым непосредственным образом связан с государственно-политическим: «Коррупция связана с понятиями “государство” и “бюрократия”. Она означает “поборы” или сверхнормативную прибыль государственных служащих, не предусмотренную трудовыми нормативами»⁴⁰.

При этом необходимо отметить, что «государство» и «бюрократия» являются социальными, то есть надличностными, образованиями. И при всей важности понимания *коррупции как социального феномена*, включающего в себя экономический, политический и правовой аспекты, важно видеть вторичность социальных отношений и социальных практик. Имеется в виду та глубинная *антропологическая основа*, которая делает возможными социальные отношения как таковые. Здесь мы выходим в область *социальной антропологии*, в рамках которой исследуются первичные индивидуальные формы человеческого бытия, где обнаруживаются матрицы социальности: «Основными категориями социальной антропологии выступают внутренний духовный мир человека (его структура и функции), свобода, смысл жизни, совесть, ответственность, объективация продуктов духовного мира человека, антропологическая экспертиза»⁴¹.

³⁸ Гоц Е. В. Борьба с коррупцией и средства обеспечения законности в государственном управлении // Образование и право. 2014. № 1 (53) – 2 (54). С. 15.

³⁹ Макаркин Н. П. Об условиях инновационного развития. М., 2012. С. 129.

⁴⁰ Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 283.

⁴¹ Шаронов В. В. Основы социальной антропологии. СПб., 1997. С. 19.

Конечно, социальное и индивидуальное (в другой терминологии – личное и общественное) взаимосвязаны и не могут быть разделены никоим образом. Эти понятия представляют собой две грани одного человеческого феномена. Как отмечает Г. В. Осипов: «Индивид осуществляет свою деятельность не изолированно, а в процессе взаимодействия с другими людьми, объединенными в различные общности в условиях данной социальной среды. В процессе этого взаимодействия люди, социальная среда оказывают обратное воздействие на других индивидов и среду»⁴².

Итак, наиболее распространенные трактовки коррупции сводятся к тому, чтобы рассматривать это явление преимущественно в социальной, то есть в политико-правовой и экономической сферах. Однако, поскольку в самом коррупционном деянии задействовано множество факторов, в том числе морально-психологических, то необходимо это явление рассматривать в более широком *историко-культурном контексте*. Коррупционное поведение во многом зависит от принятых норм и стандартов культурного сообщества, которые в свою очередь уходят вглубь традиций и обычаев этого сообщества. Речь идет о коррупции как культурно-ментальном феномене.

Среди макрофакторов, способствующих вовлечению в коррупционные отношения, исследователи иногда называют исторические предпосылки страны и *менталитет* социума⁴³. Так, И. Я. Богданов и А. П. Калинин отмечают, что формы коррупции «не только интернациональны, но и имеют национальные особенности»⁴⁴. Эти особенности не стоит, конечно, преувеличивать, но безусловно, что тот или иной культурный тип в большей или меньшей мере предрасположен к коррупционному поведению. А. И. Кирпичников считает, что «Коррупция развивается и существует по своим временным и национальным законам (имеется в виду не законодательство, а

⁴² Осипов Г. В. Социология и социальное мифотворчество. М., 2002. С. 268.

⁴³ О проблематизации вопроса, касающегося связи национальной философии с национальной ментальностью, см.: Иванова И. И. Национальная ментальность и национальная философия // Кантовские чтения в КРСУ. Бишкек, 2004. С. 285–298.

⁴⁴ Богданов И. Я., Калинин А. П. Указ. соч. С. 35.

менталитет наций)»⁴⁵. Таким образом, *ментальные предпосылки коррупции* представляются не менее важными, чем экономические или политические.

Одно из типологических описаний коррупции, включающее ментальный фактор, сводится к выделению «западной» и «восточной» коррупции. Безусловно, данная типология отражает общую типологию культур с ее разделением на восточный и западный тип с присущими каждому типу характерными чертами. Например, «восточная коррупция» определяется следующим образом: «В этом случае коррупция в стране образует давно укорененную систему социальных отношений. Причем эта система теснейшим образом переплетена с другими социальными отношениями – родственными, клановыми, корпоративными, земляческими, профессиональными и т.п. Это делает коррупцию в стране системным фактором»⁴⁶.

Очевидно, что восточный тип в большей мере отражает ценности патриархального общества, «в котором коррупция является универсальным культурным феноменом»⁴⁷. Особенность данного типа общества в том, что здесь коррупция тесно связана с таким феноменом, как дар (дарение). Тем самым коррупция в патриархальном обществе через институт дарения входит в самую клетку социальных отношений, буквально отождествляясь с ними, с их нормальным функционированием. И поэтому здесь сложно однозначно квалифицировать тот или иной тип поведения как коррупционный⁴⁸. Сила традиций в таком обществе может намного превосходить правовые нормы.

Символическое содержание обмена как социального феномена раскрыто в работе М. Мосса «Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах». Он показал многосложность и полифункциональность феномена обмена в форме дарения, который является «тотальным социальным

⁴⁵ Киртичников А. И. Указ. соч. С. 4.

⁴⁶ Добреньков В. И., Исправникова Н. Р. Коррупция : современные подходы к исследованию. М., 2009. С. 30.

⁴⁷ Антикоррупционная политика : справочник / авт.-сост.: А. В. Малько [и др.] ; под ред. А. В. Малько. М., 2004. С. 152.

⁴⁸ Попытка законодательного разделения взятки и подарка предпринята в статье Боркова В. Н. Верховный Суд Российской Федерации решил не путать взятку с подарком // Современное право. 2014. № 1. С. 107–110.

фактом». Эта тотальность определяется тем, что, как пишет Мосс: «Все эти явления суть одновременно явления юридические, экономические, религиозные и даже эстетические, морфологические и т.д.»⁴⁹.

Дарение является универсальной основой духовных отношений архаического сообщества и выходит за рамки чистых экономических отношений: «Все: пища, женщины, дети, имущество, талисманы, земля, труд, услуги, религиозные обязанности и ранги, – составляет предмет передачи и возмещения»⁵⁰. В качестве характерного примера исследователь выделяет *потлач* – распространенный обычай среди индейцев Северной Америки, когда раздача даров доходила до полного разорения. Исследователь считал феномен дарения позитивным явлением, лишенным утилитарных мотивов, возврат к которому может восстановить нормальный социальный порядок. Отчасти Мосс усматривал зачатки дарения и в западных сообществах. Основной его вывод выглядит следующим образом: «Общества прогрессировали в той мере, в какой сами они, их подгруппы и их индивиды могли стабильно давать, получать и, наконец, возмещать. Чтобы торговать, потребовалось сначала научиться отводить в сторону копья. Именно тогда стали успешно обменивать имущество и людей уже не только между кланами, но и между племенами, нациями и главным образом между индивидами. Только потом люди научились формировать, взаимно удовлетворять и, наконец, защищать свои интересы, не прибегая к оружию. Именно так клан, племя, народы сумели научиться – как это предстоит сделать завтра в нашем так называемом цивилизованном обществе классам и нациям, а также индивидам – противостоять друг другу без взаимного истребления и отдавать друг другу, не принося себя в жертву. В этом один из постоянных секретов их мудрости и солидарности»⁵¹.

Возможно, это несколько идеализированные представления о человеческой природе. Однако установленная исследователем цепочка *давать – по-*

⁴⁹ Мосс М. Опыт о даре. М., 2011. С. 32.

⁵⁰ Там же. С. 155.

⁵¹ Там же. С. 283–284.

лучать – возмещать действительно является основой нормального социального порядка, который со временем извратился, поскольку возобладала тенденция *получать, а не давать*. Важно то, что в дарении М. Мосс выявил позитивное нравственное ядро, опираясь на которое, можно построить здоровое общество.

Однако злоупотребление дарением, скорее всего, и приводит к коррупции. И в самом дарении (вернее в его извращенной форме) мы можем найти один из главных источников коррупции как восточного, так и западного типа при всем их несомненном различии.

Западный тип коррупции более «цивилизован» в том плане, что, несмотря на размеры коррупции, которые здесь отнюдь не меньше (например, в Италии), коррупционные отношения не отождествляются с нормой социальной практики. В силу меньшей клановости, общинности и, соответственно, большего индивидуализма западный тип коррупции выступает в виде рынка коррупционных услуг, где базовые капиталистические принципы экономики переносятся и в ее теневую сферу. Отсюда и методы борьбы с коррупцией в данных культурных типах будут различными. Если в случае с «западной коррупцией» акцент в большей мере должен делаться на правовые методы борьбы с ней, то «восточный» тип предполагает большие усилия нравственного характера.

Проблема ментальных предпосылок коррупции имеет самое непосредственное отношение к современной российской действительности. К какому типу – восточному или западному – относится российская коррупция? Очевидно, что она совмещает черты обеих культур, что, в принципе, осложняет вопрос борьбы с этим явлением.

Насколько отечественная ментальность предрасположена к коррупционному поведению? Это, пожалуй, наиболее острый и болезненный вопрос, относительно которого существуют различные мнения. Большинство авторов, исследовавших историю отечественной коррупции, подчеркивают ее *древность* и *универсальность*. Нам представляется, что А. И. Кирпичников

образно и емко выразил суть проблемы: «Опухоль взятки начала разъедать быт и нравственность народа еще в Древней Руси»⁵². Это весьма трезвый и честный взгляд, не позволяющий впадать в благодушные утопии, которые вредят общему делу борьбы с коррупцией.

Относительно институализации коррупции в России в историческом аспекте М. В. Шедий пишет, что «история Руси демонстрирует очевидную связь коррупции с системой государственного управления и особенно со сферой государственной власти и что их развитие шло параллельно, несмотря на стремление власти организовать борьбу с этим социальным явлением. История развития коррупции как “легального” типа социальных взаимоотношений относится к IX–X вв., когда на Руси возникает по примеру Византии институт “кормления” – древнерусский институт направления главой государства (князем) своих представителей (воевод, наместников) в провинцию без денежного вознаграждения, где население должно было содержать не только самого наместника, но и весь его аппарат»⁵³.

В самом деле российская историческая действительность полна примеров различных форм коррупционной деятельности. В художественной литературе (Н. В. Гоголь, Н. Е. Салтыков-Щедрин, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов и др.) содержится огромное количество свидетельств коррупции. Г. Р. Державин, как сообщает о нем В. Ходасевич, тщетно боролся с традицией российского беззакония. В письме к казанскому губернатору Бранту от 4 июня 1774 г. Державин говорит: «Доложить вашему высокопревосходительству смею надлежит искоренить взятки. Говорить о истреблении заразы

⁵² *Кирпичников А. И.* Указ. соч. С. 26. В проекции на современность мы получаем какой-то нескончаемый порочный коррупционный круг: «Россия вновь стоит перед проблемой, которая, как тень, преследует ее на протяжении столетий: опять, по Карамзину, “воруют, все воруют”. Перед этой проблемой капитулировали все российские политические режимы, в том числе и самые тиранические, обозначенные именами Ивана Грозного, Петра Великого и Иосифа Сталина. И если оглядываться, как на образец, на их опыт построения “великой России”, создания “сильного государства” и осуществления “диктатуры закона”, то в нем можно обнаружить все что угодно, но только не эпохально-необратимые сдвиги в решении этой фатально воспроизводящейся из века в век проблемы. В данном случае опыт прошлого может пригодиться нам лишь как опыт бесславных поражений, а не героических побед, и именно под этим углом зрения он и должен быть сегодня осмыслен» (*Клямкин И., Тимофеев Л.* Теневая Россия : экон.-социол. исслед. М., 2000. 283 с.).

⁵³ *Шедий М. В.* Коррупция как социальное явление... С. 22.

сей потому я за должное себе поставляю, что разливание оной наиболее всего, по моим мыслям, пособствует злу, терзающему наше отечество»⁵⁴.

Подобные примеры, естественно, можно множить, и картина от этого будет становиться все более тягостной и нелицеприятной. Особенную озабоченность вызывает современное положение дел. Исследователи отмечают высокую степень толерантности к коррупции в современном российском обществе: «В массовом сознании сегодня явно доминируют установки на пассивное подчинение коррупционному поведению»⁵⁵. Таков общесоциологический вывод, сохраняющий свою актуальность на протяжении десятилетий: «Взятка кажется чем-то привычным, обыденным и даже нормальным»⁵⁶.

Очень точно о высокой степени толерантности к коррупции в современном российском обществе с объяснением ее причин пишет Я. И. Гишинский. Приведем его рассуждение полностью: «Сегодня каждый школьник, каждый студент в России знает, что все продается и все покупается. Толерантность по отношению к коррупционной деятельности сама становится злом. Чиновники и “правоохранители” могут спать спокойно – бунт (подобный 1648 г.) им не грозит.

Каковы факторы (“причины”), обуславливающие массовость коррупции в современной России? Возможно, что основными из них являются:

– давняя российская традиция; неслучайно массовая коррупционная деятельность породила пословицы типа: “Не подмажешь, не поедешь”, “Сухая ложка рот дерет”, “Ты – мне, я – тебе”, “Руки для того, чтобы брать” и т. п.;

– бывшая советская коррумпирующая “номенклатура” в значительной степени сохранила или восстановила свои позиции в “новой” системе власти, привнеся в нее свои нравы;

– номенклатурная приватизация послужила экономической основой как беловоротничковой преступности в целом, так и коррупции;

⁵⁴ Ходасевич В. Державин. М., 1988. С. 124.

⁵⁵ Куприянов И. С. Указ. соч. С. 10.

⁵⁶ Чашин А. Н. Указ. соч. С. 53.

– организованная преступность успешно использует взятки, подкуп для обеспечения своей безопасности;

– издавна коррумпированными в России (включая времена СССР) оказывались высшие эшелоны власти; ясно, что среднее и низшее звенья чиновничества “с чистой совестью” следуют их примеру (и этот факт подметила народная мудрость: “рыба гниет с головы”);

– немаловажным, хотя и не главным, является то, что официальная зарплата служащих, сотрудников правоохранительных органов крайне низка, и это служит моральным “оправданием” взяточничества (другое дело, что развращенные чиновники продолжают брать взятки и в случае повышения должностных окладов: денег много не бывает...)»⁵⁷.

Все это говорит о том, что коррупция в современном российском обществе стала своеобразной *социальной нормой*. Именно так оценивают сложившуюся ситуацию аналитики фонда ИНДЕМ: «Мы вправе усматривать за устойчивостью и распространенностью коррупционного поведения наличие социальных норм, регулирующих это поведение. Речь идет, конечно, о неформальных нормах»⁵⁸.

Высокая толерантность к коррупции кроме наличной социально-экономической и правовой ситуации должна иметь определенные ментальные предпосылки. Можно ли говорить в данном случае о каком-то особом «коррупционном архетипе» отечественной ментальности? Если дать положительный ответ на этот вопрос, как часто делается в различных исследованиях, то борьба с коррупцией обречена. Если подвергнуть сомнению данный тезис и более детально и обстоятельно рассмотреть особенности отечественной ментальности, то можно обнаружить в ней множество иных (антикоррупционных проявлений), связанных в том числе с честным трудом и честным выполнением своего государственного долга как служения.

⁵⁷ Гилинский Я. И. Девиантология... С. 272–273.

⁵⁸ Российская коррупция : уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа / [под ред. Г. А. Сатарова]. М., 2013. С. 741.

Возможно, что в вопросе об отечественной коррупции надо разделять ментальность как таковую и особенности политического управления, которое, хотя и связано с общим ментальным настроением населения, все же имеет свою автономную историю.

При этом, как отмечает М. В. Шедий, российская коррупция «не является следствием особых черт русского национального характера», поскольку «она порождалась внутренней политикой правительства, которое давало возможность “кормиться от дел”, и является неотъемлемой частью системы управления»⁵⁹. В то же время действия правительства так или иначе санкционируются общественным мнением, поэтому сформировавшаяся система управления может быть воспринята как определенная форма национального менталитета.

И. М. Клямкин и Л. М. Тимофеев считают, что истоки отечественной коррупции связаны с *российской самобытностью*: «Россия (в том числе и советская) издавна утверждала себя как могучая военная держава. На приобретение и поддержание этого статуса она расходовала огромные средства, создавая тем самым непосильные тяготы для населения. Платой за Державное величие была бедность народного большинства – в этом своеобразие российской истории и, если угодно, одно из равных проявлений ее самобытности. Сюда и уходят корни отечественной коррупции... Российская державность и российская коррупция – две стороны единого исторического явления»⁶⁰.

Возможно, это так. Однако российская самобытность не исчерпывается одной державностью. Существует много иных форм отечественной самобытности, проявляющей себя в таких свойствах, как жертвенность, всемирная отзывчивость, непрагматичность, глубокая религиозность, стремление к всеединству и абсолютному добру и т.д. Все эти свойства хорошо описаны рус-

⁵⁹ Шедий М. В. Коррупция как социальное явление. С. 23.

⁶⁰ Клямкин И., Тимофеев Л. Указ. соч. С. 283–284. О российской ментальности в контексте модернизации см.: Поляков Л. Российская модернизация: социо-психоаналитический подход // Коллаж : социально-философский и философско-антропологический альманах. М., 1997. С. 55–75.

скими философами, особенно В. С. Соловьевым, Н. А. Бердяевым, В. В. Розановым, Н. О. Лосским, С. Н. Булгаковым, Г. П. Федотовым и др.⁶¹. Многие положительные черты русского характера нашли правдивое отражение в русской литературе.

Однако все положительные проявления национальной ментальности все же уживаются с коррупцией, позволяя ей бытовать и приобретать порой крайне зловещие формы. Возможно, здесь скрыта какая-то парадоксальная ситуация, заключающаяся в том, что положительные черты характера способны сосуществовать с коррупцией, временами даже способствуя ей. Например, особое чувство родственности (для понимания этого необходимо вспомнить философию Н. Ф. Федорова о родственности), свойственное русской ментальности, может способствовать распространению таких форм коррупции, как «блат» и «кумовство». Или, например, традиционно низкая правовая культура, связанная с гипертрофированием нравственного начала (так называемый моралецентризм), не способствует активному правовому противостоянию коррупции⁶². Даже такая национальная черта, выявленная русской философией, как стремление к всеединству, может влиять на распространение терпимого отношения к различным формам социального зла (в том числе и к коррупции). Всеединство – трансцендентная категория, связанная с тем, что всеобщему синтезу подлежат и «небесное», и «земное», а в качестве действующего субъекта выступают не граждане с развитым правовым сознанием, а «богочеловечество». Конечно, когда имеются такие высокие цели, то до несовершенств, связанных с земными реалиями, особого дела нет. Как следствие – индифферентность и терпимость к несовершенству социально-правовой реальности.

⁶¹ См.: Соловьев В.С. «Национальный вопрос в России»; Бердяев Н.А. «Русская идея»; Розанов В.В. «Религия и культура»; Лосский Н.О. «Характер русского народа»; С.Н. Булгаков «Героизм и подвижничество»; Федотов Г.П. «Святые Древней Руси» и др.

⁶² Вот показательное мнение современного исследователя по этому важному аспекту: «В России мораль и право не имеют единой системы действия на общественные отношения, следствием этого является правовой беспредел, взрыв преступности, коррупция» (Калягина Н. А. Моральное состояние российского общества : субъективное мироощущение // Этика и история философии. Тамбов, 2011. С. 222).

В западной же культуре с ее максимальными прагматическими установками и минимальными трансцендентными центр тяжести падает как раз на «земную», то есть социальную, реальность. Поэтому и гражданской терпимости к коррупции здесь меньше, и формы политико-правового противостояния более активны и действенны. Хотя именно западные исследователи чаще говорят о неискоренимости коррупции.

Таковы в общих чертах ментальные предпосылки, исследовав которые, можно предложить более эффективные меры борьбы с коррупцией. Здесь можно предвидеть скепсис, который заключается в том, что все вышеперечисленные ментальные особенности, если и имеют место, то, скорее всего, относятся к философии, а не к обыденному сознанию. И вообще, современная секулярная реальность давно уже вытравила какие бы то ни было черты характера, связанные с трансцендентными ценностями.

Мы полагаем, что национальные черты и национальные ценности, отраженные в понятии «ментальность», носят долговременный и прочный характер и непременно связаны с философией, которая во многом является хранительницей абсолютных ценностей. В этом смысле недооценивать ментальный фактор крайне неосмотрительно. Другое дело, как его интерпретировать и как бороться с негативными проявлениями подобных национальных особенностей, поскольку коррупция остается злом, угнетающим социальный организм. Как говорит С. Роуз-Аккерман: «Культура и история многое объясняют, но не могут служить оправданием... Общество может задаться вопросом, не пора ли отказаться от культурных обычаев, которые не позволяют экономике нормально развиваться, а государственным институтам – эффективно функционировать»⁶³.

Поставленные вопросы не предполагают моментальных ответов. Очевидно, что сегодня наиболее действенным средством борьбы с коррупцией (при сохранении, конечно же, всех государственных и юридических мер) являются меры нравственного характера. А это уже дело педагогической этики,

⁶³ Роуз-Аккерман С. Указ. соч. С. 5, 121.

которая должна заняться самым серьезным образом разработкой основ моральной антикоррупционной доктрины. Такая работа необходима, поскольку одних юридических мер явно недостаточно.

Подобная доктрина, избегая, конечно, доктринерства, должна включать в себя апологию нравственных ценностей, и прежде всего ценности честного труда, которые в последнее время пришли в забвение. Современная прагматическая культура с ее установками на достижение успеха любой ценой часто пренебрегает нравственными ценностями, которые неутилитарны в своей основе. Нужно вспомнить древнюю моральную философию (от Сократа до Сенеки), которая утверждала, что добродетельный уже счастлив своей добродетелью и что лучше претерпеть несправедливость, чем самому ее совершить. В переносе на труд можно сказать, что честная трудовая деятельность может приносить невиданное духовное удовлетворение человеку, наполняя его жизнь смыслом и ценностью. Конечно, государство должно заботиться о справедливом распределении доходов и адекватном вознаграждении честного труда.

Таким образом, несмотря на распространенный существующий скепсис относительно возможностей борьбы с коррупцией, мы считаем, что такая борьба и необходима, и возможна. Для ее большей эффективности необходимо глубже изучать национальные ментальные установки, стремиться к тому, чтобы пропагандировать позитивные ценности и на основе этих ценностей строить современные, прежде всего образовательные, программы, которые могут принести, пускай незначительное, но вполне конкретное улучшение наличной ситуации.

Таким образом, из этого параграфа можно сделать следующие выводы:

– большинство трактовок коррупции сводится к социальной интерпретации этого феномена, имеющего преимущественно экономические, политические и криминологические истоки;

– среди факторов, указывающих, с одной стороны, на трудность в изучении коррупции, а с другой – на неэффективность существующих мер в борьбе с ней, выделяются древность и универсальность этого феномена, охватывающего практически всю известную историю человеческой цивилизации;

– среди факторов, влияющих на форму и интенсивность коррупции, находятся факторы культурно-ментального порядка. Типология существующих форм коррупции разделяет ее на восточный и западный тип с присущими чертами восточной и западной культуры;

– наиболее острый и драматический вопрос – это вопрос о ментальных предпосылках отечественной коррупции, который предполагает полярные точки зрения на природу и сущность отечественной культуры вообще.

§ 1.2. Экзистенциальные истоки коррупции: депривация, фрустрация, девиация

В прошлом параграфе мы уже говорили о доминировании социально-политического и социально-экономического подходов к исследованию причин коррупции. Нужно отметить, что в социологическом подходе к исследованию коррупции наметился определенный прогресс. Авторы книги «Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа» рассматривают коррупцию как «одну из разновидностей человеческих отношений, как часть социального порядка»⁶⁴. Человеческие отношения, включающие в себя этику, психологию, религию, образуют антропологическую конфигурацию. Выводы авторов достаточно радикальны: «...наши знания о коррупции как о социальном явлении предельно узки и несовершенны»⁶⁵. Но это как раз стимул для дальнейшего научного изучения данного явления, расширения существующих методологических границ и подходов. Остановимся на некоторых психологических измерениях феномена коррупции, которые непосредственно связаны с фундаментальными *экзистенциальными измерениями* проблемы.

Современные исследователи рассматривают коррупцию как «*проблему макropsихологии*», и становится очевидно, что это не только социальная, политическая, экономическая, но и «общая духовно-цивилизационная пробле-

⁶⁴ Российская коррупция... С. 53.

⁶⁵ Там же. С. 739.

ма»⁶⁶. Действительно, при всей важности политико-экономического и правового измерений содержание коррупции ими не ограничивается, поскольку содержит в себе «неправовые этические поступки»⁶⁷. Здесь заключается очень важная, на наш взгляд, «завязка» этических и правовых аспектов коррупции, которые могут быть исследованы более эффективно с психологической точки зрения.

Этика тесно связана с психологией, образуя мотивационный комплекс человеческого поведения. Выдающийся отечественный психолог С. Л. Рубинштейн сказал очень важные слова о взаимопроникновении этики и психологии: «Человек – это большая тема мировоззренческого плана и, прежде всего, этического порядка... проблема этического – проблема самой сущности человека в его отношении к другим людям»⁶⁸. Исходя из этого тезиса, необходимо рассмотреть некоторые этико-психологические механизмы формирования коррупционного поведения, для того чтобы более глубоко проникнуть в сущность данного феномена.

Обратимся к работе американских ученых А. Рогоу и Г. Лассуэл, которые в книге «Власть, коррупция и честность» описывают в том числе и *экзистенциальные истоки коррупции*, лежащие в «природе человека». С их точки зрения важнейшим показателем является «структура личности человека, стремящегося к власти». Авторы серьезно рассматривают *фактор депривации* как одно из наиболее важных объяснений механизма стремления к власти. Основная гипотеза заключается в том, «что люди стремятся к власти как средству, компенсирующему депривацию. Депривация может быть присуща самому человеку или быть связана со значимыми символами, с которыми идентифицируются семья, друзья, профессиональные и бизнес-партнеры, этническая, религиозная и национальная группы. Показательно, что в истории в число обладателей власти включаются люди, история жизни которых свидетельствует о серьезных признаках физических или психических недостат-

⁶⁶ Соснин В. А. Феномен коррупции в России как социополитическая, социокультурная и социально-психологическая проблема // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 3. С. 78–90.

⁶⁷ Богданов И. Я., Калинин А. П. Указ. соч. С. 35.

⁶⁸ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. С. 268.

ков; у нас есть основание полагать, что многие из них стремились к власти как к средству компенсации физической ограниченности, уродства, импотенции и нелегитимности»⁶⁹.

При этом авторы не склонны абсолютизировать тезис о депривации, поскольку депривация не всегда ведет к жажде власти. Ученые показывают, что «“интерес к власти” может носить не только компенсаторный, но и целенаправленный характер, связанный с решимостью осуществлять политику во имя общественного порядка». Критики власти, как правило, недооценивают неутилитарный аспект власти. Однако игнорировать его было бы психологически не верно.

Комментируя воззрения американских ученых, В. Д. Попов в предисловии к книге пишет: «Депривация означает потерю, лишение доходной должности. Мотив компенсации лишения доходности, а часто модусов жадности, алчности, наживы (Л. Гумилев), – двигатель коррупции. Таким образом, мотив “поиска власти” был глубоко связан с депривацией»⁷⁰. Далее делается акцент на антидепривации как способе борьбы с коррупцией. В этом аспекте происходит наиболее существенное взаимопроникновение *экзистенциальных* (депривация) и *этических* (жадность, алчность, нажива) моментов коррупции, наиболее точно и глубоко раскрывающих ее природу. Даже если не абсолютизировать депривацию, многое становится понятным в *мотивации коррупционного деяния*, в котором непременно должны быть оба компонента.

Стремление к власти подвергается крайне острой критике известным психологом А. Адлером. В работе «Психология власти» он пишет: «...стремление к личной власти является губительным наваждением и отравляет совместную жизнь людей. Тот, кто желает человеческой общности, должен отказаться от стремления властвовать над другими»⁷¹. И далее: «У нас по-прежнему в крови стремление к упоению властью, а наши души – игрушки в руках властолюбия. Спасти нас может только одно – недоверие к

⁶⁹ Рогоу А. А., Лассуэлл Г. Д. Власть, коррупция и честность : пер. с англ. М., 2005. С. 53.

⁷⁰ Там же. С. 6.

⁷¹ Адлер А. Психология власти : пер. с нем. // Очерки по индивидуальной психологии. М., 2002. С. 204.

любому господству. Наша сила в убеждении, в организующей энергии, в мировоззрении, но не в силе оружия и не в дискриминирующих законах. Другие, мощные силы пытались уже бороться за свою целостность такими средствами, но тщетно»⁷².

Главная высшая цель человека, считает А. Адлер, – это «вращивание и усиление чувства общности». Это чувство должно противостоять жестокой логике мира, в котором с детства воспитывается стремление к власти. Он пишет: «Мы нуждаемся в сознательной подготовке и развитии сильного чувства общности и полном устранении алчности и жажды власти у отдельных людей и народов. Мы непрерывно боремся за то, чего у них нет, – за новые методы усиления чувства солидарности, новое слово»⁷³.

Гуманистический метод А. Адлера может показаться утопичным, однако с позиции глубинной психологии возможно «полное устранение алчности и жажды власти». По крайней мере это то, к чему нужно стремиться, на что должны быть направлены все духовные резервы образования и культуры. Здесь мы видим, что природа человека структурирована из двух противоположных начал: *стремления к власти* и *чувства общности*. Развитие солидарности будет минимизировать проявления алчности и властолюбия, а значит, уменьшать вероятность коррупционного поведения.

Еще одним важнейшим психологическим источником коррупции является *фрустрация*: «Один из мотивов коррупции во всем мире, в России особенно, порожден механизмом фрустрации – потерей старых и поиском новых смыслов жизни... Отсюда – желание пожить хорошо “здесь и сейчас” и любой ценой, где честность обесценивается и даже возводится в порок. Неуверенность в завтрашнем дне мотивирует беспредел наживы и олигархов, и чиновников по принципу: главное занять сегодня, а там “хоть трава не расти”»⁷⁴.

⁷² Адлер А. Указ. соч. С. 205.

⁷³ Там же. С. 207.

⁷⁴ Попов В. Д. Предисловие // Власть, коррупция и честность / Арнольд А. Рогоу, Гарольд Д. Лассуэлл. М., 2005. С. 8.

Психологический механизм фрустрации имеет очевидную этическую подоплеку. Как пишет современный философ-этик А. Е. Зимбули: «Современное положение человека в культуре можно было бы обозначить как ценностный сбой. Как растерянность или фрустрацию»⁷⁵. И как «ценностный сбой» фрустрация означает некую основополагающую смысложизненную ориентацию, имеющую явную аморальную основу – *наживу*. Средства достижения наживы, если и не криминальны, то всегда безнравственны. Да и само стремление к наживе как смыслу жизни – это значительное ценностное сужение жизненного горизонта. Такую жизнь нельзя назвать полноценной ни психологически, ни этически.

Американские ученые сложившуюся ситуацию характеризует следующим образом: «Мы говорим о мире “кризиса безопасности”, “эпохе беспокойства” или даже об “эпохе Кафки”. Утверждается, что молодые люди совершенно несведущи в вопросе о целях жизни. Они испытывают затруднения с определением идентичности, не могут определить или скрыть границы первичного эго и поэтому не способны понять собственное “Я”. Они испытывают большую тревогу и безразличны к общественным событиям, уязвимы к коррупционным последствиям несоблюдения обязательств»⁷⁶. Это очень важное наблюдение; «эпоха Кафки» – образная, но весьма точная характеристика духовного и нравственного самочувствия современного человека, которую Жиль Липовецки назвал «Эрой пустоты», а Герберт Маркузе охарактеризовал в терминах «одномерного человека».

Кроме индивидуального аспекта, коим является депривация, американские ученые выходят на более широкую проблему *современного общественного сознания*, в которой также усматриваются психологические причины коррупции. Так, характеризуя ментальность потребительского общества, А. Рогоу и Г. Лассуэл пишут следующее: «Современное экономическое общество специализируется на искусстве пробуждать потребность. Обладая в

⁷⁵ Зимбули А. Е. Лекции по этике. СПб., 2015. Вып. 4. С. 4.

⁷⁶ Рогоу А. А., Лассуэлл Г. Д. Указ. соч. С. 151.

сказочном масштабе научным и техническим потенциалом для производства товаров и услуг, общество увеличивает потребности через рекламу, распродажу и планирование привлекательных для рынка товаров. Эти приемы включают ценностные призывы всякого рода и превращают простейшую покупку в дело уважения, привязанности, экономического успеха, здоровья, знания, ноу-хау, морали и патриотизма. «Побочный эффект» – содействие коррупции, поскольку поощряется задолженность потребителя и критерии самоуважения требуют ради дохода жертвовать моралью»⁷⁷.

Американские ученые выявляют здесь очень важный экзистенциальный аспект коррупции, коренящийся в *зависимости от потребления*. Это своего рода духовный недуг именно современного общества, который способствует развитию коррупционных мотивов и, соответственно, коррупционных деяний. За потребностью потребления стоит то, что Жиль Липовецки назвал нарциссическим эгоизмом, характеризующим современную «Эру пустоты». Философ пишет: «...чем больше люди стараются выразить себя, тем меньше смысла мы находим в их выражениях; чем больше они стремятся к субъективности, тем наглядней анонимность и пустота»⁷⁸.

В другой терминологии эту ситуацию принято называть постмодернистской, а человека соответствующего типа характеризовать следующим образом: «Постмодернистский человек – существо, далекое от совершенства. Он – вовсе не инстанция принятия свободных решений, движим желанием, нуждается в сообществе других из-за бесконечной нехватки индивидуальной идентичности»⁷⁹.

Такое состояние в большей степени характерно для постиндустриального общества с его мощным развитием технологий и отсутствием духовной мотивации существования. А. Рогоу и Г. Лассуэл в одной тональности с Жилем Липовецки называют современность «Эрой тревоги». Таким образом,

⁷⁷ Рогоу А. А., Лассуэлл Г. Д. Указ. соч. С. 124–125.

⁷⁸ Липовецки Ж. Эра пустоты. СПб, 2001. С. 31.

⁷⁹ Алейник Р. Человек информационной эпохи (ответы постмодернизма) // Человек вчера и сегодня : междисциплинарные исследования. М, 2008. Вып. 1. С. 229.

налицо общность базовых характеристик духовного состояния современного западного общества, данное его интеллектуальными представителями.

Глубокую характеристику нынешнему духовному опустошению дал современный отечественный философ и культуролог М. Блюменкранц: «Наша накатанная техника скольжения по жизни до поры до времени является патентованным средством защиты от ее подспудного трагизма. Но рано или поздно защита рушится, подступают неизбежные болезни и смерть – час неотвратимой расплаты по не обеспеченным высшим смыслом жизни приватным счетам. В какой-то момент существование дает трещину и скольжение оканчивается. Человек застывает над бездной и с жуткой отчетливостью осознает, что опереться ему не на что ни в самом себе, ни в ставшем вдруг чужим и враждебным мире. Все очарования тешивших сердце миражей блекнут, радости гедонизма безнадежно тускнеют, и человек остается один на один с вопиющей бессмыслицей собственных страданий»⁸⁰.

Собственно говоря, описанные выше состояния в основном характеризуют человека *потребительской ментальности*, имеющего экономоцентрическую систему ценностей⁸¹. Именно в этой системе ценностей неумная жажда потребностей развивается прямо пропорционально экзистенциальной пустоте. И коррупция возникает на пересечении *экономических, экзистенциальных и психологических факторов*. Экзистенциальный аспект очень близко подходит к самой сути коррупции как антропологического феномена.

Таким образом, «Эра тревоги» и «Эра пустоты» оказываются связанными между собой. По сути, это две грани одного феномена, одного духовного самочувствия современного человека, о котором с большой тревогой писали очень многие выдающиеся мыслителя XX века, и прежде всего Э. Фромм, установивший непосредственную *связь между потреблением и духовной нестабильностью* человека. Его размышления являются некой ак-

⁸⁰ Блюменкранц М. В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта // Вопросы философии. 2007. № 1. С. 53.

⁸¹ О деструктивном влиянии потребительской психологии на моральное состояние личности писали многие известные авторы в XX веке (более подробно о связи *духовных основ* потребительского общества и развития коррупции мы поговорим в третьей главе нашего исследования).

сиоматической характеристикой душевного состояния современного человека. В книге «Революция надежды» (1968) Э. Фромм писал: «Принудительное потребление компенсирует тревогу... потребность в этом типе потребления проистекает из чувства внутренней пустоты, безнадежности, душевной сумятицы, напряженности. Поглощая предметы потребления, индивид убеждает-ся в том, что “он есть” как таковой. Если сократить потребление, тревога в значительной мере вышла бы наружу»⁸².

Тем самым образуется порочный круг между *потреблением* и *компенсацией тревоги*. Порочный круг между потреблением и компенсацией тревоги весьма эффективно вписывается в коррупционную ментальность современного общества. Нравственные пороки личности скрываются под маской благопристойности потребительской идеологии. Тревога стимулирует потребление, оставляя за бортом иные, прежде всего духовные, возможности преодоления психологических проблем. Это огромная проблема современного общества потребления, которая к настоящему времени приобрела еще большую напряженность. Э. Фромм говорил, что история человека – «это летопись его поисков и выражения потребностей, превосходящих выживание»⁸³. Думается, что в данных словах заключена абсолютная истина человеческой духовности, которая могла бы направить современную потребительскую цивилизацию в более гуманное русло. Неумный рост потребностей при минимализации этических регуляторов стимулирует нахождение различных (неэтичных и неправовых) форм удовлетворения этих потребностей, что открывает широкую дорогу к коррупции.

В данном контексте обнаруживается глубокая взаимосвязь между *фрустрацией* (экзистенциальная величина), *потреблением* (экономическая величина) и *коррупцией* (правовая величина), которая дает более полную картину бытования феномена коррупции в современном обществе. Мы полагаем, что этот аспект недостаточно изучен, что сокращает возможности эффективной борьбы с коррупцией.

⁸² Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 310.

⁸³ Там же. С. 322.

Таким образом, депривация и фрустрация являются главными экзистенциальными факторами, определяющими мотивацию коррупционного деяния на индивидуальном и коллективном уровнях. Говоря о психологических аспектах мотивов коррупции, необходимо указать еще на один фактор. Речь идет о *коррупции как девиации*. В этом плане коррупция рассматривается в общем контексте преступных деяний. И здесь такие проблемы, как психология преступника, его ценностный мир, проблема зла, – необходимые вопросы для понимания этической сущности преступности вообще и коррупции в частности.

Известный специалист в области девиантологии Я. И. Гилинский говорит о глубокой укорененности коррупции в социальном бытии, недооценивать которую неверно. В то же время рассмотрение коррупции как девиантности свидетельствует о конвенциональности социальных конструкций. Ученый пишет: «Девиантология больше, чем какая-либо другая общественная наука, свидетельствует о релятивности, конвенциональности социальных конструкций (“девиации”, “преступности”, “наркотизма”, “проституции”, “коррупции”, “терроризме”, “творчестве” и др.), об относительности и взаимодополнении “добра” и “зла” в реальной жизни, “где порок переплетен с добродетелью и где из добра рождается зло, а из зла – добро”»⁸⁴. Это значительным образом расширяет возможности этико-философского анализа феномена коррупции, борьба с которым переносится исключительно с правовых методов в область *профилактики девиантных проявлений*. Здесь наиболее эффективным является *развитие социального творчества*.

Таким образом, рассмотрение психологических истоков коррупции позволяет выявить три главных фактора, существенно расширяющих представление об этом явлении и помогающих выработать более эффективные меры борьбы с ним, – депривацию, фрустрацию и девиацию. Депривация – механизм, раскрывающий человеческое стремление к власти вообще, которая чревата коррупционными издержками; фрустрация – духовный недуг современного потребительского общества, стремящегося компенсировать тревогу

⁸⁴ Гилинский Я. И. Девиантология... С. 468.

неуемным потреблением, что непременно влечет коррупционные способы дохода; девиация – наиболее сложная форма социального поведения, свидетельствующая о релятивности и конвенциональности моральных норм и оценок, в том числе и коррупции. Исследование коррупции в рамках девиантологии дает наибольший позитивный эффект, поскольку негативным методам борьбы с коррупцией противопоставляется позитивный, заключающийся в развитии социального творчества.

Итак, из данного параграфа можно сделать следующие выводы:

- философско-антропологический анализ устанавливает глубокую взаимосвязь экзистенциальных и психологических факторов коррупции, которые в контексте духовной ситуации общества выступают как синонимы;
- в современных исследованиях коррупции наметилась тенденция рассматривать это явление как «проблему макropsихологии», которая не только раскрывает его социальные, политические, экономические аспекты, но и усматривает в нем общую духовно-цивилизационную проблему;
- рассмотрение экзистенциальных механизмов формирования коррупционного поведения способствует более глубокому проникновению в сущность этого феномена;
- психологический анализ коррупции раскрывает ее важный аспект, коренящийся в зависимости от потребления. Таков духовный недуг именно современного общества, который способствует развитию коррупционных мотивов и, соответственно, коррупционных деяний;
- философско-антропологический анализ показывает эффективность профилактики девиантных проявлений, среди которых наиболее продуктивным является развитие социального творчества.

Выводы по первой главе

Рассмотрев в первой главе нашего исследования философско-культурологические и философско-антропологические трактовки коррупции, мы пришли к следующим выводам.

Многие исследователи, занимающиеся темой коррупции (Я. И. Гишинский, А. И. Кирпичников и др.), отмечают ее древний и неустрашимый характер. Общим местом в исследованиях по коррупции является факт универсальности данного явления, не ограниченного определенным временем и пространством. Причем большинство существующих трактовок феномена коррупции рассматривают ее исключительно как социальный феномен (И. Я. Богданов, О. В. Дамаскин, М. В. Шедий), имеющий политический, экономический и правовой аспекты соответственно. Это говорит о сложной организации коррупции как социального феномена, но мало что сообщает о ее истинной природе.

Важно отметить, что современная ситуация характеризуется гипертрофированным дискурсом борьбы с коррупцией почти при полном отсутствии позитивных результатов. На неэффективность существующих (преимущественно юридических) мер борьбы с коррупцией указывают многие исследователи. Это влечет к необходимости поиска иных, более эффективных мер борьбы, которые предполагают рассмотрение философско-антропологических аспектов данного феномена.

Философская антропология указывает с одной стороны на глубинные, иррациональные черты личности, способной на самые аморальные деяния, с другой – на фактор открытости и незавершенности человека (П. С. Гуревич), способного к духовному преображению и совершенствованию (Ф. М. Достоевский). В этом контексте коррупционные правонарушения не рассматриваются как нечто фатальное, не имеющее никакого позитивного выхода и разрешения, но воспринимаются как то социальное зло, которое может и должно постепенно искореняться.

Существенным моментом для философско-антропологического анализа коррупции является необходимость рассматривать это явление в более широком историко-культурном контексте, поскольку коррупционное поведение во многом зависит от принятых норм и стандартов данного культурного сообщества, которые в свою очередь уходят вглубь традиций и *обычаев этого*

сообщества. Речь, таким образом, идет о культурно-ментальных предпосылках коррупции, важность изучения которых подчеркивается рядом исследователей (А. И. Кирпичниковым, И. Я. Богдановым, А. П. Калининим).

Анализ ментальных предпосылок коррупции приводит к выделению «западного» и «восточного» типов коррупционной ментальности. Каждый тип несет в себе базовые черты культуры, в рамках которых происходит легитимация тех или иных видов коррупционных деяний.

В этой связи проблематизируется вопрос об отечественной коррупции, о ее принадлежности к восточному или западному типу, а также насколько отечественная ментальность предрасположена к коррупционному поведению. В главе выявлены различные подходы к пониманию сути отечественной коррупции (И. М. Клямкин, Л. Тимофеев, М. В. Шедий, Г. А. Сатаров).

Определены параллели между национальными чертами характера, выявленными русской философией, и моделями коррупционного поведения, например:

- особое чувство родственности (философия Н.Ф. Федорова) – широкое распространение «кумовства»;
- гипертрофирование нравственного начала (моралецентризм) – отсутствие правовой культуры противостояния коррупции;
- стремление к всеединству – терпимое отношение к различным формам социального зла (в том числе и к коррупции).

Национальные черты и национальные ценности, отраженные в понятии «ментальность», носят долговременный и прочный характер, вот почему недооценивать ментальный фактор крайне неосмотрительно. Вопрос, который возникает в связи с этим, связан с возможностями интерпретации ментальных факторов, в том числе и с борьбой с негативными проявлениями национальных особенностей.

Более глубокое философско-антропологическое рассмотрение феномена коррупции приводит к исследованию *экзистенциальных истоков коррупции*, которые лежат в «природе человека». В главе рассмотрены воззрения

философов и психологов (например, Э. Фромма и Ж. Липовецки) на природу современного потребительского общества и духовного самоощущения человека в таком обществе, что позволило выявить три главных экзистенциальных фактора, влияющих на коррупционное поведение:

- депривацию;
- фрустрацию;
- девиацию.

В главе делается вывод о том, что исследование коррупции в рамках девиантологии дает наибольший позитивный эффект, поскольку негативным методам борьбы с коррупцией противопоставляется позитивный, заключающийся в развитии социального творчества.

Глава 2. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ КАК ИСТОК КОРРУПЦИИ

Цель – выявить глубинные антропологические аномалии коррупционного поведения, которые коренятся в «природе человека».

Задачи:

- 1) рассмотреть коррупцию как нравственную патологию;
- 2) выявить специфические нравственные пороки, которые присущи коррупционному типу поведения;
- 3) проанализировать феномен коррупции в контексте христианской антропологии.

§ 2.1. Коррупция как нравственно-антропологическая патология

Современная правовая мысль расширяет диапазон методов борьбы с коррупцией, понимая недостаточность традиционных средств. Сегодня исследуется правовой инструмент *антикоррупционной экспертизы* в системе юридических экспертиз⁸⁵. Рассматривается использование зарубежного опыта *конфискации имущества* как наиболее справедливого ответа общества за коррупционное преступление⁸⁶. Разрабатывается правовая категория *антикоррупционный аудит* как специальный инструмент противодействия коррупции и форма контроля за осуществлением реализации государственной политики противодействия коррупции⁸⁷.

Очень важной мерой в борьбе с коррупцией является *совершенствование правовой основы*. О. Дамаскин пишет: «Формирование антикоррупционной правовой базы, в том числе ее научных основ, представляется одним из

⁸⁵ См.: Балдин А. К. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как инструмент познания правовой материи в системе юридических экспертиз // Современное право. 2014. № 2. С. 46–49.

⁸⁶ См.: Голованова Н. А. Конфискация vs. Коррупции (зарубежный опыт) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 3. С. 496–503.

⁸⁷ См.: Кабанов П. А. Антикоррупционный аудит как инструмент противодействия коррупции : понятие, содержание, вопросы правового регулирования // Административное и муниципальное право. 2015. № 7. С. 744–753.

приоритетных направлений организационно-правового обеспечения государственной и муниципальной службы и противодействия коррупции»⁸⁸.

В то же время автор говорит и о проблеме *нравственного лидерства*, которая наряду с общественными инициативами и гражданским контролем является важнейшей мерой в борьбе с коррупцией. Это предполагает повышение *этического уровня государственных служащих*: «Актуализируется потребность нравственных начал формирования полноценного гражданского общества. Для этого необходимо, прежде всего, оздоровление, очищение аппарата государственной службы на основе внедрения в повседневную общественную практику признанных нравственных норм, носителями которых должны быть государственные служащие, несущие повышенную ответственность за их соблюдение. Опора на организованное сообщество нравственно и профессионально ориентированных государственных служащих является жизненно важной социальной потребностью всего общества как условия его позитивного развития и безопасности»⁸⁹.

Действительно, сегодня многие правоведы понимают, что одними только юридическими мерами невозможно бороться с коррупцией, и все чаще говорят об *этических измерениях* проблемы: «Только системная борьба с коррупцией с использованием всех средств – политических, правовых, организационных, морально-этических и других – поможет добиться выполнения задач, поставленных руководством нашей страны: существенное повышение качества жизни, модернизация экономики, улучшение инвестиционного климата»⁹⁰.

Исследователями все чаще признается необходимость этических усилий в борьбе с коррупцией. В частности, в диссертации Н. Ю. Белоусовой отмечается, что: «Борьба с коррупцией требует формирования новой этики и культуры государственного служащего, его ориентации на удовлетворение

⁸⁸ Дамаскин О. В. Указ. соч. С. 7.

⁸⁹ Там же. С. 212.

⁹⁰ Правовые основы противодействия коррупции : постатейные материалы и методические рекомендации по применению Федерального закона «О противодействии коррупции» / [отв. ред.: Т. Д. Зражевская, Ю. Н. Стариков]. Воронеж, 2013. С. 6.

потребностей населения, повышение ответственности за распределение ресурсов и представление услуг»⁹¹.

Наряду с экономическими мерами, такими как создание благоприятных условий для формирования здоровых конкурентных отношений в национально экономике, а также политическими (способность власти эффективно, честно и высококвалифицированно отстаивать национальные интересы), эффективность борьбы с коррупцией определяются тем, отмечается в данном исследовании Н. Ю. Белоусовой, насколько государство способно формировать действенную систему ценностных ориентиров, что предполагает формулировку и закрепление в сознании граждан национальной идеи, отражающей основные моральные и нравственные ценности российского социума (государственность, коллективизм, социальную справедливость, духовность и т.д.)⁹².

О неэффективности борьбы с коррупцией силовыми методами говорит Ф. Шереги. Исследователь считает, что демократизация является основным методом борьбы с коррупцией: «Мировой опыт свидетельствует, что с девиантным поведением, порожденным экономическими причинами, бороться эффективно силовыми методами невозможно... Основным методом уменьшения коррупции – демократизация общества, ликвидация излишних государственных учреждений, передача части функций общественным организациям, приватизация большинства госучреждений, оказывающих услуги населению»⁹³. Другие авторы также считают, что активная гражданская позиция, усиление контроля за работой государственных служащих и повышение ответственности контролирующих органов могут способствовать преодолению коррупции⁹⁴.

⁹¹ Белоусова Н. Ю. Государственность как доминанта противодействия коррупции : автореф. дис. ... канд. экон. наук. Тамбов, 2008. С. 15.

⁹² См.: Там же. С. 16.

⁹³ Шереги Ф. Э. Указ. соч. С. 292.

⁹⁴ См.: Василевич Г. А. Активная позиция государственных служащих и граждан – основной фактор предупреждения коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2015. № 2. С. 188–192. При таком подходе на общество возлагаются большие полномочия в воздействии на учреждения, оказывающие образовательные услуги, на работу медицинских учреждений, коммунальные службы, муниципальную полицию и т.д. В этом случае необходимо наличие развитого гражданского общества. Однако здесь есть существенные проблемы.

В прошлой главе мы установили, что среди негативных феноменов социальной жизни коррупция является одним из самых древних и распространенных. В определенной мере коррупция – ровесница социальной организации. В истории человеческой цивилизации не существовало общества, в котором в той или иной мере не присутствовало бы это социальное явление. «Когда мы исследуем коррупцию в политической и управленческой системе общества, – отмечают американские ученые А. А. Рогоу и Г. Д. Лассуэлл, – то должны признать, что коррупция в той или иной степени присуща любому обществу и может считаться частью реальной системы»⁹⁵. А вот точка зрения французского исследователя: «Коррупция в государственной службе существует с тех пор, как существуют сами институты, о чем свидетельствует капитулярый Карла Лысого от 873 года “о генеральной полиции королевства, об избрании и коррупции эшвеннов”»⁹⁶.

Такая стабильность коррупционных отношений, очевидно, укоренена в антропологической природе человека, поскольку если бы это явление имело исключительно социальную природу, то, возможно, было бы достаточно одной доброй воли граждан, чтобы искоренить его. Неискоренимость коррупции свидетельствует о том, что доброй воли, совершенствования законов, ужесточения правовых мер всегда недостаточно. Необходимо обратиться к *нравственному пласту человека*, который составляет одну из фундаментальных основ личности.

При анализе коррупции с нравственных позиций важно помнить о *неизменности человеческой природы*, подчеркнутой еще Марком Аврелием. Философ говорил: «Люди будут делать одно и то же, как ты ни бейся»⁹⁷. Это философский предел всяким утопическим проектам на переустройство человеческой природы, что не лишает возможности нравственного совершенствования, о чем он сам и говорил: «Смешно, стараясь избежать чужой порочности – что невозможно, не стараясь избежать своей собственной – что вполне возможно»⁹⁸.

⁹⁵ Рогоу Арнольд А., Гарольд Д. Лассуэлл. Указ. соч. С. 92.

⁹⁶ Вигуру К. Указ. соч. С. 38.

⁹⁷ Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М., 1995. С. 324.

⁹⁸ Там же. С. 322.

Хотелось бы здесь привести слова русского философа Н. О. Лосского, которые содержат трезвую и реальную оценку человеческой природы и которые применимы в качестве методологического принципа при нахождении адекватных мер в борьбе с коррупцией. Философ пишет: «Поскольку зло в человеческой жизни обусловлено глубочайшими свойствами человеческой личности, оно не может быть устранено никакими измерениями общественного строя. Из этого, однако, вовсе не вытекает, будто не следует бороться за социальную справедливость и не следует устранять те специальные виды зла, которые коренятся в данном общественном строе. Нужно только помнить, что идеал абсолютного добра в земных условиях недостижим и новые формы общественной жизни, которые удастся выработать будущим поколениям, внесут лишь частичные улучшения некоторых сторон существования и, может быть, вместе с тем породят какие-нибудь новые проявления зла»⁹⁹.

Если акцентировать внимание на неизменности человеческой природы и, соответственно, на неустранимости коррупции, то коррупция представляет собой парадоксальную «анормальную норму» социального порядка как такового. В этом смысле коррупция, как считает Л. Тимофеев, может восприниматься как положительное и разумное явление, «как проявление здравого смысла в экономическом поведении человека»¹⁰⁰. Исследователь рассматривает коррупцию в контексте столкновения экономики и права и считает, что *человек экономический* оказывается сильнее *человека идеологического*, особенно если имеет место ограничение частной собственности и рыночных отношений. Экономический интерес тогда находит выход в теневых структурах, которые формируют законченную систему отношений («специфическое парагосударство»). Именно поэтому в современном обществе коррупция приобретает *институциональную* форму: «Мы живем в эпоху, когда коррупция, отношения черного рынка и теневые экономические связи становятся

⁹⁹ Лосский Н. О. Бог и мировое зло. М., 1994. С. 204.

¹⁰⁰ Тимофеев Л. М. Институциональная коррупция : очерки теории. М., 2000. С. 7.

самым существенным фактором не только экономики, но и политики и всех сфер общественной жизни»¹⁰¹.

Это очень интересная и продуктивная постановка вопроса о столкновении двух антропологических типов – человека экономического и человека идеологического. Под *идеологическим* исследователь имеет ввиду коммунистическую идеологию, и в таком случае, он, возможно, прав. Советская экономика настолько была неэффективной в области частных инициатив, что в таких антирыночных условиях вполне закономерно появление «теневого сектора». Но если «идеологический» заменить на «духовный» или «нравственный», то проблема приобретает более острый и драматический характер. Складывается впечатление, что сегодняшняя ситуация демонстрирует полную победу *Нотоекономісис* во всех областях жизни.

Однако далеко не все авторы склонны рассматривать коррупцию с точки зрения экономической целесообразности. Многие исследователи трактуют коррупцию прежде всего как *нравственно негативное явление*, оказывающее угнетающее действие в том числе и на экономику. Вот мнение А. И. Кирпичникова: «Коррупция – это коррозия власти. Как ржавчина разъедает металл, так коррупция разрушает государственный аппарат и разъедает нравственные устои общества. Уровень коррупции – своеобразный термометр общества, **показатель его нравственного состояния** (выделено нами. – В. Г.) и способности государственного аппарата решать задачи не в собственных интересах, а в интересах общества. Подобно тому, как для металла коррозионная усталость означает понижение предела его выносливости, так для общества усталость от коррупции означает понижение его сопротивляемости»¹⁰².

Нужно сказать, что, несмотря на высокую толерантность к коррупции в обществе (о чем мы говорили в прошлой главе), на уровне *глубинной нравственности* данное явление остается неприемлемым, что точно подметили исследователи О. С. Пугачев и Н. П. Козлова: «Несовершенство любого зако-

¹⁰¹ Тимофеев Л. М. Указ. соч. С. 354.

¹⁰² Кирпичников А. И. Указ. соч. С. 17.

нодательства, как и нечистая совесть человека, поставившего личную корысть или корпоративные интересы выше власти закона и порядка, отзываются острой болью в теле всего общественного организма»¹⁰³. Это дает надежду на посильное и постепенное преодоление коррупции, поскольку «генетическая нравственность» не может принять столь аморальное явление, и здесь никакие аргументы об экономической целесообразности не будут иметь силы. Неслучайно поэтому, как отмечают исследователи, «в рамках теории понятие коррупции использовалось в большей степени для характеристики морального состояния общества»¹⁰⁴. В первую очередь речь идет о классических представлениях, отраженных в трудах Платона, Аристотеля, Макиавелли. До наступления эконоцентричной модели жизни доминировала моральная точка зрения, которая была тесно переплетена с религиозной. И все же моральный аргумент был определяющим. Экономцентризм предполагает наличие частной собственности и сильного разделенного интереса, чего нет в аксиологиях классических культур.

Первая попытка отойти от моральной оценки при анализе коррупции была сделана М. Вебером, по мнению которого, коррупция в виде откупа государственных налогов способствует формированию рациональной бюрократии и в целом усиливает позицию элит, способствующих ускорению социальных процессов. Тем самым возникает экономическое (рационалистическое) оправдание социального зла. Происходит существенная смена аксиологической парадигмы, в которой моральные факторы больше не имеют определяющего характера, в лучшем случае – инструментально-прикладной.

С нашей точки зрения, раскрытие именно *нравственных аспектов* такого социального зла, как коррупция, поможет выявить его истинные причины, которые помогут нахождению более эффективных средств борьбы с ним. Мы хотим показать, что *нравственно порочная личность более склонна к коррупционному поведению*. Это достаточно жесткий тезис и в то же время

¹⁰³ Пугачев О. С., Козлова Н. П. Человек в системе морально-правовых отношений. Пенза, 2005. С. 3.

¹⁰⁴ Гражданские инициативы и предотвращение коррупции... С. 14.

довольно распространенный подход. Например, А. Э. Бинецкий относит *деградацию* определенных слоев общества *в моральном плане* к одной из главных причин возникновения и развития коррупции¹⁰⁵. Хотя понятие «нравственно порочная личность» не может означать какой-то стабильной характеристики человека, раз и навсегда данной. Личность этически и антропологически подвижна, и поэтому человек всегда способен к нравственному совершенствованию.

Нравственный аспект ближе всего соотносится с антропологическим, образуя вместе с психологическим и религиозным аспектами полную «антропологическую картину» человека. В работе Н. Аббаньяно «Антропологическая проблема морали» имеет место наиболее тесное сближение *моральной и антропологической* проблематики. Философ говорит, что «можно вполне обоснованно настаивать на двойственной, или неопределенной, или загадочной природе экзистенции человека»¹⁰⁶. Но это не загадка, которая может быть раз и навсегда разрешена. Это, скорее, как говорит философ, «трудный и лабиринтообразный путь», прохождение через который и составляет подлинное содержание жизни.

Такая установка, естественно, труднодостижима в реальной жизни, зато дает основания на смягчение моралистического ригоризма, который часто имеет место в случае осуждения коррупционных преступлений. Этико-антропологический подход позволяет более гибко и тонко понять человеческую природу, ее исконные склонности и мотивы, ее открытость и непостижимость. Это значит, что если применять антропологический подход к проблеме коррупции, то становится понятной недостаточность политико-правовых мер.

Интересно отметить, что даже такой известный философ-неопозитивист как А. Дж. Айер, исследуя человеческое поведение, пришел к заключению, что «в большинстве своем люди иррациональны» и что «наши

¹⁰⁵ См.: Бинецкий А. Э. Указ. соч. С. 48.

¹⁰⁶ Аббаньяно Н. Антропологическая проблема морали // Философские науки. 1991. № 11. С. 157.

обыденные представления о свободе и ответственности очень запутаны»¹⁰⁷. Поэтому с философско-антропологической точки зрения весьма затруднительно отыскать однозначную причину коррупции и наметить адекватные меры по борьбе с ней. Наверное, не случайно философы-этики нечасто занимаются осмыслением феномена коррупции, поскольку здесь требуются определенные *практические* меры, в то время как философская антропология как раз говорит о неопределенности человека.

В философии есть одна ниша, в которой можно эффективно решать проблемы коррупции как на теоретическом, там и на практическом уровне – это область *социальной этики* или *общественной морали*. Р. Г. Апресян, концептуализируя понятие общественной морали, отмечает, что «по логике общественной морали, благо общего приоритетнее блага частного и при конфликте различных частных интересов предпочтение следует отдавать тому, что в большей мере соответствует общему благу»¹⁰⁸. В проекции на плоскость коррупции это означает, что одна из важнейших причин появления данного феномена заключается в системном нарушении приоритета общего блага перед частным. Тем самым в коррупции имеет место нарушение норм общественной морали.

Тот факт, что в коррупционном деянии участвуют всегда два агента, делает этический анализ данного феномена предпочтительным, поскольку этика – это всегда взаимоотношение, *отношение к другому*. Конечно, агенты коррупционного деяния асимметричны по степени моральной порочности, но главное, что в это деяние всегда вовлечены как минимум двое. В нашей работе мы в большей мере сконцентрированы на фигуре «берущего», а не «дающего». Хотя этическая мотивация «дающего» также существенна, но она представляет собой предмет другого исследования. Это еще один важный аргумент в защиту того, что областью исследования коррупции является не столько индивидуальная, сколько социальная этика.

¹⁰⁷ Айер А. Дж. Человек как предмет научного исследования // Философские науки. 1991. № 1. С. 136.

¹⁰⁸ Апресян Р. Г. Понятие общественной морали (опыт концептуализации) // Вопросы философии. 2006. № 5. С. 15.

Философско-антропологический анализ позволят выявить *специфические нравственные пороки, которые присущи коррупционному типу поведения*. Конечно, это в некоторой степени условность, поскольку пороки и добродетели носят универсальный характер. Однако при более глубоком исследовании конкретного типа нравственной деформации выявляется гипертрофия одних пороков перед другими. Исследование коррупционных преступлений показывает, что основой коррупционных деяний прежде всего является гипертрофированная *страсть к наживе, личной выгоде*, которая также именуется *корыстолюбием*. В. Д. Андриянов дает такое определение феномену коррупции, в котором выявляется его *моральная порочность*: «Коррупция – использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным законам и правилам»¹⁰⁹. Причем нужно добавить, что это осознанное использование властных полномочий. Тем самым речь в данном случае идет о системном и масштабном характере явления коррупции, свидетельствующем о том, что этот нравственный порок становится привычкой или более точно – страстью.

Можно сказать, что в коррупционном поведении действует не столько экономическая целесообразность, сколько *стремление к личной выгоде*, которая становится *иррациональной страстью* и самоцелью. И в качестве иррациональной страсти данное стремление способно всецело охватить личность, подчинить весь круг ее жизненных целей и ценностей. Эта страсть может трактоваться как *себялюбие*, которое Аристотель предписывал *дурным людям* и характеризовал следующим образом: «...считается, что дурной человек все делает ради самого себя, причем тем больше, чем он хуже (так что жалуются на него за то, скажем, что он все делает только для себя, а не для другого), добрый же [совершает поступки] во имя прекрасного и тем больше, чем он лучше, причем ради друга, а своим пренебрегает»¹¹⁰.

¹⁰⁹ Андриянов В. Д. Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления... С. 17.

¹¹⁰ Аристотель. Никомахова этика // Сочинения : в 4 т. М., 1984. Т. 4. С. 59.

Аристотель, таким образом, первым в традициях европейской культуры описал модель антикоррупционного поведения, в основе которого лежит не извлечение выгоды для себя, а бескорыстный поступок во имя другого. Это соответствует классической этике добродетелей, главным разработчиком которой и был Аристотель. Главное, что добродетель в его системе ценностей является благом сама по себе; добродетельный счастлив от своей добродетели.

Личная выгода не может, конечно, восприниматься как юридически криминальное или морально порочное явление. Однако гипертрофированные формы, которые становятся возможными при коррупции, являются одновременно и правонарушением, и этически недопустимыми действиями.

Страсть к личной выгоде в ущерб общественному благу не может не осуждаться. И она действительно осуждается. Однако парадокс в том, что, несмотря на всеобщее порицание, явление это, увы, широко распространенное и трудноискоренимое. Многие исследователи считают коррупцию вообще неустранимой, поскольку она, как социальная болезнь, всегда будет возникать при любой социальной организации. И как преступность считается неискоренимой, так же *неискоренимой* считается и коррупция. Вот показательные мнения из недавних диссертационных исследований: «Коррупция как особое социальное явление существует в любом обществе, которое нуждается в управлении, и искоренить ее полностью невозможно»¹¹¹; «Данное явление не является специфическим продуктом современности, а присуще человечеству на протяжении тысячелетий»¹¹².

Действительно, такие выводы делаются большинством авторов, исследующих тему коррупции. Коррупция, как было сказано ранее, связана с серьезным нравственным дефектом личности, именуемым страстью к личной выгоде, которая при более запущенных формах становится *страстью к наживе*, или *корыстолюбием*. И в таком качестве эта страсть, или нравственный порок, действительно трудноискоренима. Т. Гоббс в своем знаменитом трак-

¹¹¹ Изотов М. А. Коррупция в современной России : дис. ... канд. филос. наук. Орел, 2012. С. 3.

¹¹² Токарев Б. Б. Указ. соч. С. 7.

тате «Левиафан» писал по этому поводу: «Желание богатств называется *корыстолюбием*. Это слово всегда употребляется в постыдном смысле, ибо люди, конкурирующие между собой в достижении богатств, недовольны успехами друг друга; однако само по себе это желание постыдно или допустимо в зависимости от тех средств, при помощи которых эти богатства добываются»¹¹³. История общественных и политических систем показала, что средства, с помощью которых реализуется корыстолюбие, всегда постыдны.

Стремление к личной выгоде, порождающее *страсть к наживе*, в свою очередь приводит к такому специфически коррупционному моральному пороку, как *продажность*. Известный специалист в области девиантологии Я. И. Галинский пишет: «Коррупция – сложный социальный феномен, порождение общества и общественных отношений, одно из проявлений продажности. Социальный феномен продажности (от коррупции должностных лиц до брачных аферистов и проституции – в сфере политики, науки, искусства, журналистики или же – сексуальных отношений) возможен в обществе развитых товарно-денежных отношений... Тот или иной вид продажности, осознаваемый как проблема, представляет собой социальную конструкцию: общество определяет, что именно, где, когда, при каких условиях и с какими последствиями рассматривается как коррупция, проституция и др.»¹¹⁴.

Безусловно, что продажность тесно связана с личной *выгодой*; можно сказать, что желание личной выгоды стимулирует продажность, которая легализует морально порочные механизмы поведения, создаваемые в свою очередь коррупционной ситуацией. Образуется *порочный круг между моральными пороками личности и коррупционной ситуацией, способствующей проявлению этих пороков*. Тем самым выявляется нравственная природа коррупции. Причем нужно снова отметить, что тема коррупции не является приоритетом в современных отечественных этических исследованиях. Возможно, это связано с неразвитостью институциональной и социальной этики.

¹¹³ Гоббс Т. Левиафан // Сочинения : в 2 т. М., 1991. Т. 2. С. 41–42.

¹¹⁴ Галинский Я. И. Девиантология. С. 258.

Таким образом, коррупция как сложный социальный феномен есть одно из проявлений *продажности*. Сама же продажность относится к области негативных моральных качеств личности, и в этом смысле коррупцию более точно следует характеризовать не просто как социальный феномен, но как феномен, относящийся к области социальной этики (или общественной морали).

В этом контексте хотелось бы обратить особое внимание на нечастый и за рубежом опыт исследования коррупции в контексте моральной теории. В этом плане заслуживает интерес книга современного чилийского философа Дарио Саласа Соммера «Мораль XXI века». В этой фундаментальной работе дан этический анализ феномена коррупции с позиций моральной философии. Примечательно то, что автор рассматривает коррупцию в разделе «Моральные ошибки и грехи» наряду с такими явлениями, как нечестность, злоупотребление властью, манипуляция людьми, эгоизм, зависть, посредственность, мошенничество и др. Таким образом, перед нами трактовка коррупции, которая позволяет понять ее глубинные антропологические истоки.

Соммер полагает, что коррупции сегодня подвержено большинство людей: «...любой человек, природа которого была искажена, испорчена и извращена в результате бессознательного обучения или насильственного внедрения бессознательной информации, подвержен страшному недугу коррупции, фрустрациям и не способен к развитию ценнейшего качества, присущего истинному человеку, – высшего бодрствующего сознания, которое отличает пробудившегося человека от сомнамбулы»¹¹⁵. Такая трактовка базируется на первоначальном значении термина коррупции – «искажать», «портить», «извращать». Язык хранит в себе моральные смыслы.

Важным для философа является вопрос о «*питательной среде*» коррупции. Таковой, по его мнению, является низкий уровень самосознания, который способствует возникновению и распространению данного явления. Возможное противодействие ему не столько в политической и законодатель-

¹¹⁵ Соммер Д. С. Указ. соч. С. 180.

ной сферах, сколько в нравственном усилии личности. Соммер пишет: «Коррупция всегда основана на недостатке характера и воли. Люди предпочитают легкие заработки, что стало отличительной чертой нашего общества, ослабленного удовольствиями и потребительской вседозволенностью»¹¹⁶.

Таким образом, коррупция как *искажение человеческой природы* относится в большей мере к *моральным*, нежели, собственно говоря, к политическим и экономическим факторам. Просто в политической и экономической сферах коррупционная природа человека проявляет себя в большей мере. Соммер говорит, что сфера государственной, судебной и политической власти «наиболее подвержена коррупции»¹¹⁷. Но это не означает, что эти сферы сами по себе являются источником коррупции.

В западной традиции *коррупция* часто рассматривается как *аберрация власти в контексте политической этики*. Здесь необходимо обратить внимание на одно чрезвычайно распространенное мнение о том, что коррупция как таковая является порождением исключительно политической власти, которое коренится в известном изречении английского историка XIX века лорда Л. Актона: «Power corrupts and absolute power corrupts absolutely» («Всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно»).

Н. А. Бердяев говорил о «греховной похоти власти» как источнике гонений на еретиков. Как и лорд Актон, он считает, что власть имманентно содержит в себе порочную силу: «За обличениями еретиков всегда скрыта греховная похоть власти, воля к могуществу»¹¹⁸. Это мнение об *априорной порочности власти* как таковой проецируется на современность. «Власть, – пишет О. И. Цыбулевская, – способна изменять природу человека, наделенного ею. И при длительном пользовании властью эти изменения могут носить негативный характер. Одна из форм присвоения власти – злоупотребление ею»¹¹⁹. Это далеко не голословное утверждение, но утверждение, основанное на глубоком знании в том числе и российских реалий.

¹¹⁶ Соммер Д. С. Указ. соч. С. 189.

¹¹⁷ Там же. С. 184.

¹¹⁸ Бердяев Н. А. О фанатизме, ортодоксии и истине... С. 71.

¹¹⁹ Цыбулевская О. И. Указ. соч. С. 129.

П. Бурдые считает, что обладатели делегированной власти могут извлекать разного рода прибыли из своего промежуточного положения. Анализируя исторические реалии, он говорит, что «вследствие разделения труда по доминированию всегда возникают потери: слуги государства постоянно стремятся послужить непосредственно самим себе (вместо того чтобы дожидаться перераспределения), практикуя изъятия и расхищение материальных и символических ресурсов. Отсюда настоящая *структурная* коррупция... Кроме “упорядоченных не порядков”, т.е. вымогательств для оплаты личных и профессиональных расходов, где сложно определить, идет ли речь об “институционализированной коррупции” или о “неофициальном финансировании расходов”, существует масса привилегий, которые подчиненные должностные лица могут извлечь из своего стратегического положения в системе циркуляции информации сверху вниз и снизу вверх»¹²⁰. Отсюда «коррупцию можно описать как утечку в процессе накопления и концентрации государственного капитала, как действия прямого изъятия и перераспределения, дающие возможность скопить экономический и символический капитал на должностях чиновников, не занимающих самого высокого положения»¹²¹.

Немецкий философ К. Г. Баллестрем анализирует распространенное мнение, выраженное в сентенции «Власть коррумпирует». Баллестрем предпринимает свой анализ в контексте *политической этики*, в недрах которой обнаруживается парадоксальное соотношение *власти и морали*. Философ пишет: «Политику считают грязным делом. Это мнение лежит в русле давно устоявшейся традиции... Мнение о том, что политика – грязное дело, не обходит стороной ни одного политического деятеля. Если они ведут себя морально, то встречают в обществе едва скрываемый скепсис... Политики должны помнить, что не ”ореол святости” окружает их, а постоянные подозрения в гнусных делах»¹²².

¹²⁰ Бурдые П. Указ. соч. С. 273.

¹²¹ Там же. С. 274.

¹²² Баллестрем К. Г. Власть и мораль (основная проблема политической этики) // Философские науки. 1991. № 8. С. 83–84. Такое мнение высказывают и современные исследователи: «Кто

Парадоксальность в том, что именно те, кто несет ответственность за общее благо, т.е. политики, испытывают дефицит морали. Эта ситуация опирается на некоторые убеждения, суть которых философ формулирует так: «Политика в своей основе в меньшей степени связана с вопросами справедливости, нежели с вопросами власти; непосредственная цель политического действия – общее благо – может подменяться другой целью – сохранением и усилением собственной власти политиков; носители власти знают, как строить правопорядок, соответствующий их целям; политики поэтому и прикрываются моралью, как волк овечьей шкурой, что скрывают истинные причины»¹²³.

Баллестрем полагает, что Макиавелли был первым, кто сформулировал принципы, разрешившие откровенно аморальным образом проблему «грязных рук» в политике. Напомним их. В «Государе» Макиавелли пишет: «Ибо расстояние между тем, как люди живут и как должно бы жить, столь велико, что тот, кто отвергает действительное ради должного, действует, скорее, во вред себе, нежели на благо, так как, желая исповедовать добро во всех случаях жизни, он неминуемо погибнет, сталкиваясь с множеством людей, чуждых добру. Из чего следует, что государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение отступать от добра и пользоваться этим мнением, смотря по надобностям»¹²⁴.

Иными словами, это философия, согласно которой *цель оправдывает средства*. Баллестрем, признавая определенную сложность некоторых политических решений, не считает, что Макиавелли прав, когда тот утверждает, что в подобных ситуациях политик должен совершать зло. Он пишет, что «такая позиция, основанная на ложных этических посылах, с неизбежностью приводит к максиме: цель оправдывает средства, точнее хорошая цель оправдывает любые средства, лишь бы они приближали к цели»¹²⁵. Полити-

занимается политикой, тот стремится к власти: либо к власти как средству, подчиненному другим целям (идеальным или эгоистическим), либо к власти “ради нее самой”» (Иванникова И. А. Преступность и политика // Философская и правовая мысль. 2002. С. 19).

¹²³ Баллестрем К. Г. Указ. соч. С. 84.

¹²⁴ Макиавелли Н. Государь. М., 2008. С. 55.

¹²⁵ Баллестрем К. Г. Указ. соч. С. 91.

ческая этика, принципы которой развивает Баллестрем, склоняется к теории *социальной справедливости* и правильного использования власти правящими кругами. Философ пишет: «Является ли политика грязным делом? Конечно, да, но не в большей степени, чем другие занятия. Сегодня мне думается не о том, чтобы вносить вклад в эмпирическое исследование грязного дела, а о том, чтобы развивать критерии правильного использования власти»¹²⁶.

Близкую позицию занимают авторы книги «Власть, коррупция и честность», подвергая сомнению утверждение Актона о том, что «всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно». Они показывают, что коррупция не исходит непосредственно от самой власти, но зависит от личности. *Всегда существуют противоречия между властью и честностью, но причинно-следственных отношений между властью и нечестностью не существует.* Один из принципиальных выводов американских ученых звучит так: «Утверждение Актона, что “власть развращает”, является сильным упрощением фактов, поскольку власть также облагораживает, а отсутствие власти тоже может развращать или облагораживать»¹²⁷.

Это *этический сдвиг* в сторону нравственного мира человека, от которого в конечном счете и зависит состояние общества и государства. С нашей точки зрения, именно нравственный аспект помогает раскрыть наиболее глубоко истинные причины коррупции и выработать наиболее адекватные и продуктивные методы борьбы с ней. Если исходить из тезиса об исключительной порочности власти как таковой (как это делает, например, Н. А. Бердяев), тогда не глубинный нравственный дефект будет восприниматься в качестве источника коррупции, но простая принадлежность к политической власти. Конечно, можно сказать, что во власть идут уже морально порочные люди с целью обогащения или использования власти в своекорыстных целях, но это слишком голословное утверждение.

Для раскрытия *морального истока коррупции как социального зла* уместно снова обратиться к Т. Гоббсу, у которого имеется много продуктивных

¹²⁶ Баллестрем К. Г. Указ. соч. С. 93.

¹²⁷ Рогоу Арнольд А., Лассуэлл Гарольд Д. Указ. соч. С. 167.

наблюдений об общественной природе человека, не потерявших своей актуальности до нынешнего времени. В своем главном труде «Левиафан» философ назвал страсти, склоняющие людей к миру: «Страх смерти, желание вещей, необходимых для хорошей жизни, и надежда приобрести их своим трудолюбием. А разум подсказывает подходящие условия мира, на основе которых люди могут прийти к соглашению. Эти условия суть то, что иначе называется естественными законами»¹²⁸.

Трудолюбие, по мысли Гоббса, способствует тому, чтобы удовлетворить потребность этих страстей. Однако в силу моральной порочности человеческой природы они, как правило, удовлетворяются обратным трудолюбию способом. В самом общем виде это можно назвать коррупцией. *Если трудолюбие по определению предполагает честный труд, то коррупцию можно определить как способ удовлетворить свои базовые человеческие потребности нечестным трудом.* При этом важно, что в основании коррупционного мотива находятся те же страсти, определенные Гоббсом: «страх смерти», «желание вещей, необходимых для хорошей жизни», за вычетом, однако, «надежды приобрести их своим трудолюбием». Здесь – *моральный корень мотива коррупционного деяния.* Страх смерти оказывается мощнейшим экзистенциальным фактором, активирующим как положительную, так и отрицательную деятельность человека. Тут мы уже вступаем в область экзистенциальной философии, в которой как раз менее всего проработана этическая проблематика. Однако, по мнению известного специалиста в области экзистенциальной этики Т. А. Кузьминой, философам экзистенциальной направленности удалось заострить внимание на одной кардинально важной для этики проблеме: «мораль – это не просто следование известным и общепринятым нормам, а специфический и живой опыт переживания некоего, отличного от обыденного, состояния, которое знаменует внутреннее изменение человека, поднимает его на новую ступень жизни и знания и требует постоянно и сознательно возобновляемого усилия по его удержанию, усилия, совпадаю-

¹²⁸ Гоббс Т. Указ. соч. С. 98.

щего по своему смыслу и конечной цели с утверждением собственно человеческого существования»¹²⁹.

Итак, этический анализ, раскрывая особенности человеческих добродетелей и пороков, естественно, касается и специфики *коррупционных моральных пороков*, к которым можно отнести *продажность, стремление к личной выгоде, корысть, несправедливость, стяжательство*. Это общие моральные пороки (или нравственные дефекты) личности, они присущи всем людям без исключения. Однако коррупция суть специфическая моральная среда негативного свойства, где вышеперечисленные пороки в некотором роде легитимизируются. Как отмечает О. Дамаскин, «на бытовом уровне формируется негативное отношение людей к власти в целом, формируется представление в массовом сознании о тотальной продажности и коррумпированности. В результате у большей части населения страны постепенно складывается стереотип коррупции как этически приемлемой формы разрешения проблем, размывается понимание общественной опасности этого явления, снимается порог моральной терпимости населения к взяточничеству и поборам»¹³⁰. В этом, пожалуй, главная моральная порочность коррупции – легитимация аморальных действий, которая самым негативным образом отражается на падении общественных нравов.

Теперь необходимо коснуться вопроса *борьбы с коррупцией*, учитывая данные, полученные в ходе этико-антропологического анализа. Методику борьбы с коррупцией следует разрабатывать, исходя из понимания *моральных дефектов личности*, что предполагает *персонологический этический подход*. Это может быть эффективным, поскольку, как отмечает П. Слотердайт: «Силы, противодействующие власти, со своей стороны, тщательно регистрируют проявления имморализма господствующей власти, акты ее произвола, нарушения законов, случаи коррупции и проявления вырождения»¹³¹.

¹²⁹ Кузьмина Т. А. Экзистенциализм // История этических учений. М., 2003. С. 742.

¹³⁰ Дамаскин О. В. Указ. соч. С. 15.

¹³¹ Слотердайт П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. Перцева. – Екатеринбург ; М., 2009. С. 508.

Тем самым можно надеяться, что различные контролирующие органы будут добросовестно выполнять свою работу.

Очевидно, что правовое регулирование не может обходиться без этического наполнения. Например, авторы концепции гражданских инициатив в предотвращении коррупции отмечают, что для предотвращения коррупции необходимо решить следующие проблемы правового регулирования этического поведения государственных служащих (в области юстиции): 1) принятие Федерального закона «Об этическом поведении государственных служащих»; 2) создание при Президенте РФ Высшей дисциплинарной комиссии по вопросам этического поведения судей, прокуроров и следователей; 3) создание при областных коллегиях адвокатов Советов по этике¹³².

Это действительно важный аспект проблемы – создание комиссий и советов по этике для должностных лиц. В данном контексте необходимым аспектом борьбы с коррупцией является разработка и введение в действие **Кодекса этики государственных служащих**¹³³. Как отмечает О. Дамаскин: «Новые условия функционирования системы государственной службы и невозможность использования прежних методов воздействия на этическое поведение людей, работающих в органах государственной власти, диктуют необходимость введения в действие неких этических стандартов поведения, что в полной мере соответствует оправдавшей себя практике государств со сложившимися системами государственной службы»¹³⁴. Здесь следует обратиться к зарубежному опыту, поскольку профессиональные этические кодексы – прерогатива западной философской культуры. Правда, со стороны западных исследователей существует определенная критика этого направления. К. Вигуру пишет: «Увеличение числа “кодексов этики и комитетов по этике” по образцу англо-саксонских хартий этики не обязательно ведет к большому со-

¹³² См.: Гражданские инициативы и предотвращение коррупции... С. 154.

¹³³ См.: Васильев Д. В., Дробышев П. Ю., Конов А. В. Административная этика как средство противодействия коррупции. М., 2003.

¹³⁴ Дамаскин О. Указ. соч. С. 157–158. Критику корпоративных кодексов см.: Лантенок А. С. Мораль в условиях трансформирующегося общества // Актуальные вопросы фундаментальной и прикладной этики : к 90-летию со дня рождения профессора В. Г. Иванова : материалы Междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2012. С. 79–81.

блюдению права»¹³⁵. Главный недостаток этих комитетов, по мнению К. Вигуру, в том, что они не могут развивать *деонтологию конкретных действий*. Деонтология как профессиональная требовательность предполагает перечень профессиональных обязанностей, которые являются более важными по сравнению с этическими кодексами. Это видно из следующей трактовки деонтологии: «Деонтология – это не искусство делать карьеру, хотя она и не вредит ей, а, скорее, даже наоборот, – это долг искусства и искусство долга, то есть долг осуществлять государственные функции и по возможности возводить их в ранг искусства и искусство выполнять свой долг, не показывая этого, искусство избегать промахов, искусство правильно выполнять свои задачи как по отношению к гражданам, так и по отношению к коллегам»¹³⁶.

Арнольд А. Рогоу и Гарольд Д. Лассуэлл предлагают пять задач стратегии, которая направлена на ликвидацию или по крайней мере уменьшение коррупции и призвана *сблизить власть и честность*. Это задачи предотвращения, устрашения, восстановления, реабилитации, реконструкции. Рассмотрим подробнее, что имеют в виду авторы под каждой из них.

Задача *предотвращения* состоит в том, чтобы, во-первых, сократить возможности, делающие взяточничество привлекательным; во-вторых, осуществлять процессы социализации и ассимиляции в обществе так, чтобы минимизировать соблазн. Для этого предлагается подчеркивать *честность* в денежных вопросах дома и в школе.

Задача *устрашения* заключается в том, чтобы снизить продажность, подчеркивая возможную расплату за нарушение.

Задача *восстановления* предполагает возвращение ситуации к состоянию событий до совершения девиантного поступка, например возвращение украденных средств или отказ от незаконно полученной собственности.

Задача *реабилитации* состоит в восполнении урона.

Задача *реконструкции* в том, чтобы изменить основные паттерны ситуации, которые снизят будущую коррупцию. Реконструкция отличается от

¹³⁵ Вигуру К. Указ. соч. С. 14.

¹³⁶ Там же. С. 24.

предотвращения объемом осуществляемых перемен. Реконструировать – значит, выйти за пределы установленных перспектив и действий и осуществлять далеко идущую практику, подобно коллективной ответственности семьи за урон, нанесенный взрослыми ее членами¹³⁷.

М. В. Шедий говорит о технологии активизации антикоррупционного потенциала российского общества, в частности о развитии *антикоррупционного правосознания*. Это достижимо через преодоление правового нигилизма¹³⁸ и, главное, через формирование осознанного негативного восприятия и отношения к коррупции, включающего в себя «нравственное отторжение коррупционного поведения, коррупционной морали и этики»¹³⁹.

Нравственное отторжение коррупционного поведения, предполагающее не столько правовые, сколько этико-педагогические технологии, – очень важный аспект. Очевидно, что говорить об этических аспектах борьбы с коррупцией, не впадая в морализм и дидактику, достаточно сложно. С другой стороны, этику традиционно упрекали в абстрактности, идеализме, отрыве от реальной действительности. Конечно, по своему существу этика есть практическая философия, и, как еще говорил Аристотель, цель не в том, чтобы знать, что такое добродетель, но в том, чтобы стать добродетельным. Поэтому этический подход наиболее сложный в плане практической реализации.

Этический анализ вскрывает те невидимые мотивы и намерения, которые и составляют сущность коррупционного деяния. В этом вопросе необходимы совместные усилия этики и педагогики, *этики и права*¹⁴⁰, в том числе и в преодолении установок современной потребительской культуры, которая как раз пропагандирует достаток любыми средствами.

¹³⁷ См.: Рогоу Арнольд А. и Лассуэлл Гарольд Д. Указ. соч. С. 163–164.

¹³⁸ О взаимосвязи коррупции и правового нигилизма см.: Горбань А. Е., Ярышка А. И. Субъекты антикоррупционной политики в современной России : проблемы взаимодействия // Современное право. 2015. № 3. С. 101–107.

¹³⁹ Шедий М. В Коррупция как социальное явление. С. 41.

¹⁴⁰ Современные исследователи отмечают, что «употребление таких понятий, как совесть, справедливость, свобода, достоинство уже говорит о неразделимости этического юридического» (Пугачев О. С., Козлова Н. П. Указ. соч. С. 108).

Итак, можно сделать следующие выводы:

– столкновение двух антропологических типов – *человека экономического* и *человека идеологического* составляет основное противоречие общества и культуры, в рамках которого возникает прецедент широкомасштабной коррупции;

– агенты коррупционного деяния асимметричны по степени моральной порочности, но главное, что в это деяние всегда вовлечены как минимум двое. Тот факт, что в коррупционном деянии участвуют всегда два агента, раскрывает перспективу этического анализа данного феномена, в основании которого лежит *отношение к другому*;

– специфические нравственные пороки, присущие коррупционному типу поведения – *продажность, стремление к личной выгоде, корысть, несправедливость, стяжательство*;

– в коррупционном поведении действует не столько экономическая целесообразность, сколько *стремление к личной выгоде*, которая становится *иррациональной страстью* и самоцелью;

– высказывание Л. Актона о том, что «всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно», оказалось несостоятельным.

§ 2.2. Коррупция в контексте христианской антропологии

Необходимость рассматривать коррупцию в религиозном контексте также вызвана неэффективностью имеющихся мер борьбы с этим явлением. Как мы отмечали в прошлой главе, существующие методы, как правило, сводятся к правовой регуляции, в то время как коррупция, очевидно, затрагивает более глубокие основы личности и общества, в которых религиозный фактор играет далеко не последнюю роль.

Каким образом коррупционное поведение связано с религиозными факторами? И если связано, то какова роль христианской этики в предотвращении и, возможно, искоренении такого типа поведения? Вот основные вопросы, на которые предстоит дать ответ.

Вначале хотелось бы привести показательные данные одного социологического анализа. В качестве причин коррупции часто называют такие *моральные факторы религиозного свойства*, как «жадность» и «алчность». Вот данные глубинных неформальных интервью с целью выявления мировоззренческих взглядов представителей различных групп современной российской элиты. В данном случае речь идет о представителях духовной элиты. Авторы интервью пишут: «Духовенство объясняет коррупционность российских чиновников с позиций религиозной (христианской, мусульманской, буддийской) этики. Кризис нравственности, кризис веры, на их взгляд, являются главной причиной алчности коррупционеров. Достаточно любопытно объяснение одного из религиозных деятелей, который попытался истолковать происхождение коррупции в том смысле, что жадность, алчность – часть биологической сущности человека. И если он не верует, то становится рабом своей жадности: *“Коррупция и хищение в крови, наверное, у человека. Даже младенец тянет рукой все на себя, а взрослый человек, кто не боится Бога, кто не верует в него, тот будет все брать себе, строить дачи, жить пусть даже не богатой, а состоятельной жизнью. Он не думает, что он забрал добро у таких, как он. Люди, общество теряют, а он приобретает”*»¹⁴¹.

Это очень показательное мнение, в действительности раскрывающее глубинную взаимосвязь коррупции и религиозного фактора. Если алчность действительно – часть биологической сущности человека, то коррупция, скорее всего, как и преступность как таковая, неустранима¹⁴². Однако, если точно понимать религиозные причины коррупции, то борьба с ней может быть более эффективной.

Данные причины раскрывают также экономисты, а не только богословы, определяя феномен коррупции через основополагающие категории, имеющие религиозное значение. Так, известный ученый, автор экономиче-

¹⁴¹ Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты / М. Та-русин [и др.]. М., 2008. С. 164.

¹⁴² Сомнение по поводу возможности преобразования человека достаточно убедительно показаны в статье *Киселева Г. С.* Иллюзия прогресса // Вопросы философии. № 4. 2015.

ского анализа коррупции профессор Йельского университета С. Роуз-Аккерман отмечает, что, несмотря на то, что «у различных наций мы наблюдаем тонкие различия в культуре и основополагающих ценностях», все же «есть один универсальный и главный мотиватор человеческой деятельности, который может объяснить различия в социально-культурном опыте различных наций. Это мотиватор, называемый своекорыстным интересом, включает в себя тягу к обеспечению благосостояния своей семьи и своей социальной ячейки. Критики именуют это алчностью, экономисты – максимизацией полезности. Как бы ни называть это свойство, общества различаются тем, как они канализируют своекорыстный интерес. Эндемическая коррупция сигнализирует о тотальной неспособности использовать этот интерес в продуктивных целях»¹⁴³.

Это экономический взгляд на природу коррупции, помогающий уяснить ее *религиозную природу*, связанную всегда с таким отрицательным моральным свойством, как «своекорыстный интерес». Ближайшими синонимами «алчности» в лингвистическом аспекте являются «сребролюбие», «накопительство», «ростовщичество», «скупость», «корыстолюбие», «стяжательство», «любостяжание», «скопидомство», «жадность». Это семантическое поле концентрируется вокруг главной идеи, которая может быть обозначена как *страсть к наживе* и приобретению материальных ценностей, что вполне соответствует экономическому эквиваленту «своекорыстного интереса», выделенного С. Роуз-Аккерман. Наиболее же адекватным религиозным эквивалентом алчности, поскольку это все же понятие светской этики, является понятие «сребролюбие», которое является третьей из восьми в перечне страстей: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость.

Таким образом, ключевая экономическая категория – *своекорыстный интерес* (или алчность) – имеет самое непосредственное отношение к религиозной сфере, поскольку связана со *сребролюбием*. И здесь кроется фунда-

¹⁴³ Роуз-Аккерман С. Указ. соч. С. 2.

ментальное различие между религией и экономикой, поскольку для последней именно своекорыстный интерес есть активатор и мотиватор деятельности, имеющий положительное значение, в то время как для религиозного сознания это (прежде всего в форме алчности и сребролюбия) есть проявление человеческой греховности.

Итак, в проекции на религиозную этику своекорыстный интерес называется сребролюбием или стяжательством. Согласно евангельской трактовке сребролюбие есть корень всех зол: «Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям» (1-е Тимофею 6, 7-10). В другом месте говорится: «При этом сказал им: смотрите, берегитесь любостяжания...» (Лук. 12:15). За внешним стремлением к материальным благам, преимущественно к деньгам, христианская этика усматривает здесь более глубокую привязанность человека к миру ложных, мнимых ценностей. Это свидетельствует о нарушении иерархии духовных ценностей, что является наиболее сильным показателем человеческой греховности.

С точки зрения христианского богословия *грех сребролюбия* настолько сильно порастил человеческую природу, что это сказалось самым фатальным образом на духовном облике всей европейской культуры. Авторитетный русский религиозный философ В. В. Зеньковский писал по этому поводу: «Дух “стяжания”, сребролюбия, искания почестей, подмен внутренней отданности Христу внешним деланием – все это меняло христианский мир уже до неузнаваемости»¹⁴⁴. *Исходя из религиозных аргументов, коррупция является естественным и закономерным результатом грехопадения, что переносит борьбу с ней исключительно в духовный план.*

¹⁴⁴ Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М., 1996. С. 514.

О сребролюбии много негативного сказано в контексте христианского вероучения. Например, такой авторитетный богослов, как Иоанн Кассиан Римлянин, говорит: «...эта болезнь сребролюбия, приходя позднее, извне навязывается душе, и оттого легче можно предостеречься и отвергнуть ее; а будучи оставлена без внимательности и однажды закравшись в сердце, бывает гибельнее всех и труднее прогнать ее. Ибо она становится корнем всех зол, предоставляя многочисленные поводы к порокам»¹⁴⁵.

Сребролюбие, таким образом, есть «корень всех зол». Это достаточно серьезный индивидуальный нравственный порок, который в проекции на социальную реальность приводит в том числе к широкомасштабной коррупции. Этический анализ этой греховной страсти помогает более тонко вникнуть в ее суть. Так, очевидно, что сребролюбие как ненасыщаемая страсть к увеличению материального богатства является нарушением следующей евангельской заповеди: «Нельзя служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24). Это является ничем иным, как поклонением «золотому тельцу».

Данный нравственный порок (или греховная страсть) трактуется в контексте современного православного вероучения следующим образом: «Существует множество разновидностей этого недуга: жадность, скупость, любостяжание, мшелоимство, лихоимство, скверноприбытчество, корыстолюбие... Во всех проявлениях страсти сребролюбия есть один общий мотив – желание обладать многим, любовь к самому процессу приобретения и обладания»¹⁴⁶. Это определение помогает понять причины неисчезновения коррупции в исторической перспективе. Дело в том, что когда человек страдает недугом сребролюбия, то достижение определенного уровня материального достатка не является для него целью, поскольку приобретение как таковое становится самоцелью. В стремлении к материально достойной жизни нет, конечно, ничего порочного и греховного. Но когда это стремление превращается в болезненную манию стяжательства, тогда уже можно говорить о серьезном духовном недуге.

¹⁴⁵ Римлянин Иоанн Кассиан. Писания. М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2000. С. 104.

¹⁴⁶ Азбука веры. URL: <http://azbyka.ru/dictionary/17/srebrljubie.shtml>

Современные авторы отмечают нравственную порочность коррупции именно с религиозной точки зрения. Так, В. Д. Попов пишет: «Наживаться на коррупции – большой грех, по “Библии”»: “Горе вам, пресыщенные ныне! Горе вам, богатые! Ибо вы уже получили свое утешение”. Разбогатевшему на взяточничестве надобно помнить о законе Эмерсона, который гласит, что любая афера в конечном счете будет разоблачена, любой добрый поступок – вознагражден, а все негодяи будут наказаны.

Кстати, ни Библия, ни Коран не осуждают богатство. Они осуждают ненасытность в богатстве и богатство, нажитое нечестным путем. Коррупция зиждется на афере. А не будут ли в ответе за нее дети и внуки аферистов? Аферист – это активист социальной деградации»¹⁴⁷.

Вот еще одно мнение: «Тема коррупции обнаруживается и в библейских текстах. Более того, о ее наличии и вреде с горечью говорят многие авторы. Например, в одной из книг Библии Книге премудрости Иисуса сына Сирахова отец наставляет сына: “Не лицемерь перед устами других и будь внимателен к устам твоим... Да не будет рука твоя распростерта к принятию... Не делай зла, и тебя не постигнет зло; удаляйся от неправды и она уклонится от тебя... Не домогайся сделаться судьей, чтобы не оказаться бессильным сокрушить неправду, чтобы не убоиться когда-либо лица сильного и не положить тени на правоту твою...” (Библия. Сирах. 1, 29, 4, 9). Нетрудно заметить, что сам характер наставлений свидетельствует, что библейскому обществу были достаточно знакомы факты подкупа судей и нечестного правосудия»¹⁴⁸.

Со своей стороны можем добавить, что антикоррупционный смысл содержится уже в заповеди Моисея: «Даров не принимайте, ибо дары слепыми делают зрячих и превращают дело правых» (Исх. 23:8). Древнейшая заповедь свидетельствует о глубинном знании человеческой природы. Это знание проходит сквозь века, трансформируясь в нормах сегодняшней этики. Например,

¹⁴⁷ Попов В. Д. Указ. соч. С. 11.

¹⁴⁸ Богданов И. Я., Калинин А. П. Указ. соч. С. 14–15.

современный крупный этик Д. С. Соммер трактует коррупцию как искажение человеческой природы, причисляя ее к категории «моральные ошибки и грехи»: «Когда мы осознаем, что истинная природа всего человеческого вида, за малым исключением, искажена и извращена, то поймем причины возникновения коррупции в общепринятом значении: злоупотребление служебным положением, подкуп, пороки, преступность, терроризм, грабежи, мошенничество, обман, продажность и т.д. – все это не что иное, как доведенная до крайности “нормальная” коррумпированность»¹⁴⁹.

Таким образом, и библейские тексты Ветхого и Нового Завета, и богословская мысль, и современные авторы определенно указывают на религиозные истоки коррупции. Это греховное деяние связано с одним из наиболее сильных духовных пороков человека – страстью к наживе. И в указанном смысле данный порок неискореним. Как предусмотрительно сказала С. Роуз-Аккерман: «Полностью искоренить коррупцию невозможно, но можно предпринять шаги для ее обуздания и уменьшения причиняемого ей вреда»¹⁵⁰.

Именно в коррупции религиозное и моральное сталкиваются наиболее зримо и очевидно; здесь моральное переходит в религиозное, а религиозное в моральное, поскольку общими являются моральные пороки и грехи данного феномена. Это создает дополнительную трудность в борьбе с коррупцией, поскольку раскрытие нравственной патологии личности, склонной к коррупционному деянию, оказывается недостаточным. Необходима духовная терапия данного явления.

Нам представляется, что именно духовный потенциал христианской этики может оказаться наиболее эффективным средством *посильного преодоления коррупции*, поскольку религия ведаёт о глубинных истоках и свойствах этого феномена. Но речь идет именно о религиозном преодолении греховности, а не о моральном осуждении порока. Очень часто христианская этика трактуется исключительно моралистически, что, конечно, неверно. Христианская этика должна оставаться религиозной, не подвергаясь воздействию

¹⁴⁹ Соммер Д. С. Указ. соч. С. 182–183.

¹⁵⁰ Роуз-Аккерман С. Указ. соч. С. 5.

секуляризации. Нам представляется, что выдающийся немецкий богослов Д. Бонхеффер дал наиболее «чистое» понимание христианской этики. В своем фундаментальном труде «Этика» он говорит следующее: «Истоком христианской этики не может быть ни действительность собственного Я, ни действительность мира, а также ни действительность норм и ценностей, но только действительность Бога в Его откровении в Иисусе Христе. Это и есть то неслыханное требование, которое по чести должно предъявляться прежде всех других каждому, кто желает заниматься проблемами христианской этики... в христианской этике речь может идти только о сопричастности действительности осуществленной воли Бога»¹⁵¹.

Все это свидетельство очень высокой духовной планки христианской этики, которая в принципе невозможна в мирских условиях. Здесь сила и слабость христианской этики. Сила в том, что истинно религиозный путь действительно может избавить человека от пороков, перед которыми бессильны светские этика и психология. Слабость в том, что, как указывает Бонхеффер, христианская этика ограничивается исключительно религиозными целями и поэтому диапазон ее воздействия распространяется на категорию верующих людей. Здесь происходит традиционное несовпадение религии и культуры (в более широкой богословской проекции – Бога и мира), на что, в частности, указывали многие русские религиозные мыслители (Л. Толстой, В. Розанов, Л. Шестов и др.). В этом смысле невозможно создать, например, христианскую антикоррупционную программу, наподобие политических или юридических. Такая программа будет заведомо обречена на провал.

Однако, разрабатывая те же правовые антикоррупционные меры, необходимо в полной мере опираться на опыт христианской духовности. Что касается справедливости, в том числе и справедливого наказания преступных коррупционных деяний, то здесь, как нам кажется, нужно прислушаться к мудрому слову Соммера: «Человеческий закон оставляет безнаказанными большинство случаев коррупции, но придет время и Божественный закон

¹⁵¹ *Бонхеффер Д. Этика. М., 2013. С. 49.*

призовет нарушителей к ответу перед судом Природы, карающим за любое нарушение равновесия, вызванное теми, кто ворует у ближнего или нечестно присваивает то, что ему не принадлежит»¹⁵².

По данному параграфу можно сделать следующие выводы:

– религиозный аспект помогает глубже раскрыть истоки коррупции. Ключевая экономическая категория – *своекорыстный интерес* (или алчность) – связана со *сребролюбием, которое согласно евангельской трактовке есть корень всех зол*;

– сребролюбие как ненасыщаемая страсть к увеличению материального богатства является нарушением евангельской заповеди: «Нельзя служить Богу и маммоне» (Мф. 6:24);

– различные тексты Ветхого и Нового Завета, а также размышления богословского характера имеют антикоррупционный смысл;

– духовный потенциал христианского вероучения может оказаться наиболее эффективным средством *посильного преодоления коррупции*, поскольку религия ведаёт о глубинных истоках и свойствах этого феномена.

Выводы по второй главе

Рассмотрев в данной главе вопрос об антропологических аномалиях как истоке коррупции, мы пришли к следующим выводам.

Существующие трактовки коррупции, как правило, ограничиваются социальными измерениями этого феномена. Действительно, в политической, экономической и правовой сферах проявления коррупции наиболее сильны и очевидны. Однако при таком подходе истинные мотивы коррупционных деяний остаются в тени и, соответственно, меры борьбы с коррупцией, исходящие исключительно из социального ее понимания, как правило, являются неэффективными. Широко распространенное убеждение лорда Актона о том, что «всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно»,

¹⁵² *Соммер Д. С. Указ. соч. С. 189.*

не способствует глубинному прояснению причин коррупции, поскольку снимает с субъекта персональную ответственность.

При таком подходе ответственность переносится на безличную структуру власти, которая механически приобщает субъекта к коррупционным моделям поведения. В этом контексте рассмотрены взгляды немецкого философа К. Г. Баллестрема, который тщательно анализирует распространенное мнение, выраженное в сентенции «Власть коррумпирует». Баллестрем обращает внимание на то, что Макиавелли был первым, кто сформулировал принципы, разрешившие откровенно аморальным образом проблему «грязных рук» в политике. Политическая этика, принципы которой развивает Баллестрем, склоняется к теории *социальной справедливости* и правильного использования власти правящими кругами.

Заявленный в работе философско-антропологический анализ феномена коррупции предполагает проникновение в глубинный пласт коррупционного поступка, предполагающий взаимодействие двух агентов. Это делает проблему коррупции принадлежащей к области не столько индивидуальной, сколько социальной этики. Здесь также выявляются специфические моральные пороки коррупции.

В главе была высказана идея о том, что *нравственно порочная личность более склонна к коррупционному поведению*, которая обосновывалась различными аргументами и примерами. Философско-антропологический анализ позволил выявить *специфические нравственные пороки, которые присущи коррупционному типу поведения*. К их числу относятся: *страсть к наживе, личной выгоде, корыстолюбие, продажность*. В результате исследования был выявлен порочный круг между моральными пороками личности и коррупционной ситуацией, способствующей проявлению этих пороков.

Для раскрытия *истока коррупции как социального зла* мы обращались к построениям таких философов, как Т. Гоббс и Д. Салас Соммер. Это помогло раскрыть некоторые фундаментальные первопричины, служащие источником коррупционного поведения. В частности, Т. Гоббс говорит о страхе смерти и

нежелании приобретать вещи для хорошей жизни своим трудолюбием. Соммер, рассматривая коррупцию в разделе «Моральные ошибки и грехи», трактует коррупцию как *искажение человеческой природы*, которое в большей мере присуще современному человеку, лишенному характера и воли.

В главе также рассматриваются возможности профессиональных кодексов государственных служащих, выявляются их сильные и слабые стороны.

Заключительная часть главы посвящена рассмотрению коррупции в контексте религиозной антропологии. Исследование показало наличие глубинной взаимосвязи коррупции и религиозного фактора. Экономическая категория «своекорыстный интерес», выявленный С. Роуз-Аккерман, оказывается синонимом такому негативному религиозному понятию, как «алчность», образующему семантическое поле с понятиями «сребролюбие», «накопительство», «ростовщичество», «скупость», «корыстолюбие», «стяжательство», «любостяжание», «скопидомство», «жадность».

В главе делается вывод о том, что духовный потенциал христианства (Д. Бонхеффер) может оказаться наиболее эффективным средством посильного преодоления коррупции, поскольку религия ведаёт о глубинных антропологических истоках и свойствах этого феномена.

Глава 3. ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цель – показать деформацию социально-нравственных добродетелей в контексте духовной культуры общества.

Задачи:

- 1) показать взаимосвязь уровня коррупции и понижения духовной культуры общества;
- 2) раскрыть аксиологический статус труда;
- 3) доказать, что девальвация честного труда дает морально-психологическое основание для несправедливых форм обогащения.

§ 3.1. Деформация социальных ценностей и распространение коррупции

Во второй главе речь шла о коррупции как об индивидуальной антропологической патологии. Сейчас необходимо рассмотреть вопрос о *духовном микроклимате общества*, который во многом является «благодатной» питательной средой для развития и распространения коррупции. Нами уже рассматривалось свойство своекорыстного интереса, являющееся *личным моральным качеством человека* (или его «грехом», если следовать религиозной традиции), но коррупцию необходимо также рассматривать в контексте *социальных ценностей*. Ее появление обусловлено общим *падением нравов*, т.е. *падением духовной культуры общества*, что является результатом *деформации социальных ценностей*. Это падение не обязательно рассматривать в жесткой причинно-следственной связи с отходом от религиозных ценностей. Конечно, определенная взаимосвязь здесь имеется, однако нравственные ценности имеют не только религиозный исток. «При низкой духовной культуре ненависть, ревность, жажда обогащения обнаруживаются во всей силе»,¹⁵³ – отмечает современный исследователь, связывая тем самым нравственное состояние общества и появление социальных пороков, прежде всего коррупции.

¹⁵³ Попов Л. А. Указ. соч. С. 123.

Многие исследователи напрямую связывают коррупцию с *духовно-нравственным* состоянием общества. Например, О. В. Дамаскин пишет: «Широкомасштабному распространению коррупции в России в немалой степени способствует **нравственное разложение общества** (выделено нами. – В. Г), которое сопровождается проявлением в социально-политической и публичной сферах низменных чувств и инстинктов. В отсутствии полноценной воспитательной работы с гражданами мерилom человеческих ценностей все чаще становится, неважно каким путем приобретенное, богатство, а главным принципом жизни – обогащение любыми средствами». Нравственная сфера является основополагающей, и поэтому автор делает такой вывод: «Пока в этой сфере не произойдет радикальных изменений, борьба с коррупцией будет безрезультатной, поскольку останется неизменным тот безнравственный фундамент, на котором базируется коррупция и развивается терпимое отношение к ней со стороны большинства»¹⁵⁴.

Широкомасштабность современной коррупции трудно объяснить лишь одной апелляцией к личной нравственной порочности. Речь идет о деформациях в нравственном состоянии общества. Исследователи говорят о «недопустимо высоком и прогрессирующем уровне коррупции и воровства, превратившихся в самоцель экономического и социального проектирования»¹⁵⁵. Вот еще мнение: «Уровень коррупции в царский и советский периоды абсолютно несопоставим с тем, что мы наблюдаем в современной России, где показатели коррумпированности достигли невиданных доселе масштабов»¹⁵⁶.

¹⁵⁴ Дамаскин О. В. Указ. соч. С. 97, 98. О влиянии духовно-нравственных причин на коррупционную преступность в органах внутренних дел см.: Карпов Е. А. О некоторых вопросах противодействия коррупции в органах внутренних дел // Полицейская деятельность. 2015. № 4. С. 210–217.

¹⁵⁵ Слепаков С. С. Самоутверждение России : социально-экономический контекст // Философия хозяйства. 2012. № 1 (79). С. 171.

¹⁵⁶ Макаркин Н. П. Указ. соч. С. 125. Еще в 2000 году И. М. Клямкин и Л. М. Тимофеев писали: «Речь идет не просто о злоупотреблениях в отдельных ведомствах и группах населения (среди чиновников, предпринимателей, работников милиции, высшей школы, образования и т.д.), но о всеобъемлющей плотной социальной материи, о коррупционно-теневой среде, которую нельзя быстро изменить никакими законодательными и репрессивными мерами хотя бы потому, что для реализации таких мер в обществе нет соответствующих субъектов» (Клямкин И. М., Тимофеев Л. М. Указ. соч. С. 204).

Председатель Комиссии Государственной Думы по законодательному обеспечению противодействия коррупции, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации – член Комитета по безопасности, заслуженный юрист Российской Федерации А. Н. Волков о связанности *коррупции с нравственным состоянием общества* говорит следующее: «Коррупция как социально-правовое понятие неразрывно связана с отношениями собственности, уровнем нравственной и правовой культуры общества, состоянием законности и правопорядка. Как правило, коррупция формируется тогда, когда система отношений между людьми в обществе на основе нравственных традиций и правовых норм, соответствующих интересам большинства законопослушного населения, вступает в противоречие с факторами, препятствующими легальной реализации законных прав и интересов и способствующими удовлетворению противоправных интересов незаконными средствами. Это явление, уходящее своими корнями в далекое прошлое, как и преступность, отражает нравственное и правовое несовершенство отношений в обществе»¹⁵⁷

В данном высказывании заслуживают внимание три фактора:

- во-первых, коррупция и нравственное состояние общества связаны глубоко и неразрывно;
- во-вторых, «нравственное» и «правовое» выступают в неразрывном единстве;
- в-третьих, коррупция, как и преступность, относится к наиболее древним и неискоренимым социальным патологиям, в основе которых нравственная деформация личности.

Исследователи отмечают также *нравственный ущерб от коррупции*: «В современном мире коррупция порождает серьезные проблемы и угрозы для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость, наносит ущерб

¹⁵⁷ Дамаскин О. В. Указ. соч. С. 4.

устойчивому развитию и правопорядку»,¹⁵⁸ – отмечает А. Н. Чашин. «Коррупция угрожает также и тем, что подрывает моральные устои общества»¹⁵⁹. Образуется своеобразный круг: *коррупция подрывает моральные устои общества, низкое качество которых в свою очередь приводит к распространению коррупции.*

В данном параграфе мы сосредоточим свое внимание на *духовной культуре общества*, в которой в силу забвения отдельных базовых моральных принципов появилась определенная благоприятная среда для распространения широкомасштабной коррупции.

Современная нравственная культура российского общества – тема достаточно объемная и многомерная. Здесь необходимо учитывать *фундаментальную смену этической парадигмы*, о которой философ-этик А. В. Разин в статье «Исторические формы морали» говорит так: «Современная этика, безусловно, столкнулась с достаточно сложной ситуацией, в которой многие традиционные моральные ценности оказались пересмотрены. Традиции, в которых ранее во многом виделось основание исходных моральных принципов, зачастую оказались разрушенными. Они потеряли свое значение в связи с глобальными процессами, развивающимися в обществе, и быстрым темпом изменения производства, переориентацией его на массовое производство. В результате этого возникла ситуация, в которой противоположные моральные принципы предстали как равно обоснованные, в одинаковой степени выводимые из разума»¹⁶⁰.

¹⁵⁸ Чашин А. Н. Указ. соч. С. 3.

¹⁵⁹ Сумма идеологии... С. 150.

¹⁶⁰ Разин А. В. Исторические формы морали // Проблемы этики : философско-этический альманах. М., 2012. Вып. III. С. 16. Вот еще мнение современного этика Л. А. Громовой о трансформации предметного поля этики: «Предмет этики становится все более междисциплинарным, пересекаясь с исследовательским полем прагматических наук, таких как социология, менеджмент, психология и др., направленных на изучение возможностей эффективного сотрудничества. Освоение этических знаний становится технологичным, конкретизируется и проблематизируется в процессе морального творчества и совместной деятельности. Категориальный аппарат теоретической этики пополняется понятиями из других сфер нравственной практики: политологии, конфликтологии, управления персоналом» (Громова Л. А. Метаморфозы современной этики : от теоретической науки к прикладному знанию и гуманитарным технологиям // Эстетика и этика в изменяющемся мире. СПб., 2009. С. 15).

В данном контексте приобретает важность вопрос о *трансформации моральных ценностей современного общества*¹⁶¹. Этот процесс носит во многом объективный характер. В другой работе А. В. Разин говорит о «радикальном изменении самой морали», когда она «становится решительно не тем, чем была раньше, а зачастую приобретает такие черты, которые ранее отрицались при попытках ее теоретического определения»¹⁶². Мораль меняет свой аксиологический знак, и это соответствует процессу эволюции моральных ценностей, которые всегда зависят от социально-исторического контекста¹⁶³.

Данная ситуация характеризуется значительной трансформацией аксиологических приоритетов в сторону *плюрализации, релятивизации и автономизации* ценностей. Современный известный этик А. А. Гусейнов, описывая духовную ситуацию в современном мире, отмечает тенденцию «релятивирования традиционных ценностей»¹⁶⁴. Объективен ли этот процесс или он инициирован определенными маргинальными слоями общества, получившими определенную легитимность?

По отношению к России данная тенденция приобретает тревожный и опасный характер: «Изменчивость и событийность мира, социальная мимикрия современного человека не вписывается в классические ценностные системы. Такая “моральная мобильность” способствует потере четких критериев дозволенного и недозволенного, достойного и недостойного, когда некоторые моральные понятия (честь, достоинство и др.) исчезают из лексикона современного человека. Релятивизация моральных принципов и отказ от цен-

¹⁶¹ Вопрос о стратегическом пути общественного развития России активно обсуждается современными исследователями в статьях и монографиях. См.: Консолидация и модернизация России / ред.: А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. М., 2014 ; *Тоценко Ж. Т.* Фантомы российского общества. М., 2015 ; *Жукова О. А.* На пути к русской Европе. Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России. М., 2013 ; *Ковалев Ю. А.* Россия : снова перед выбором пути // Вопросы философии. 2015. № 6. С. 201–210 ; *Алексеева И. Ю., Алексеев А. П.* Какой посткапитализм нужен России? // Вопросы философии. 2014. № 10. С. 14–25 и др.

¹⁶² *Разин А. В.* Многообразие нравственной жизни современного общества и принципы ее организации // Философия и этика : сб. науч. трудов к 70-летию академика А. А. Гусейнова. М., 2009. С. 737.

¹⁶³ См.: *Кеглер Г. Г.* Этика после постмодернизма // Вопросы философии. 2006. № 3. С. 111–117.

¹⁶⁴ *Гусейнов А. А.* Понятия морали // Этическая мысль. М., 2003. Вып. 4. С. 4.

ностной иерархии приводят к равнозначности и оправданности любых человеческих деяний. Общество становится все более толерантным к тем образцам поведения, которые категорично отрицались еще в недавнем прошлом»¹⁶⁵.

Релятивизация моральных принципов не является безболезненным процессом и несет в себе реальные угрозы, в том числе и коррупционного характера. Как пишут О. С. Пугачев и Н. П. Козлова: «Как на Западе, так и в России релятивизация морали, то есть отказ от абсолютных принципов жалости, любви, сострадания, чести и достоинства, – ведет к духовной гибели и нравственному отупению людей... Возникает ситуация растерянности и потери социальных гуманных опор: ни мораль, ни право не могут защитить личность... В этих условиях человек, личность не может рассчитывать ни на защиту государства от посягательства на достоинство, свободу, собственность и жизнь со стороны криминального мира, ни на справедливое решение судов, поскольку последний может быть коррумпирован, запуган и вынужден исполнять волю все того же криминалитета»¹⁶⁶.

Данная характеристика затрагивает формальную сторону изменения морального микроклимата в обществе. Содержательная сторона этой тенденции достаточно емко описано в следующих словах: «В последние два десятилетия в связи с естественной сменой поколений на смену колхозно-совхозному культурному типу приходит человек “попсы”, т.е. массовой потребительской культуры, яркими примерами которой могут служить рестораны фирмы “Макдоналдз” или низкопробные боевики»¹⁶⁷.

У многих исследователей возникает чувство «моральной тревоги» в связи с изменением нравственных ценностей в жизни. Во многом это обусловлено тем, что произошел *разрыв этико-эстетических начал* в современной культуре¹⁶⁸. В таком смысле современную ситуацию более уместно ха-

¹⁶⁵ Лаптенюк А. С. Указ. соч. С. 79.

¹⁶⁶ Пугачев О. С., Козлова Н. П. Указ. соч. С. 83–84.

¹⁶⁷ Щукин В. Г. Город и свобода. Историко-культурные заметки // Вопросы философии. 2012. № 8. С. 70.

¹⁶⁸ См.: Валицкая А. П. Эстетика и этика : стратегия понимания // Эстетика и этика в изменяющемся мире : сб. статей. СПб., 2009. С. 8–9.

рактизовать не в аксиологически нейтральных терминах смены моральной парадигмы, а в более критичных терминах *нравственного кризиса*. Представляется, что это в большей степени соответствует реальному духовному самоощущению многих сограждан.

Мы полагаем, что *забвение современной трудовой этики* самым непосредственным образом связано с духовным кризисом. Именно в этой ситуации коррупция достигает особенно сильных масштабов распространения.

Деформация общественной нравственности в ходе экономических преобразований – одна из наиболее важных причин интенсивного распространения коррупции в нашей стране. Исследователи отмечают, что «Особо темпы роста коррупции резко возросли в 1990-е годы, начале третьего тысячелетия. Это связано, прежде всего, с возвратом в развитии от социализма к капитализму, резким изменением нравственных ориентиров, широкомасштабной приватизацией, которая во многом была проведена по понятиям, а не по законам»¹⁶⁹. А вот еще одно мнение: «Сегодня процветают обман, эгоцентризм и другие негативные черты характера человека... Но все же аморализм процветает на благодатной почве незрелых рыночных отношений. Происходит деформация нравственных и духовных ценностей. То, что раньше считалось правильным и моральным, сегодня осуждается. В свою очередь криминализация общества повлияла на падение морали в российском государстве. Появление теневой экономики, разгул коррупции практически во всех сферах деятельности людей свидетельствует о бессилии российского права в осуществлении им регулятивных и защитительных функций»¹⁷⁰.

Естественно, это не могло не повлиять на *деформацию ценности труда* как такового и *честного труда* в особенности. Экономические преобразования поменяли аксиологический вектор труда, сделав допустимыми несправедливые формы обогащения, прежде всего культ личного эгоистического преуспеяния и обогащения.

¹⁶⁹ Гостева С. Р., Рашкин В. Ф. Коррупция в России : исторические корни, причины, состояние, основы современной нормативно-правовой базы противодействия. М., 2010. С. 22.

¹⁷⁰ Калясина Н. А. Указ. соч. С. 223.

В таком контексте важно обратиться к работе П. Слотердайка «Критика цинического разума», в которой речь идет о «цинической коррупции», напрямую связанной с таким феноменом, как *соблазн денег*. Слотердаик обращается к работе Г. Зиммеля «Философия денег», в которой исследуются процессы обмена денег на «высшие ценности жизни» (честь, убеждения, талант, добродетель, красота, здоровье души). В связи с чем он пишет: «Это явная продажность всех и каждого, кто в капиталистическом обществе поддается воздействию постепенного, однако постоянно углубляющегося процесса цинической коррупции»¹⁷¹.

Философ утверждает, что деньги сохраняют «непоколебимое безразличие» по отношению к разнообразным товарам, в круг которых попадают и высшие ценности жизни. Это и есть «универсальный диффузный цинизм». Первооткрывателем цинизма, связанного с деньгами, Слотердаик считает Зиммеля. Он пишет: «Циническая функция денег обнаруживает себя в способности впутывать высокие ценности в грязные “гешефты”... Там, где экономическая ценность денег оказывается способной, как выражается Зиммель, втягивать в “гешефт” внеэкономические ценности – честь, добродетель, красоту, – у денег проявляется, наряду с покупательной способностью, и другая способность, которая лишь аналогична первой, но не идентична ей. Это способность *вводить в соблазн*... Только в ситуации универсального соблазна, – в которой поддавшиеся соблазну к тому же уже давно считают слово “коррупция” чересчур большим перегибом в моральном плане, – описанный Зиммелем “легкомысленный настрой” по отношению к высшим ценностям жизни (отныне – так называемым высшим ценностям жизни) может стать общей культурной атмосферой»¹⁷². Эта «общая культурная атмосфера» уже перешла и в Россию.

Таким образом, в современной культуре произошла *трансформация содержания и функционального назначения морали*. Мораль не выступает в

¹⁷¹ Слотердаик П. Критика цинического разума... С. 475.

¹⁷² Там же. С. 476.

качестве источника высоких нравственных императивов, она, скорее, оправдывает низкие потребительские вкусы большинства. В результате этого появилась моральная среда, наиболее благоприятная для процветания коррупции. Она проявляется в том, что население становится *морально толерантным* к феномену массовой коррупции. Исследователи отмечают, что аномально высокий уровень развития коррупционных отношений в современной России обусловлен «доминирующими в общественном сознании субъективными оценками и ценностными установками, рассматривающими совершение коррупционных действий в качестве обычного, “нормального” вида поведения»¹⁷³.

Здесь исток нравственной деформации общественного сознания, о котором известный философ И. К. Пантин говорит следующее: «Мораль в России, как это ни странно, оказывается в заложниках у правоприменительной практики. Когда коммерческий или иной успех достигается неправовыми методами, когда часть населения оказывается фактически бесправной перед наглостью и безнаказанностью корпораций (как это, например, происходит с обманутыми дольщиками по всей стране, кроме, пожалуй, Москвы), тогда в сознании людей слабеет значимость такой моральной нормы, как справедливость, а подобающий человеку нравственный самоконтроль превращаются в фикцию, от которой надо радикально избавляться. Но все-таки главная опасность заключается даже не в этом. Главное – это внутренняя готовность сотен тысяч людей (если не миллионов) к противоправному поступку, особенно если он к тому же щедро оплачивается. Эта готовность означает не только моральную неустойчивость. Она свидетельствует, что “средний человек” в России перестает быть существом общественным не только в сфере внешних социально-экономических зависимостей, но и в области внутренних нравственных своих определений. Его поведение и акты воли детерминируются главным образом извне, ситуацией, а не изнутри, нравственностью. Человек разрешает себе все, что ему выгодно, как бы эта выгода ни соотносилась с

¹⁷³ Изотов М. О. Указ. соч. С. 8.

нормами морали, с общественными интересами. Вообще говоря, так действует природное существо, но не человек как общественный субъект»¹⁷⁴.

Иначе, как низкой нравственной культурой общества это не объяснить. Если разобраться в истоках самого механизма падения общественных нравов, то необходимо сказать, что *сниженное отношение к труду* является одним из наиболее значимых проявлений этого падения. Известный специалист по этике Е. В. Золотухина-Аболина выделяет особый класс *социально-нравственных добродетелей*, к которым относит прежде всего *трудолюбие, мужество, патриотизм и гражданственность, любовь к семье*, а также добродетели коммуникации: гуманность, способность дружить, товарищество. «Все эти качества человека: любовь к Родине и семье, способность дружить и самозабвенно трудиться, стойкая верность убеждениям, рвение о делах общества и государства – проявляются в конкретной повседневности»¹⁷⁵. Иными словами, социально-нравственные добродетели, по мнению автора, – это «жизненное преломление высоких этических принципов».

Важно то, что в числе социально-нравственных добродетелей трудолюбие стоит на первом месте. Это неслучайно. Отношение к труду – важнейший индикатор и индивидуального, и социального нравственного состояния.

Коррупция, таким образом, является наиболее сильной и серьезной деформацией социально-нравственных добродетелей, и прежде всего честного труда.

Какие в этой ситуации могут быть предложены меры? Совершенно очевидно, что правовых механизмов борьбы с коррупцией явно недостаточно. При всей необходимости правовой регуляции нужно понимать, что истоки коррупции лежат в морально-этической плоскости. Безусловно, полагаться только на мораль есть благодушие и утопия. Благими пожеланиями не ис-

¹⁷⁴ Пантин И. К. Социально-политический переворот 1991–1993 гг. и кризис нравственного сознания в российском обществе // Политико-философский ежегодник. М., 2012. Вып. 5. С. 25–26.

¹⁷⁵ Золотухина-Аболина Е. В. Курс лекций по этике. Ростов н/Д., 1999. С. 291.

править моральный климат в обществе. Но недооценивать моральный аргумент – такая же утопия в деле борьбы с коррупцией. Мы уже отмечали, что основное направление исследований, связанных с коррупцией, – это исследования экономического, политологического и юридического характера, которые, как правило, вообще не принимают в расчет моральную аргументацию. Многим трезвомыслящим и прагматичным ученым и практикам кажутся наивными рассуждения о нравственной порочности человеческой природы, склонной к преступлениям.

Однако вне этического анализа и, соответственно, вне этической практики нам представляется невозможным решить проблемы, связанные с коррупцией. О важности *этической мотивации* вообще говорит известный российский философ М. Т. Степанянц: «Прагматический расчет, будь-то материальный или политический, способен объединить группы людей, заинтересованных в практической выгоде, но он не в состоянии служить делу всенародного объединения вокруг вдохновляющей идеи, принципа, идеала. Здесь требуется этическая мотивация, которая может быть сформулирована лишь при опоре на национальное культурное наследие, осмысленное с учетом требований нового времени»¹⁷⁶.

Этическая мотивация существования – искомое, необходимое для преодоления многих нравственных пороков общества, в том числе и такого социального зла, как коррупция. Вообще, нравственная рефлексия может оказаться куда более действенной в вопросе раскрытия преступного намерения, чем это кажется жесткому юридическому мышлению. Современные исследователи понимают важность этического анализа истоков преступной воли для принятия адекватных практических решений: «...для определения пути добра в борьбе с преступностью (злом) необходимо направить усилия для постижения смысла зла»¹⁷⁷. Если преступление есть зло (а коррупция – это, безусловно, преступление), то исследование зла как нравственной и метафизи-

¹⁷⁶ Степанянц М. Т. Указ. соч. С. 10.

¹⁷⁷ Исаев А. А. О роли духовности в борьбе с преступностью как социальным злом // Философия морали. Тоска по русскому аристократизму (к 70-летию со дня рождения В. П. Фетисова). М., 2012. С. 179.

зической проблемы будет способствовать более адекватным и действенным методам борьбы с преступностью.

Нужно отметить, что применительно к коррупции этический анализ встречается крайне редко, причем со стороны философского сообщества. Из недавних мероприятий можно отметить прошедший в 2011 г. в Институте философии РАН круглый стол, на котором обсуждался этический аспект борьбы с коррупцией. Участники круглого стола пришли к выводу о необходимости расширения контрольных полномочий самого общества¹⁷⁸. Но для этого необходимо повышать не только правовую, но и нравственную культуру общества. В таком контексте хотелось бы обратить внимание на монографию В. Бондаря «Общество против коррупции». Автор задается следующими вопросами: «Должно ли общество свыкнуться с коррупцией как с неизбежным злом? Может ли общественная система функционировать без взяток и подношений как платы за эффективность чиновничьего аппарата? К чему приведет бездействие в отношении прогрессирующей коррупции? Можно ли ощутимо снизить ее уровень и какие меры для этого нужны?»

Помимо анализа социально-экономических и правовых проблем, В. Бондарь самым серьезным образом обращает внимание на нравственные аспекты в борьбе с коррупцией. Важным является анализ общественного сознания, которое оказывается толерантно к коррупции. «Более половины наших граждан определяют коррупцию как положительное явление», – отмечает автор, делая такой вывод: «Отсутствие подсознательного негативного смысла в термине “коррупция” – одна из причин того, что в обыденном понимании это слово воспринимается многими российскими гражданами не как разрушение власти, а как взаимоотношения легального или нелегального обмена»¹⁷⁹.

Таким образом, завышенная моральная толерантность к коррупции порождает терпимое отношение к ней. В. Бондарь предлагает, наряду с широ-

¹⁷⁸ См.: В Институте философии РАН обсудили этический аспект борьбы с коррупцией / Информационное агентство REGNUM. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1464890.html>

¹⁷⁹ Бондарь В. Указ. соч. С. 21.

комасштабной борьбой с коррупцией, включающей в себя и силовые методы противодействия, и информационную кампанию, и регламентацию действия чиновников, и усовершенствование системы контроля за деятельностью бюрократии и многое другое, *усовершенствование морального климата и восстановление норм морали*. Он отмечает: «Противодействие коррупции может включать систему моральных поощрений и наказаний, которые могут иметь не меньшее влияние на ментальные установки в отношении коррупции, чем система уголовных, административных и дисциплинарных наказаний»¹⁸⁰.

Далеко не в последнюю очередь должен быть восстановлен паритет общественных и частных интересов, поскольку в последние десятилетия произошел явный перекося в сторону частных интересов, в нише которых зарождаются различные злокачественные социальные болезни, в том числе и коррупционного характера.

Современные авторы также не обходят стороной эту проблему. Так, А. Г. Глинчикова пишет: «...признания ценности общественного интереса как ценности частного интереса или интересов *других* нам действительно недостает. Поэтому наша проблема связана со сбоем в процессе формирования *внутренних* ограничителей частного интереса *каждого* во имя интересов другого, других, т.е. во имя общественных интересов. Если мы действительно хотим сформировать социально-экономическую систему, в которой частные экономические и социально-политические интересы были бы защищены, то нам необходимо *реабилитировать и развить ценность общественного интереса*»¹⁸¹.

Реабилитация и развитие ценности общественного интереса – очень важная часть программы восстановления деформированных социально-нравственных добродетелей. Общественный интерес представляет собой более сложную систему социально-этических норм и ценностей по сравнению с частным интересом. Общественный интерес в конечном счете формируется

¹⁸⁰ Бондарь В. Указ. соч. С. 233.

¹⁸¹ Глинчикова А. Г. Модернизация, традиция и эволюция частного интереса // Политико-философский ежегодник. М., 2011. С. 157.

отдельными людьми, чье сознание дошло до понимания значимости этого феномена. От человека зависит многое, поскольку, по словам В. С. Степина: «Человек – это не просто клеточка в целостном организме общества и тем более не винтик в динамической системе общественных связей. Он активное, деятельное существо, и только благодаря его активности воспроизводится и изменяется общество как целостный организм»¹⁸².

В этом контексте некоторые авторы уповают на исключительно на силу *нравственных аргументов* в борьбе с коррупцией. Так, В. Д. Попов в предисловии к книге «Власть, коррупция и честность» пишет: «Итак, очевидно: коррупция неистребима, но у нее нет будущего, иначе мир ожидает череда социальных потрясений, революций, конфликтов... Думается, что борьба с коррупцией, поиск средств, социальной вакцины против этой “социально-генетической болезни”, – и есть тот вопрос, над которым должен биться русский ум. Но все-таки первое свойство ума – *Совесть*, ее следствие – честность, ибо “без истины стыдно жить” (А. Платонов)»¹⁸³.

Как бы ни утопично и абстрактно это не выглядело, но без морального аспекта иные методы борьбы с коррупцией оказываются малоэффективными. Мы убеждены, что восприятие коррупции как деформации социально-нравственных добродетелей может реально способствовать ее посильному преодолению.

Таким образом, можно говорить о взаимосвязи следующих явлений: *понижение моральной культуры общества, снижение нравственного статуса труда, распространение коррупции*. На феномене честного труда остановимся подробнее в заключительном параграфе исследования.

Итак, по данному параграфу можно сделать следующие выводы:

– коррупция рассматривается в контексте *социальных ценностей*, ее появление объясняется общим *падением духовной культуры общества*;

¹⁸² Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992. С. 16.

¹⁸³ Попов В. Д. Указ. соч. С. 12.

– в контексте социальных ценностей обнаруживается порочный круг: коррупция подрывает моральные устои общества, низкое качество которых в свою очередь приводит к распространению коррупции;

– трансформация моральных ценностей современного общества привела к сдвигу аксиологических приоритетов в сторону *плюрализации, релятивизации и автономизации* ценностей;

– *коррупция является наиболее сильной и серьезной деформацией социально-нравственных добродетелей, и прежде всего честного труда;*

– важная часть программы восстановления деформированных социальных добродетелей – *реабилитация и развитие ценности общественного интереса.*

§ 3.2. Честный труд и духовная культура

В предыдущем параграфе мы выяснили, что в последние десятилетия произошли существенные *ценностные трансформации в обществе*, что повлекло за собой изменение аксиологического знака многих традиционных понятий. Одним из главных понятий, относящихся к области социально-нравственных добродетелей, является понятие «трудолюбие». Именно в этой области и произошли, с нашей точки зрения, наиболее значительные изменения. Сейчас можно с полной уверенностью говорить, что *отношение к труду* потеряло высокий нравственный статус, какой имел место в предшествующие эпохи. *Девальвации честного труда* как феномена нравственной жизни человека и общества – уже реальность.

Прагматическая доминанта стала определяющей и по отношению к жизни, и по отношению к труду. Как пишет в своем диссертационном исследовании Р. Н. Зиятдинов: «Сегодня в обществе доминирует человек “экономически рациональный”, для которого труд – это не сама по себе наполнен-

ная смыслом человеческая деятельность, а средство для получения денежного вознаграждения»¹⁸⁴.

Экономоцентричная модель является, таким образом, доминирующим сегодня принципом *мотивации трудовой деятельности*. Соответственно, трудовая этика оказалась вытесненной на периферию общественного сознания и воспринимается, скорее, как романтический идеал, а не как практическая норма. Если 15–20 лет назад имели место горячие дебаты о возможностях применения протестантской этики труда в российских условиях, то теперь речь все чаще идет о нарушении всяческих моральных устоев в трудовой деятельности, что отражается далеко не в последнюю очередь на появлении феномена широкомасштабной коррупции.

На этот аспект нам бы хотелось обратить особое внимание, связав *феномен коррупции* и *изменение ценностного отношения к труду*.

Однако справедливости ради необходимо сказать, что не только в России, но и в современном мире происходит *трансформация аксиологического статуса труда*. Об этом пишет Ж. Бодрийяр в книге «Символический обмен и смерть», в которой создает своеобразную концепцию «конца труда». Современный исследователь, комментируя взгляды французского философа, пишет, что «труд, подобно другим вещам, оказывается только знаком среди знаков... Раньше (в обществах, предшествующих постмодерну) труд был производительным, был пронизан целерациональностью. В обществе постмодерна все обстоит иначе... Такой труд (также и в форме досуга) заполняет всю нашу жизнь как фундаментальная репрессия и контроль, как необходимость постоянно чем-то заниматься в то время и в том месте, предписанная вездесущим кодом. Люди должны быть приставлены к делу. Отношение, которое сегодня складывается к труду и включающее гибкое расписание, подвижность кадров, переквалификацию, постоянное профессиональное обучение, автономию и самоуправление, децентрализацию трудового процесса, – все это

¹⁸⁴ Зиятдинов Р. Н. Отношение к труду как ценности : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2004. С. 3.

лишь попытка встроить человека (и производство) в систему потребления»¹⁸⁵.

Иными словами, труд потерял специфический характер, становясь лишь «социальной симулятивной моделью». «Соединенные Штаты, – пишут американские ученые А. Рогоу и Г. Лассуэлл, – явно движутся от экономии труда и спекуляции к экономике минимальной работы, максимального отдыха, спекуляции (игра на бирже) и азартных игр»¹⁸⁶. Поэтому необходимо говорить о некоторых универсальных закономерностях современной цивилизации, выявляя в ней особенности, присущие российской государственности и культуре. Это, в частности, отражается и на качественном изменении отношения к труду в современной молодежной среде: «...современная молодежь в большинстве своем ставит перед собой цель не работать, а управлять»¹⁸⁷. При этом все сопровождается распространившейся тенденцией правого нигилизма.

Трансформация аксиологического статуса труда во многом связана с изменением *антропологического статуса homo faber*. Как отмечает Т. Ю. Сидорина, в логике перехода индустриального общества в постиндустриальное приходит «человек-эксперт», у которого изменен трудовой этос. Это антропологический тип *symbolic analysts*, который сменяет классического *homo faber*. «Среди *symbolic analysts*, – пишет автор, – ученые и исследователи, консультанты по вопросам менеджмента, маркетинга и рекламы, специалисты, которые работают с устными и визуальными символами (музыканты, представители киноиндустрии и проч.)»¹⁸⁸.

Схожую точку зрения на *современный статус труда* высказывает А. В. Разин: «Сейчас труд человека в производстве все более и более становится творческим, а творческий труд плохо поддается внешнему контролю, его ритм не задается внешними факторами системной организации производ-

¹⁸⁵ Патырбаева К. В. Современное общество, труд и человек в постмодернизме Ж. Бодрийара // *Философия хозяйства*. 2012. № 2 (80). С. 244–245.

¹⁸⁶ Рогоу Арнольд А., Лассуэлл Гарольд Д. Указ. соч. С. 125.

¹⁸⁷ Хамитова Г. Ш. Правовой нигилизм молодежи как социальная проблема российского государства // *Государство как произведение искусства : 150-летие концепции*. М., 2011. С. 160.

¹⁸⁸ Сидорина Т. Ю. «Homo faber» как символ эпохи труда : к истории эволюции понятия // *Вопросы философии*. 2015. № 3. С. 21.

ства, по крайней мере не задается столь жестоко, как этими факторами может быть задан конкретный труд, связанный с выполнением отдельных производственных операций. Отсюда в современном обществе огромное значение приобретают доверие и трудовая этика»¹⁸⁹.

Трудовая этика, или протестантская этика труда, – это аксиологическая *мотивация капиталистического труда*, который вызревал в совершенно определенных культурных условиях, весьма далеких от российских. И вообще, эти процессы находятся в недрах *потребительской цивилизации*, в которой человек претерпевает значительные духовные катаклизмы¹⁹⁰. Об этом много говорили крупнейшие западные мыслители XX века, такие как Й. Хейзинга, А. Швейцер, К. Ясперс, Э. Фромм, Г. Маркузе, Г. Йонас и др. Главное, что *ценностные ориентации общества меняют характер труда* и, соответственно, образ жизни¹⁹¹. Ценностный круг человека «потребительского типа» имеет исключительно *гедонистический характер*: «Главной нравственной ценностью людей потребительского типа является счастье, мотивом – польза, ориентациями: индивидуализм, релятивизм, социальность и активность»¹⁹².

Девальвацию *труда как усилия* в контексте новой гедонистической этики эпохи постмодерна очень хорошо показал Ж. Липовецки: «Именно распад этого “Я” вырабатывает новую разрешительную и гедонистическую этику: усилия больше не в моде; все, что является принуждением или жесткой дисциплиной, обесценивается в пользу культа желаний и их немедленно-го удовлетворения»¹⁹³. Это как раз соответствует тому, о чем мы говорили в прошлой главе, в которой шла речь о трансформациях современной морали в сторону релятивизации ценностей. *Потребительское общество и постмо-*

¹⁸⁹ Разин А. В. Современная мораль и ее философские основания // Этическая мысль. М., 2012. Вып. 12. С. 43–44. См.: Ельмеев В. Я. Человек труда вместо человеческого капитала // Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В. В. Парцвания. СПб., 2003. С. 319–351.

¹⁹⁰ О духовных противоречиях человека общества потребления см.: Сапожников Е. И. Общество потребления в странах Запада // Вопросы философии. 2007. № 10. С. 53–64.

¹⁹¹ См.: Человек между мирами (онтологические, эпистемологические, социокультурные и психологические проблемы пограничья). М., 2012.

¹⁹² Зеленкова И. Л., Беляева Е. В. Этика. Минск, 1995. С. 239.

¹⁹³ Липовецки Ж. Указ. соч. С. 88.

дернистская культура во многом совпадают, являясь близкими синонимами и духовно родственными явлениями.

Известный британский экономический историк Р. Г. Тони, характеризуя данный тип потребительской цивилизации, писал: «Такие общества можно назвать *стяжательскими обществами*, потому что все их стремление, весь их интерес и первейшая забота состоят в том, чтобы всячески способствовать стяжанию богатства. Эта концепция должна находить сильнейший отклик в людских душах, ведь она подчинила весь современный мир своему заклинанию... она делает индивида центром его собственного мира и растворяет моральные принципы в выборе сиюминутных целесообразных решений. И она беспредельно упрощает проблемы социальной жизни в сложных сообществах. Ведь она избавляет их от необходимости проводить различие между разными типами экономической деятельности и разными источниками богатства, между предприимчивостью и корыстолюбием, энергией и бессовестной жадностью, собственностью законной и собственностью ворованной, справедливым пользованием плодами труда и праздным паразитизмом родившихся баловней судьбы, а все потому, что она трактует все виды экономической деятельности как равноценные и предполагает, что излишество или порок, безоглядное расточительство или вышедшая из берегов роскошь не требуют сознательных усилий общественной воли по их недопущению, а исправляются почти автоматически механической игрой экономических сил»¹⁹⁴.

В этих словах содержатся ответы на многие вопросы, в том числе и на вопрос о видоизменении характера труда, и о неистребимой тяге современного человека к стяжательству (потребительству). Важно то, что Р. Г. Тони характеризует такой тип, как духовно непродуктивный: «Под влиянием таких идей люди не становятся религиозными, мудрыми или артистичными; ибо религия, мудрость и искусство предполагают принятие ограничений. Но они становятся могущественными и богатыми. Они наследуют землю и меняют лик природы, хотя не владеют при этом собственными душами; и они имеют

¹⁹⁴ Тони Р. Г. Стяжательское общество // Социальность и культура в изменяющемся мире. М., 2009. С. 280, 281.

эту видимость свободы, состоящую в отсутствии границ между возможностями личного подъема и подъемом тех, кому рождение, богатство, талант или везение позволили этими возможностями воспользоваться»¹⁹⁵.

При этом современные отечественные исследователи отмечают «универсальность» подобного потребительского, или «стяжательского» типа. Ю. М. Резник пишет: «Следует отметить, что потребительство не является уделом лишь одних обывателей и вообще людей, лишенных истинных человеческих радостей и ограничивших свои потребности главным образом материальными благами. В нашем обществе в связи с резким, обвальным характером падения производства и уровня жизни населения данный тип стратегий становится доминирующим. Его разделяют многие социальные группы, придерживающиеся самых разных, иногда противоположных политических и культурных ориентаций. Особенностью их жизненного уклада на данном этапе является выбор преимущественно материального, индивидуального или группового, возрастающего благополучия как альтернативы прежним жизненным стратегиям, основой которых была относительная стабильность жизни, дающая уверенность в завтрашнем дне»¹⁹⁶.

Сами *ценностные ориентации современного общества* и человека этого общества являются весьма проблемным и остро дискуссионным пространством¹⁹⁷. Отечественные исследователи также говорят об этих проблемах современной западной цивилизации, которые становятся частью отечественной ментальности. П. С. Гуревич высказывается достаточно радикально: «Расшатанность психики, крах рационалистической традиции, угроза самоистребления человечества – признак современного апокалипсиса»¹⁹⁸. Не менее эмоционально говорит В. Кутырев: «В какое время мы живем! Практическое вытеснение человека из своего жизненного мира, его превращение из субъекта деятельности в фактор и агента подошло к порогу его ликвидации как уни-

¹⁹⁵ Тони Р. Г. Указ. соч. С. 281.

¹⁹⁶ Резник Ю. М. Человек и время : проблема жизненного выбора // Человек вчера и сегодня : междисциплинарные исследования. М., 2012. Вып. 6. С. 72.

¹⁹⁷ О проблемах современного человека в свете новых технологий см.: Воронин А. А. Совершенствование человека // Вопросы философии. 2015. № 8. С. 203–208.

¹⁹⁸ Гуревич П. С. Расколотасть человеческого бытия... С. 192.

кальной формы жизни. Отказа от самого себя. Самоуничтожения»¹⁹⁹. О. П. Зубец пишет: «Современный европеец, живущий в смешении и этакой расхлябанности системы ценностей, лишен и определенной ценностной локализации, занимая то центральную, то периферийную позицию, а то и уходя в дикое пространство (например, утрачивая пол, возраст и социальное лицо вообще в Интернете или просто погружаясь в уличную толпу)»²⁰⁰. А вот мнение относительно кризиса трудовой мотивации: «В современном массовом обществе человек все более становится “одномерным”. Он уже не верит ни в свое совершенствование посредством труда (идея Нового времени), ни в свое совершенствование посредством досуга (социалистическая идея). И труд, и досуг программируются для человека другими людьми, лишая его жизнь творческого содержания»²⁰¹.

В такой культуре происходит забвение *духовных мотивов существования* и, соответственно, *духовных мотивов труда*, которые сводятся к потребительским ценностям, что способствует появлению *symbolic analysts*. М. И. Лапицкий, характеризуя религиозную значимость труда, отмечает, что потребительская мотивация существования современного общества вытесняет нравственность, что приводит к ослаблению социокультурной системы²⁰². В этом смысле появление *symbolic analysts* является своеобразным понижением антропологического статуса как такового, ослаблением человеческого типа, о чем писал еще в свое время Ницше, во многом предвидя современную ситуацию.

В контексте отечественной культуры с ее обостренным нравственным самосознанием, особо острым чувством социальной справедливости *забвение нравственных абсолютов*, делающее допустимым коррупцию в таких мас-

¹⁹⁹ Кутырев В. А. Перспективы человека : жизнь или прельщение усовершенствованием // Спектр антропологических учений. М., 2012. С. 125.

²⁰⁰ Зубец О. П. Ценностное границеположение и мораль // Этическая мысль. М., 2005. Вып. 6. С. 238.

²⁰¹ Махаматов Т. М., Яковлева Л. Е. Что угрожает демократии в эпоху массового общества? // Вестник Московского университета. Серия 7 : Философия. 2006. № 5. С. 57.

²⁰² См.: Лапицкий М. И. Религиозные основы хозяйственной деятельности // Протестантская этика и дух капитализм / М. Вебер. Ивано-Франковск, 2002. С. 291.

штабах, особенно драматично. Исконные свойства русского человека находятся по ту сторону прагматических ценностей потребительской цивилизации и связаны, по словам известного исследователя в области отечественной культуры А. А. Королькова, с «духовными качествами правдоискательства, праведности, совестливости, ответственности перед Отечеством, его прошлым и будущим»²⁰³.

Многие исследователи считают труд *главным атрибутом человека*; труд и человек – неразделимые категории и тождественные понятия. Современный автор В. В. Парцвания пишет: «Труд как деятельность является только целесообразной человеческой деятельностью, при которой исключается присвоение чужого конечного продукта – это во-первых, а, во-вторых, труд, как социальное качество, присущее только человеку (обществу), представляет собой процесс внутреннего переживания человека, возвышающий его человеческие качества – человечность»²⁰⁴.

Кроме этого, труд представляет собой и *метафизическую ценность*, поскольку связан с такими феноменами, как *игра* и *творчество*. Проанализировав взаимоотношение этих понятий на примере творчества Ф. М. Достоевского, Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, С. Н. Булгакова, Н. А. Бердяева, А. П. Платонова, В. А. Коваленко дает такую формулу взаимосвязи этих феноменов: «...если труд обладает только внешней целью, но не имеет внутренней, а игра, обладая лишь целью внутренней, не имеет внешней, то творчеству присущи одновременно и внутренняя, и внешняя цели. И если труд представляет собой своеобразный “базис” для творчества, его деятельностьную первооснову, то игра выступает в качестве особой духовной “надстройки” над творчеством, отчасти с ним пересекающейся»²⁰⁵. *В ситуации тотальной коррупции исчезает не только нравственный, но и метафизический*

²⁰³ Корольков А. А. Драма русского просвещения. СПб., 2013. С. 80.

²⁰⁴ Парцвания В. В. Философия труда // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сборник философских статей. СПб., 2001. Вып. I. С. 153.

²⁰⁵ Коваленко В. А. Труд и игра в контексте творчества // Вопросы философии. 2011. №12. С. 169.

смысл труда. Но более всего страдает, конечно, честный труд, поскольку коррупция дискредитирует его нравственные мотивы.

Честный труд сегодня, к сожалению, уходит на периферию общественно значимых ценностей, уступив место труду нечестному, связанному с жульничаньем, махинациями и воровством. Стремление добросовестно и упорно трудиться не входит в число нравственных приоритетов личности. Произошла дискредитация идеалов честного труда. Современный философ-этик О. С. Пугачев так говорит об изменении нравственного отношения к труду в потребительскую эпоху: «Паразитизм общества потребления стал обычным и обыденным, более того, он приобрел блестящую обертку и выдается за норму или достижение. Человек труда стал не просто абстракцией, нет: о нем не принято даже говорить»²⁰⁶.

Характеризуя современный российский крупный бизнес и высшую бюрократию, исследователи отмечают, что здесь господствует «поклонение деньгам и предметам потребления, а не труду и творчеству. Отсюда культ потребления, а не приумножения капитала»²⁰⁷. Экономическая и политическая элиты тем самым дискредитируют честный труд, что способствует в конечном счете появлению и процветанию коррупции.

Словосочетание «честный труд» представляет собой своего рода плеоназм, поскольку в значении слова «труд» уже заложен априорный нравственный смысл. Труд подчеркивает деятельную сущность человека, имеющую *позитивное нравственное значение*. Деструктивную деятельность, несмотря на то, что она тоже требует «трудовых» усилий, не принято называть трудом. В словаре В. И. Даля труд в целом определяется как позитивная деятельность: «...работа, занятие, упражнение, дело; все, что требует усилий, старания и заботы»²⁰⁸. Труд характеризуется, таким образом, как положительная

²⁰⁶ Пугачев О. С. «Не хлебом единым...» // Нравственность и хлеб насущный : сб. мат-лов. науч.-практ. конф. Пенза, 2006. С. 3.

²⁰⁷ Сердобинцев К. С. Дифференциация власти, собственности и управления – необходимое условие модернизации и развития гражданского общества в России // Вопросы философии. 2012. № 4.

²⁰⁸ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1998. С. 853. (Ре-принт с издания 1914 г.).

деятельность, заключающая в себе положительное моральное свойство. «Отношение к труду часто выступает критерием нравственности»²⁰⁹. Это справедливо, поскольку «усилие, старание и забота» направлены на преодоление наличной ситуации (от «сущего» к «должному»). Тем самым *нравственный импульс содержится в самой основе трудового акта*. Трудовое и нравственное являются синонимическими понятиями.

Позитивное отношение к труду как нравственной ценности имеет свои истоки еще в контексте греческой и библейской культуры. Библейские максимы утверждают высокий статус труда как праведного средства к существованию. В «Трудах и днях» Гесиода также имеет место утверждение нравственно положительной ценности труда:

«Труд человеку стада добывает и всякий достаток,
Если трудиться ты любишь, то будешь гораздо милее
Вечным богам, как и людям: бездельники всякому мерзки.
Нет никакого позора в работе: позорно безделье,
Если ты трудишься, скоро богатым, на зависть ленивцам,
Станешь. А вслед за богатством идут добродетель с почетом»²¹⁰.

В дальнейшем в традициях европейской культуры труд выступал объектом философской рефлексии. Особенно значимым этот вопрос становился в контексте протестантской этики труда.

Сравнение православной и протестантской этики труда дано в книге Л. П. Найденовой «Мир русского человека XVI–XVII вв.». В ней, в частности, подчеркивается высокий статус труда и трудолюбия на Руси. Вот показательные фрагменты: «Трудолюбие для митрополита Даниила – это и высокая христианская добродетель, и способ в земной жизни уподобиться Христу... В Домострое труд признается средством достижения благополучия, но его главная задача религиозно-нравственная. Труд матери, труд жены не только создает благополучие и покой в доме, но также имеет и значение вы-

²⁰⁹ Зеленкова И. Л., Беляева Е. В. Указ. соч. С. 182.

²¹⁰ Гесиод. Труды и дни // Полное собрание текстов. М., 2001. С. 61.

полнения христианского долга, расценивается как христианская добродетель. И что не менее важно, никакое богатство не избавляет человека от необходимости постоянного труда, в том числе и труда на благо дома»²¹¹. И, пожалуй, главный ценностный (антикоррупционный) тезис звучит так: «Осуждение надежды на богатство, а не на Бога и привязанности к богатству (“любо-стяжание”) – характерная черта православного восприятия во все века древнерусской истории»²¹². Труд, таким образом, представляет собой духовную ценность и не рассматривается как средство достижения богатства. Он, скорее, воспринимается как упражнение для смирения плотских страстей («средство душевного смирения»).

В России сформирована целостная традиция (философия хозяйства), в которой рассматриваются духовные и метафизические аспекты труда (работы Н. Ф. Федорова, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, П. А. Флоренского и др.). Развернутая фундаментальная аналитика труда дана в книге С. Н. Булгакова «Философия хозяйства», в которой показана трансформация стихийного (или инстинктивного) *труда природы* в сознательный *труд человека*²¹³. Это духовный смысл труда, который заключается в том, что труд в своей сущности есть победа сил жизни над силами смерти. И в этом его высшее нравственное значение.

Большое место феномен труда занимает в философских построениях другого русского философа Н. А. Бердяева. В книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» он отмечает двойственный характер труда как «проклятия» и как «творчества»²¹⁴. Именно последний вид труда и соответствует подлинной сущности человека, направленной на духовное преображение природных стихий. Философ делает акцент на *духовно-нравственном смысле труда*, в котором выделяется его нравственно-созидающая суть, не

²¹¹ Найденова Л. П. Мир русского человека XVI –XVII вв. (по Домострою и памятникам права). М., С. 120, 126–127.

²¹² Там же. С. 129. Отношение к богатству и труду в контексте русской цивилизации см.: Казин А. Л. Россия в нехристианском мире : к вопросу о нашем будущем // Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В. В. Парцвания, 2003. С. 210–221.

²¹³ См.: Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М., 2009. С. 134.

²¹⁴ См.: Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. М., 2003. 701 с.

являющаяся лишь средством к достижению исключительно экономических целей. Забвение именно этого *нравственного аспекта труда* превращает его в инструмент обогащения. На фоне общего снижения духовной культуры общества такой прагматический труд если и не является непосредственной причиной коррупции, то по крайней мере значительно влияет на масштабный характер распространения этого явления.

Таким образом, важным аспектом практической борьбы с коррупцией, исходя из анализа этических факторов, является трансформация ментальной установки, которая выработала *терпимое* отношение к коррупции как приемлемому и допустимому моральному злу. Кроме этого, данный анализ свидетельствует о необходимости развития нравственного самосознания личности, в котором должна быть достаточно высокой *ценность честного труда*.

Мотивация к честному труду является одновременно и мотивацией к духовному существованию. В этом смысле труд является одновременно и духовной, и нравственной, и религиозной, и экзистенциальной категорией. Пропаганда честного труда как этико-антропологической нормы является, с нашей точки зрения, наиболее эффективным философско-антропологическим ограничением коррупционной деятельности.

Таким образом, по данному параграфу можно сделать следующие выводы:

– *отношение к труду* потеряло высокий нравственный статус, какой имел место в предшествующие эпохи. *Девальвации честного труда* как феномена нравственной жизни человека и общества – реальность современного общества и культуры;

– *экономоцентричная модель* является сегодня доминирующим принципом *мотивации трудовой деятельности*;

– в современном мире происходит *трансформация аксиологического статуса труда*, которая во многом связана с изменением *антропологического статуса homo faber*. Появляется новый антропологический тип *symbolic analysts*, который сменяет классического *homo faber*;

– девальвация труда является реалией потребительского общества («стяжательского общества») с доминирующей *постмодернистской культурой*. В такой культуре происходит *забвение духовных мотивов существования* и, соответственно, *духовных мотивов труда*, которые сводятся к потребительским ценностям, что способствует появлению *symbolic analysts*;

– труд характеризуется как положительная деятельность, заключающая в себе положительное моральное свойство. Отношение к труду часто выступает критерием нравственности;

– в России сформирована целостная традиция (философия хозяйства), в которой рассматриваются духовные, нравственные, метафизические и экзистенциальные аспекты труда;

– философско-антропологический анализ свидетельствует о необходимости развития нравственного самосознания личности, в котором должна быть достаточно высокой *ценность честного труда*.

Выводы по третьей главе

На основе рассмотрения в данной главе проблемы деформации духовно-нравственных добродетелей можно сделать некоторые выводы. Во-первых, существует непосредственная связь между падением духовной культуры в обществе и широкомасштабным распространением коррупции. Это свидетельствует о том, что данный феномен имеет не только и не столько экономические и политические причины. Коррупция подрывает моральные устои общества, низкое качество которых в свою очередь приводит к распространению коррупции. Во-вторых, показателем упадка духовной культуры является *снижение ценностного статуса труда*, который становится исключительно инструментом материального обогащения. Честный труд перестает быть нравственной ценностью современного общества, что открывает дорогу к несправедливым формам обогащения, среди которых коррупция является наиболее распространенной.

Проблема духовной культуры общества непосредственно рассматривается в контексте *фундаментальной смены этической парадигмы культуры*. Современные философы (А. А. Гусейнов, А. В. Разин) отмечают трансформацию моральных ценностей современного общества в сторону *плюрализации, релятивизации и автономизации* ценностей. В контексте современных российских реалий это приводит к деформации *социально-нравственных добродетелей*, к которым Е. В. Золотухина-Аболина относит прежде всего *трудолюбие, мужество, патриотизм и гражданственность, любовь к семье*. Коррупция оказывается наиболее сильной и серьезной деформацией социально-нравственных добродетелей, и прежде всего честного труда.

В главе также рассматривается вопрос о *трансформации аксиологического статуса труда*, в частности в книге Ж. Бодрийяра «Символический обмен и смерть». Трансформация аксиологического статуса труда во многом связана с изменением *антропологического статуса homo faber*, который сменяется на антропологический тип *symbolic analysts*. Данный тип формируется в недрах постиндустриальной потребительской цивилизации, которую известный британский экономический историк Р. Г. Тони очень точно назвал «стяжательским обществом».

Как видим, необходимо обратить внимание на существующие меры борьбы с коррупцией, которые на сегодняшний день в основном сводятся к правовому регулированию. Нужно присмотреться к *антропологическим причинам коррупции*, которые связаны непосредственно с забвением нравственного статуса и смысла труда. В этом контексте важна также умелая *пропаганда честного труда* с опорой на глубокие философские традиции. Как и пропаганда здорового образа жизни, она во многом способна оздоровить духовную атмосферу в обществе.

В главе рассмотрены построения русских философов (С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева), в которых обосновывает и метафизический, и духовный статус труда. В современной культуре потребительского типа угнетены именно данные аспекты труда, что приводит к несправедливым формам обогащения, по-

сколькx труд используется исключительно как средство к материальному достатку.

Таким образом, в современном обществе произошла девальвация честного труда, что дает морально-психологическое основание для несправедливых форм обогащения. Совершенно очевидно, что многие духовные качества сегодня пришли в забвение и необходима большая работа по их подлинному возрождению. В этом контексте особенно важным, с нашей точки зрения, является изменение отношения к труду как показателю личной нравственности и общественной морали. Трудолюбие из всех моральных качеств личности одновременно является индивидуальной и социальной добродетелью. И восстановление ценности и значимости труда, в особенности честного труда, будет способствовать, мы полагаем, духовному оздоровлению общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, рассмотрев феномен коррупции в философско-антропологической перспективе, мы пришли к следующим выводам.

Поток исследований, посвященных коррупции, увеличивается с каждым годом. При этом современные ученые все чаще говорят о беспрецедентных размерах коррупции в российском обществе, чей масштаб определяется не только уровнем распространения, но и степенью укорененности в социальных взаимодействиях. Социальные аналитики отмечают, что «укорененность и распространенность коррупции заставляют нас предположить, что они невозможны без определенной социальной институализации»²¹⁵. В докторском диссертационном исследовании М. В. Шедий «Коррупция как социальное явление» (2014) речь уже идет о *вполне сформировавшейся коррупционной системе*, по сути, о социальном институте, для которого характерен ряд «институциональных признаков»²¹⁶.

Данное обстоятельство подвигает к поиску новых исследовательских стратегий. В большинстве современных исследований коррупция рассматривается как социальный феномен, традиционно воспринимается как социальное зло, коренящееся в несовершенстве общественного устройства. Причем это несовершенство базируется в свою очередь на некоторых корневых аномалиях моральной природы человека. Именно в коррупции *социальное* и *индивидуальное* переходят друг в друга, образуя единый и нерасчленимый симбиоз. В данном смысле это универсальное и в некотором роде *неустранимое* явление.

При всей важности социального анализа, очевидно, что он не может охватить целостность и глубину феномена коррупции. Предложенный в нашей работе подход предполагает *антропологическую реконструкцию коррупционного деяния*, состоящую из анализа этических, психологических и ре-

²¹⁵ Российская коррупция... С. 741.

²¹⁶ См.: Шедий М. В. Коррупция как социальное явление... М., 2014. С. 9.

лигиозных компонентов. Внутренняя сущность данного подхода заключается в установке на антропологическую *открытость* и *незавершенность* человеческой природы (П. С. Гуревич), что может способствовать поиску более эффективных мер в борьбе с коррупцией.

В работе рассмотрены *культурно-ментальные* предпосылки коррупции, поскольку коррупционное поведение во многом зависит от принятых норм и стандартов культурного сообщества, которые в свою очередь уходят вглубь традиций и обычаев этого сообщества. Одно из типологических описаний коррупции, включающее ментальный фактор, сводится к выделению «западной» и «восточной» моделей коррупции. В этом контексте активизируется вопрос о том, к какому типу относится российская коррупция?

В ходе ответа на данный вопрос были рассмотрены различные точки зрения. Историческая реконструкция показывает глубокую укорененность коррупции вплоть до Древней Руси (А. И. Кирпичников). Некоторые исследователи (И. М. Клямкин и Л. М. Тимофеев) полагают, что истоки отечественной коррупции связаны с российской державностью.

Результаты диссертационного исследования показали, что многие положительные проявления национальной ментальности могут не только ужиться с коррупцией, но даже стимулировать ее. Так, на примере отечественной культуры было установлено, что такие положительные черты национальной ментальности, как особое чувство родственности, развитое нравственное начало, стремление к всеединству, в определенной мере способствуют распространению коррупции и препятствуют правовому противодействию ей.

В диссертации был затронут вопрос об *экзистенциальных* истоках коррупции (А. Рогоу, Г. Лассуэл, Э. Фромм, Я. И. Гилинский). В ходе исследования была выявлена непосредственная связь между *потреблением* и *духовной нестабильностью* человека, которая характеризуется Жилем Липовецки как «Эра Пустоты». Образуется порочный круг между *потреблением* и *компенсацией тревоги* (Э. Фромм) который весьма эффективно вписывается в корруп-

ционную ментальность современного общества. Именно здесь формируются такие экзистенциальные аномалии, как *фрустрация*, *депривация* и *девиация*, которые являются глубинными факторами коррупционного поведения.

В общественном сознании, несмотря на высокую степень толерантности к коррупции, традиционно это явление воспринимается как аморальное. Конечно, имеет место и нейтральное отношение к коррупции и даже ее оправдание. Однако полноценное человеческое сознание всегда реагирует негативно на проявление данной социальной патологии. Причем исследование коррупции, определение мер борьбы с ней происходят преимущественно в правовом русле. Но, несмотря на многозначность понятия коррупции, в основе многих определений этого феномена выделяется инвариантное ядро – «личная выгода», имеющее явную этическую окраску. В работе коррупция рассматривается как *нравственная патология личности*. Опираясь на философские построения Т. Гоббса, Д. С. Соммера и др., нам удалось выявить *специфические пороки, которые присущи коррупционному типу поведения*, – это гипертрофированная *страсть к наживе, продажность, стремление к личной выгоде, корыстолюбие, несправедливость, стяжательство*.

В диссертационном исследовании рассмотрены воззрения немецкого философа К. Г. Баллестрема, который критически анализирует распространенное мнение, выраженное в сентенции «Власть коррумпирует», коренящейся в известном изречении английского историка XIX века лорда Л. Актона: «Power corrupts and absolute power corrupts absolutely» («Всякая власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно»). Показано, что автоматический перенос ответственности за коррумпированное деяние в политическую плоскость снимает реальную ответственность личности и препятствует нахождению истинных причин этого явления.

Рассмотрение коррупции в контексте религиозной антропологии могло углубить понимание этого феномена. Было установлено, что такая ключевая экономическая категория, как *своекорыстный интерес* (С. Роуз-Аккерман), или в другой терминологии *алчность*, имеет самое непосред-

венное отношение к религиозной сфере, поскольку связана со *сребролюбием*. Тем самым образуется определенный понятийный ряд христианских грехов, которые являются религиозной основой коррупционных деяний: «накопительство», «ростовщичество», «скупость», «корыстолюбие», «стяжательство», «любостяжание», «скопидомство», «жадность». Таким образом, *грех сребролюбия* является основным религиозным истоком коррупции.

В заключительной главе нашего исследования мы рассмотрели коррупцию как явление, обусловленное *падением духовной культуры общества*. Особое внимание было уделено вопросу о деформации социально-нравственных добродетелей (Е.В. Золотухина-Аболина), и прежде всего *деформации ценности труда* как такового и *честного труда* в особенности. Экономические преобразования поменяли аксиологический вектор труда, сделав допустимыми несправедливые формы обогащения, прежде всего культ личного эгоистического преуспеяния и обогащения.

Сложившаяся ситуация имеет, на наш взгляд, не только внутриэкономические и политические причины, но связана с деформациями, находящимися в духовной плоскости общественного бытия. Мы полагаем, что с *изменением отношения к труду*, в результате чего произошло понижение его ценности, связаны многие негативные явления современной жизни, в том числе и широкомасштабное распространение коррупции во всех сферах общественной жизни.

Во многом сложившееся положение связано с тем, что в современной культуре произошла *трансформация содержания и функционального назначения морали* (А. А. Гусейнов, А. В. Разин), в которой аксиологические приоритеты сместились в сторону *плюрализации, релятивизации и автономизации* ценностей. Это в целом соответствует духовной атмосфере общества, описанной Ж. Бодрийаром в книге «Символический обмен и смерть», где труд представлен в качестве символического означающего, утратившего свою духовную сущность, связанную с производством материальных и духовных ценностей.

Такая ситуация характерна для постиндустриального потребительского общества, которое Р. Г. Тони описал в терминах «*стяжательского общества*». В таком обществе происходит трансформация аксиологического статуса труда, которая во многом связана с изменением *антропологического статуса homo faber*. В логике перехода индустриального общества в постиндустриальное приходит «человек-эксперт», у которого изменен трудовой этос. Это антропологический тип *symbolic analysts*, который сменяет классического *homo faber*. В качестве альтернативы данной трансформации рассмотрены классические модели труда (от Гесиода до построения русских философов С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева), в которых труд имеет высокий духовный статус.

Таким образом, коррупция как искажение человеческой природы относится в большей мере к моральным, нежели, собственно говоря, к политическим и экономическим факторам. Политическая и экономическая плоскости являются не первопричиной, но лишь фоном, на котором коррупция становится зримей и очевидней.

Философско-антропологический анализ феномена коррупции, в ходе которого были раскрыты психологические, этические и религиозные истоки данного феномена, показал многомерность этого явления и несводимость его к внешним политико-правовым мерам. В работе мы пришли к выводу, что насущной задачей является всесторонняя фундаментальная разработка *философско-антропологической теории коррупции*, предполагающей разработку *духовной мотивации существования*. Феномен коррупции должен быть исследован с точки зрения антропологических аномалий личности, т.е. в той сфере, в которой формируются все базовые инстинкты коррупционного поведения. Вне этой работы многие энергичные меры в законодательной области могут оказаться неэффективными. Соответственно, практическая задача заключается в том числе и в реабилитации ценности честного труда, способной, с нашей точки зрения, повлиять на улучшение духовного микроклимата общества.

Библиографический список

1. *Аббаньяно Н.* Антропологическая проблема морали / Н. Аббаньяно // *Философские науки.* – 1991. – № 11. – С. 153–167.
2. *Абдулаева Т.* Коррупция – паразит экономики / Т. Абдулаева // *Общество и экономика.* – 2003. – № 10. – С. 189–207.
3. *Аванесов В. С.* Основные инструменты коррупции в образовании / В. С. Аванесов // *Научно-практическая конференция «Социология коррупции» (Москва, 20 марта 2003 г.).* – М. : ИНИОН РАН, 2003. – С. 32–35.
4. *Адлер А.* Психология власти : пер. с нем. / А. Адлер // *Очерки по индивидуальной психологии.* – М. : Когито-Центр, 2002. – С. 203–208.
5. *Азбука веры.* – Режим доступа: <http://azbyka.ru/dictionary/17/srebro-ljubie.shtml> (дата обращения: 20.10.2015).
6. *Айер А. Дж.* Человек как предмет научного исследования / А. Дж. Айер // *Философские науки.* – 1991. – № 1. – С. 120–137.
7. *Акимова Н. В.* Коррупция в России : история и современность / Н. В. Акимова // *Юридический мир.* – 2008. – № 12. – С. 78–80.
8. *Актуальные вопросы фундаментальной и прикладной этики : к 90-летию со дня рождения профессора В. Г. Иванова : материалы Междунар. науч.-практ. конф.* – СПб. : СПбГУП, 2012. – 156 с.
9. *Алакшина И. С.* Коррупция как элемент социальной действительности современного российского общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / И. С. Алакшина. – Краснодар, 2005. – 21 с.
10. *Алейник Р.* Человек информационной эпохи (ответы постмодернизма) / Р. Алейник // *Человек вчера и сегодня : междисциплинарные исследования.* – М. : ИФ РАН, 2008. – Вып. 1. – С. 227–237.
11. *Алексеев С. В.* Коррупция : за пределами преступления / С. В. Алексеев. – Ростов н/Д. : Логос, 2007. – 168 с.
12. *Алексеев С. В.* Коррупция : социологический анализ / С. В. Алексеев. – Шахты : ЮРГУЭС, 2008. – 270 с.

13. *Алексеева И. Ю.* Какой посткапитализм нужен России? / И. Ю. Алексеева, А. П. Алексеев // Вопросы философии. – 2014. – № 10. – С. 14–25.
14. *Аминов Д. И.* Коррупция как социально-правовой феномен и пути ее преодоления / Д. И. Аминов, В. И. Гладких, К. С. Соловьев. – М. : Юристъ, 2002. – 159 с.
15. *Андрианов В. Д.* Бюрократия, коррупция и эффективность государственного управления : история и современность / В. Д. Андрианов. – М. : Волтерс Клувер, 2011. – 187 с.
16. *Андрианов В. Д.* Коррупция как глобальная проблема современности / В. Д. Андрианов // Общество и экономика. – 2008. – № 3. – С. 2–7.
17. Анतिकоррупционная политика / Регион. обществ. фонд «Информатика для демократии» (фонд ИНДЕМ) ; под ред. Г. А. Сатарова. – М. : СПАС, 2004. – 367 с.
18. Анतिकоррупционная политика : справочник / авт.-сост.: А. В. Малько [и др.] ; под ред. А. В. Малько. – М. : Проспект : Велби, 2006. – 382 с.
19. Анतिकоррупционный букварь / сост. А. С. Пржездомский. – М. : Общественная палата РФ, 2009. – 58 с.
20. *Апресян Р. Г.* Понятие общественной морали : опыт концептуализации / Р. Г. Апресян // Вопросы философии. – 2006. – № 5. – С. 3–18.
21. *Аристотель.* Никомахова этика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 53–295.
22. *Аристотель.* Политика / Аристотель // Сочинения : в 4 т. – М. : Мысль, 1984. – Т. 4. – С. 375–645.
23. *Ахметова Н. А.* Международный опыт противодействия коррупции / Н. А. Ахметова // Власть. – 2009. – № 12. – С. 73–75.
24. *Балдин А. К.* Анतिकоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как инструмент познания правовой материи в системе юридиче-

ских экспертиз / А. К. Балдин // Современное право. – 2014. – № 2. – С. 46–49.

25. *Баллестрем К. Г.* Власть и мораль : основная проблема политической этики / К. Г. Баллестрем // Философские науки. – 1991. – № 8. – С. 83–94.

26. *Белоусова Н. Ю.* Государственность как доминанта противодействия коррупции : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / Н. Ю. Белоусова. – Тамбов, 2008. – 21 с.

27. *Бердяев Н. А.* О фанатизме, ортодоксии и истине / Н. А. Бердяев // Человек. – 1997. – № 3. – С. 67–76.

28. *Бердяев Н. А.* Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. – 701 с.

29. *Бинецкий А. Э.* Коррупция / А. Э. Бинецкий. – М. : Известия, 2005. – 344 с.

30. *Блюменкранц М.* В поисках имени и лица. Феноменология современного ландшафта / М. Блюменкранц // Вопросы философии. – 2007. – № 1. – С. 47–61.

31. *Богданов И. Я.* Коррупция в России : социально-экономические и правовые аспекты / И. Я. Богданов, А. П. Калинин. – М., 2001. – 239 с.

32. *Бондаренко С. В.* Коррупцированные общества / С. В. Бондаренко ; Центр прикладных исследований интеллектуальной собственности. – Ростов н/Д. : Ростиздат, 2002. – 362 с.

33. *Бондарь В.* Общество против коррупции. Муниципальные программы противодействия коррупции / В. Бондарь. – М. : Московская школа политических исследований, 2008. – С. 248.

34. *Бонхеффер Д.* Этика / Д. Бонхеффер. – М. : ББИ, 2013. – 501 с.

35. *Борков В. Н.* Верховный Суд Российской Федерации решил не путать взятку с подарком / В. Н. Борков // Современное право. – 2014. – № 1. – С. 107–110.

36. Букалерева Л. А. К вопросу об общественной опасности коррупционной деятельности / Л. А. Букалерева, О. А. Кузнецова // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 4. – С. 412–417.
37. Букалерева Л. А. Прокуратура в механизме противодействия коррупции : монография / Л. А. Букалерева, Р. А. Сорочкин. – М. : Военный университет, 2012. – 146 с.
38. Булгаков С. Н. Философия хозяйства / С. Н. Булгаков. – М. : Институт русской цивилизации, 2009. – 464 с.
39. Бурдые П. Социология социального пространства : пер. с фр. / П. Бурдые ; отв. ред. перевода Н. А. Шматко. – М. : Институт экспериментальной социологии ; СПб. : Алетейя, 2007. – 288 с.
40. Быстрова А. Феномен коррупции: Некоторые исследовательские подходы / А. Быстрова, М. Сильвестрос // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Т. 3, № 1. – С. 83–101.
41. Валицкая А. П. Эстетика и этика : стратегия понимания / А. П. Валицкая // Эстетика и этика в изменяющемся мире : сб. ст. / отв. ред. О. Р. Демидова. – СПб. : Астерион, 2009. – С. 6–15.
42. Василевич Г. А. Активная позиция государственных служащих и граждан – основной фактор предупреждения коррупции / Г. А. Василевич // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 2. – С. 188–192.
43. Васильев Д. В. Административная этика как средство противодействия коррупции / Д. В. Васильев, П. Ю. Дробышев, А. В. Конов. – М. : Фонд Карнеги, 2003. – 45 с.
44. Вигуру К. Деонтология государственной службы = Deontologie des fonctions publiques : пер. с фр. / Кристиан Вигуру. – М. : Гнозис : Логос, 2003. – 279 с.
45. В Институте философии РАН обсудили этический аспект борьбы с коррупцией / Информационное агентство REGNUM. – Режим доступа: <http://www.regnum.ru/news/polit/1464890.html> (дата обращения: 15.03.2015).

46. *Волков А. Д.* Скелет наступающего. Источник и две составные части бюрократического капитализма в России / Александр Волков, Александр Привалов. – СПб. [и др.] : Питер, 2008. – 271 с.
47. *Воронин А. А.* Совершенствование человека / А. А. Воронин // Вопросы философии. – 2015. – № 8. – С. 203–208.
48. Вызов коррупции : противодействие коррупции журналистским сообществом / П. А. Кабанов [и др.]. – М. : Юрист, 2003. – 127 с.
49. *Гаджиев К. С.* Политическая наука / К. С. Гаджиев. – М. : Международ. отношения, 1996. – 400 с.
50. *Гесиод.* Труды и дни / Гесиод // Полное собрание текстов / пер. В. В. Вересаева, О. П. Цыбенко ; комментарии О. П. Цыбенко и В. Н. Ярхо. – М. : Лабиринт, 2001. – С. 51–76.
51. *Гилинский Я. И.* Девиантология. Социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» = Deviantology. Sociology of crime, narcotism, prostitution, suicide, and other «deviations» / Я. И. Гилинский. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2004. – 518 с.
52. *Гилинский Я. И.* Коррупция / Я. И. Гилинский // Криминология : курс лекций. – СПб. : Питер, 2002. – С. 233–242.
53. *Гиренок Ф. И.* Ускользящее бытие / Ф. И. Гиренок. – М. : ИФ РАН, 2004. – 220 с.
54. *Глинкина С. П.* Гражданское общество : зарубежный опыт и российская практика / С. П. Глинкина // Гражданское общество : зарубежный опыт и российская практика : сб. науч. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т экономики РАН ; под ред. А. Е. Лебедева, А. Я. Рубинштейна. – СПб. : Алетейя, 2011. – С. 176–189.
55. *Глинчикова А. Г.* Модернизация, традиция и эволюция частного интереса / А. Г. Глинчикова // Политико-философский ежегодник. – М. : ИФ РАН, 2011. – Вып. 4. – С. 155–181.
56. *Гоббс Т.* Левиафан / Т. Гоббс // Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1991. – Т. 2. – 731 с.

57. *Голик Ю. В.* Преступность – планетарная проблема : к итогам XI Конгресса ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию / Ю. В. Голик, А. И. Коробеев ; Ассоц. «Юрид. центр». – СПб. : Юридический центр Пресс, 2006. – 213 с.
58. *Голованова Н. А.* Конфискация vs. Коррупции (зарубежный опыт) / Н. А. Голованова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2015. – № 3. – С. 496–503.
59. *Голосенко И. А.* Феномен русской взятки : очерк истории отечественной социологии чиновничества / И. А. Голосенко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1999. – Т. 2, № 3. – С. 101–116.
60. *Горбань А. Е.* Субъекты антикоррупционной политики в современной России : проблемы взаимодействия / А. Е. Горбань, А. И. Ярышка // Современное право. – 2015. – № 3. – С. 101–107.
61. *Гостева С. Р.* Коррупция в России : исторические корни, причины, состояние, основы современной нормативно-правовой базы противодействия / С. Р. Гостева, В. Ф. Рашкин. – М. : Еврошкола, 2010. – 325 с.
62. *Гоц Е. В.* Борьба с коррупцией и средства обеспечения законности в государственном управлении / Е. В. Гоц // Образование и право. – 2014. – № 1 (53) – 2 (54). – С. 6–20.
63. Гражданские инициативы и предотвращение коррупции / под ред. А. Ю. Сунгурова. – СПб. : Норма, 2010. – 221 с.
64. Гражданское общество : зарубежный опыт и российская практика : [сб. науч. ст.] / Рос. акад. наук, Ин-т экономики РАН ; под ред. А. Е. Лебедева, А. Я. Рубинштейна. – СПб. : Алетейя, 2011. – 346 с.
65. *Громова Л. А.* Метаморфозы современной этики : от теоретической науки к прикладному знанию и гуманитарным технологиям / Л. А. Громова // Эстетика и этика в изменяющемся мире : сб. ст. – СПб. : Астерион, 2009. – С. 15–22.
66. *Гуревич П. С.* Проблема целостности человека / П. С. Гуревич. – М. : МФ РАН, 2004. – 178 с.

67. *Гуревич П. С.* Расколотость человеческого бытия / П. С. Гуревич. – М. : ИФ РАН, 2009. – 199 с.
68. *Гуревич П. С.* Этические ракурсы философской антропологии / П. С. Гуревич // *Философия и этика* : сб. науч. тр. к 70-летию академика А. А. Гусейнова. – М. : Альфа-М, 2009. – С. 336–349.
69. *Гуров А. И.* Организованная преступность – не миф, а реальность : социальные, правовые и криминологические аспекты борьбы с организованной преступностью / А.И. Гуров ; [под ред. И. А. Иринарховой]. – М. : Знание, 1992. – 79 с.
70. *Гусейнов А. А.* Понятия морали / А. А. Гусейнов // *Этическая мысль*. – М. : ИФ РАН, 2003. – Вып. 4. – С. 3–14.
71. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль : в 4 т. – М. : Цитадель, 1998. – Т. IV : С–У. – 1619 с. (Репринт с издания 1914 г.).
72. *Дамаскин О. В.* Коррупция : состояние, причины, противодействие / О. В. Дамаскин. – М. : Триумфальная арка, 2009. – 302 с.
73. *Дзодзиева З. Б.* Коррупция как социальное и экономическое явление : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / З. Б. Дзодзиева ; Институт социально-политических исследований РАН. – Владикавказ, 2006. – 22 с.
74. *Добреньков В. И.* Коррупция : современные подходы к исследованию / В. И. Добреньков, Н. Р. Исправникова. – М. : Академический Проект ; Альма Матер, 2009. – 207 с.
75. *Донстон М.* Поиск определений : качество политической жизни и проблема коррупции / М. Донстон // *Международный журнал социальных наук*. – 1997. – № 16. – С. 21–39.
76. *Ельмеев В. Я.* Человек труда вместо человеческого капитала / В. Я. Ельмеев // *Перспективы человека в глобализирующемся мире* / под ред. В. В. Парцвания. – СПб. : С.-Петербург. филос. общество, 2003. – С. 319–351.
77. *Емельянов Том Федорович.* Метастазы коррупции / Том Емельянов. – М. : Сов. Россия, 1980. – 108 с.

78. *Еремин Н.* Бег на месте, или История коррупции в государстве Российском / Н. Еремин, Е. Белоусова // *Антикоррупционер*. – 2008. – № 1. – С. 32–37.
79. *Жилина И. Ю.* Феномен коррупции : общие подходы к изучению / И. Ю. Жилина // *Экономические и социальные проблемы России*. – 1998. – № 2. – С. 9–29.
80. *Жукова О. А.* На пути к русской Европе. Интеллектуалы в борьбе за свободу и культуру в России / О. А. Жукова. – М. : Либеральная миссия, 2013. – 204 с.
81. *Зеленкова И. Л.* Этика / И. Л. Зеленкова, Е. В. Беляева. – Минск : Изд-во В. М. Скакун, 1995. – 320 с.
82. *Зеньковский В. В.* История русской философии / В. В. Зеньковский. – Л. : Эго, 1991. – Т. 1, ч. 2. – 280 с.
83. *Зеньковский В. В.* Основы христианской философии / В. В. Зеньковский. – М., 1996. – С. 514.
84. *Зимбули А. Е.* Лекции по этике / А. Е. Зимбули. – СПб. : Пневма, 2015. – Вып. 4. – 274 с.
85. *Зиятдинов Р. Н.* Отношение к труду как ценности : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Р. Н. Зиятдинов. – Пермь, 2004. – 20 с.
86. *Злоупотребления публичной властью и антикоррупционная политика в современной России : монография / Т. П. Агафонова [и др.].* – М. : Юрлитинформ, 2011. – 431 с.
87. *Золотухина-Аболина Е. В.* Курс лекций по этике / Е. В. Золотухина-Аболина. – Ростов н/Д. : Феникс, 1999. – 384 с.
88. *Зубец О. П.* Ценностное границеположение и мораль / О. П. Зубец // *Этическая мысль*. – М. : ИФ РАН. – 2005. – Вып. 6. – С. 219–239.
89. *Иванникова И. А.* Преступность и политика / И. А. Иванникова // *Философская и правовая мысль : альманах*. – Саратов – СПб. : Научная книга, 2002. – Вып. 4. – С. 19–27.

90. *Иванов А. М.* Корруптология – правовая наука и учебная дисциплина : путь совершенствования уголовной политики и законодательства о воздействии на организованную преступность и коррупцию / А. М. Иванов. – Владивосток, 2002. – 277 с.
91. *Иванов В. А.* Исторический анализ основных причин и факторов, способствующих развитию коррупции в России / В. А. Иванов // Национальная безопасность. – 2014. – № 6. – С. 956–964.
92. *Иванова И. И.* Национальная ментальность и национальная философия / И. И. Иванова // Кантовские чтения в КРСУ / под общ. ред. И. И. Ивановой. – Бишкек, 2004. – С. 285–298.
93. *Изотов М. О.* Коррупция в современной России : социокультурные основания и формы проявления : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / М. О. Изотов. – Иваново, 2012. – 22 с.
94. *Илюхин В. И.* Власть. Коррупция. Кризис / В. И. Илюхин. – М., 2009. – 148 с.
95. *Исаев А. А.* О роли духовности в борьбе с преступностью как социальным злом / А. А. Исаев // Философия морали. Тоска по русскому аристократизму (к 70-летию со дня рождения В. П. Фетисова). – М. : Флинта ; Наука, 2012. – С. 177–180.
96. *Кабанов П. А.* Антикоррупционный аудит как инструмент противодействия коррупции : понятие, содержание, вопросы правового регулирования / П. А. Кабанов // Административное и муниципальное право. – 2015. – № 7. – С. 744–753.
97. *Кабанов П. А.* Коррупция и взяточничество в России : исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / П. А. Кабанов. – Нижнекамск : Гузель, 1995. – 172 с.
98. *Казин А. Л.* Россия в нехристианском мире : к вопросу о нашем будущем / А. Л. Казин // Перспективы человека в глобализирующемся мире / под ред. В. В. Парцвания. – СПб. : С.-Петербург. филос. общество, 2003. – С. 210–221.

99. *Калинин Всеволод Дмитриевич. Айсберг коррупции / В. Д. Калинин. – М. : Политиздат, 1979. – 110 с.*
100. *Калясина Н. А. Моральное состояние российского общества : субъективное мироощущение / Н. А. Калясина // Этика и история философии. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2011. – С. 221–225.*
101. *Карасев В. Методы профилактики и противодействия коррупции / В. Карасев // Власть. – 2008. – № 8. – С. 109–112.*
102. *Карпов Е. А. О некоторых вопросах противодействия коррупции в органах внутренних дел / Е. А. Карпов // Полицейская деятельность. – 2015. – № 4. – С. 210–217.*
103. *Карпович О. Г. «Беловоротничковая» преступность в США через призму мирового финансово-экономического кризиса / О. Г. Карпович, Н. А. Шулепов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2014. – 205 с.*
104. *Качелин М. С. Международно-правовые аспекты борьбы с коррупцией : автор. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10 / М. С. Качелин. – М., 2010. – 20 с.*
105. *Кеглер Г. Г. Этика после постмодернизма / Г. Г. Кеглер // Вопросы философии. – 2006. – № 3. – С. 111–118.*
106. *Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России / А. И. Кирпичников. – СПб. : АЛЬФА, 1997. – 350 с.*
107. *Киселев Г. С. Иллюзия прогресса / Г. С. Киселев // Вопросы философии. – 2015. – № 4. – С. 16-26.*
108. *Клямкин И. М. Теневая Россия : экон.-социол. исслед. / Игорь Клямкин, Лев Тимофеев ; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Центр по изучению нелегал. экон. деятельности. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 591 с.*
109. *Ковалев Ю. А. Россия : снова перед выбором пути / Ю. А. Ковалев // Вопросы философии. – 2015. – № 6. – С. 201–210.*
110. *Коваленко В. А. Труд и игра в контексте творчества / В. А. Коваленко // Вопросы философии. – 2011. – № 12. – С. 163–170.*

111. Консолидация и модернизация России / ред. : А. А. Гусейнов, А. В. Смирнов, Б. О. Николаичев. – М. : Канон+ ; РООИ «Реабилитация», 2014. – 384 с.
112. *Корольков А. А.* Драма русского просвещения / А. А. Корольков. – СПб. : Алетейя, 2013. – 232 с.
113. Коррупция – угроза экономической безопасности предприятий и государства / разработ. темы, коммент., разъясн. и рек. Н. А. Пименова. – М. : Библиотечка РГ, 2009. – 176 с.
114. Коррупция : полит., экон., организац. и правовые проблемы / под ред. В. В. Лунеева ; Ин-т государства и права РАН. – М. : Юристъ, 2001. – 426 с.
115. Коррупция и борьба с ней / под. ред. М. Б. Горного. – М. : Норма, 2000. – 320 с.
116. *Красноусов С. Д.* Коммерческий подкуп как форма коррупции в частном секторе : понятие и противодействие / С. Д. Красноусов. – М. : Проспект, 2014. – 157 с.
117. *Кузнецов Е.* Масштабы распространения коррупции в России / Е. Кузнецов // Можно ли в борьбе с коррупцией в России использовать зарубежный опыт? / под ред. П. С. Филиппова. – СПб. : Норма, 2010. – С. 7–21.
118. *Кузнецов К. В.* Экономическая социология и психология коррупции / К. В. Кузнецов, Т. Ш. Латыпов. – Казань, 2007. – 201 с.
119. *Кузьмина Т. А.* Экзистенциализм / Т. А. Кузьмина // История этических учений. – М. : Гардарика, 2003. – С. 733–742.
120. *Куприянов И. С.* Бытовая коррупция в современной России : социальное содержание и основные тенденции (на материалах исследований в Ивановской области) : автореф. дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04 / И. С. Куприянов ; Иван. гос. энергет. ун-т имени В. И. Ленина. – Н. Новгород, 2011. – 26 с.

121. *Куракин Алексей Валентинович*. Государственная служба и коррупция / А. В. Куракин ; Моск. ун-т МВД России ; Рос. таможенная акад. ; под ред. М. В. Костенникова. – М. : NOTA BENE, 2009. – 328 с.
122. *Кутырев В. А.* Перспективы человека : жизнь или прельщение усовершенствованием / В. А. Кутырев // Спектр антропологических учений. – М. : ИФ РАН. – 2012. – Вып. 4. – С. 119–136.
123. *Лапицкий М. И.* Религиозные основы хозяйственной деятельности / М. И. Лапицкий // Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – Ивано-Франковск : Ист-Вью, 2002. – С. 260–275.
124. *Лаптенюк А. С.* Мораль в условиях трансформирующегося общества / А. С. Лаптенюк // Актуальные вопросы фундаментальной и прикладной этики : к 90-летию со дня рождения профессора В. Г. Иванова : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – СПб. : СПбГУП, 2012. – С. 79–81.
125. *Липовецки Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме / Ж. Липовецки. – СПб. : Владимир Даль, 2001. – 332 с.
126. *Лопатина Т. М.* Формирование антикоррупционного менталитета / Т. М. Лопатина // Современное право. – 2009. – № 4. – С. 112–114.
127. *Лоскутов В. А.* Тоталитаризм и коррупция / В. А. Лоскутов. – Екатеринбург, 2001. – 176 с.
128. *Лосский Н. О.* Бог и мировое зло / Н. О. Лосский. – М. : Республика, 1994. – 432 с.
129. *Макаркин Н. П.* Об условиях инновационного развития / Н. П. Макаркин. – М. : Экономика, 2012. – 146 с.
130. *Макиавелли Н.* Государь / Н. Макиавелли. – М. : АСТ МОСКВА, 2008. – 461 с.
131. *Максимов С. В.* Коррупция. Закон. Ответственность / С. В. Максимов. – М. : ЮрИнфоР, 2000. – 142 с.
132. Маленькая азбука для антикоррупционера. – Режим доступа: <http://management.sfedu.ru/novosti/item/1124-malenkaya-azbuka-dlya-antikorrupsionera> (10.02.2015).

133. *Матишов Г. Г.* Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России / Г. Г. Матишов, В. А. Авксентьев, Л. В. Батиев. – Ростов н/Д. : Изд-во ЮНЦ РАН, 2009. – Т. 3. – 258 с.

134. *Махаматов Т. М.* Что угрожает демократии в эпоху массового общества? / Т. М. Махаматов, Л. Е. Яковлева // Вестник Московского университета. Серия 7 : Философия. – 2006. – № 5. – С. 44–59.

135. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмытием преступных доходов : сб. документов / сост. В. С. Овчинский. – М. : ИНФРА-М, 2004. – 638 с.

136. *Мерзляков С. Э.* Нравственность и ее роль в уголовном процессе / С. Э. Мерзляков // Новый юридический журнал. – 2013. – № 3. – С. 155–161.

137. Меры по предотвращению коррупции и противодействию легализации доходов, полученных в результате совершения преступлений коррупционной направленности. Мировая и российская практика : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Казань, 15–16 апр. 2010 г.). – М. : Юриспруденция, 2011. – 136 с.

138. Можно ли в борьбе с коррупцией в России использовать зарубежный опыт? : сб. очерков / под ред. П. С. Филиппова. – СПб. : Норма, 2010. – 182 с.

139. *Мосс М.* Опыт о даре / М. Мосс // Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии / сост., пер. с фр., предисл., вступит. статья, коммент. А. Б. Гофмана. – М. : КДУ, 2011. – С. 134–286.

140. *Найденова Л. П.* Мир русского человека XVI–XVII вв. (по Домострою и памятникам права) / Л. П. Найденова. – М. : Издание Сретенского монастыря, 2003. – 208 с.

141. *Нисневич Ю. А.* Вертикаль никуда. Очерки политической истории России, 1991–2008 / Ю. А. Нисневич. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 158 с.

142. *Нисневич Ю. А.* Электоральная коррупция в России : политико-правовой анализ федеральных избирательных кампаний в 2003–2014 годах / Ю. А. Нисневич. – М. : Либеральная миссия, 2014. – 203 с.

143. *Нурутдинов А. З.* Коррупция как общеправовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. З. Нурутдинов. – Н. Новгород, 2004. – 28 с.
144. *Общественная мораль. Философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / под общ. ред. Р. Г. Апресяна.* – М. : Альфа-М, 2009. – 492 с.
145. *Овчинский В. С.* Криминология кризиса / В. С. Овчинский. – М. : Норма, 2009. – 238 с.
146. *Омельченко Н. В.* Опыт философской антропологии / Н. В. Омельченко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2005. – 216 с.
147. *Организованная преступность и коррупция : результаты криминологического-социологических исследований / [под ред. Н. А. Лопашенко].* – Саратов : Сателлит, 2009. – Вып. 4. – 205 с.
148. *Организованная преступность, терроризм, коррупция в их проявлениях и борьба с ними / Рос. криминол. ассоц. ; НИИ проблем укрепления законности и правопорядка ; под ред. А. И. Долговой.* – М. : Рос. криминол. ассоц., 2005. – 332 с.
149. *Осипов Г. В.* Социология и социальное мифотворчество / Г. В. Осипов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2002. – 615 с.
150. *Основы противодействия коррупции / науч. ред. : С. В. Максимов [и др.].* – М. : Спарк, 2000. – 228 с.
151. *Ответственность в системе государственной власти и местного самоуправления и противодействие коррупции : монография / под ред. Е. С. Шугриной.* – М. : Юрлитинформ, 2013. – 222 с.
152. *Пантин И. К.* Социально-политический переворот 1991–1993 гг. и кризис нравственного сознания в российском обществе / И. К. Пантин // Политико-философский ежегодник. – М. : ИФ РАН, 2012. – Вып. 5. – С. 25–26.
153. *Парцвания В. В.* Философия труда / В. В. Парцвания // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира : сб. филос. статей / под ред.

Б. В. Маркова, Ю. Н. Солонина, В. В. Парцвания. – СПб. : Петрополис, 2001. – Вып. I. – 378 с.

154. *Патырбаева К. В.* Современное общество, труд и человек в постмодернизме Ж. Бодрийара / К. В. Патырбаева // *Философия хозяйства*. – 2012. – № 2 (80). – С. 240–247.

155. *Писарькова Л. Ф.* К истории взяток в России : по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в. / Л. Ф. Писарькова // *Отечественная история*. – 2002. – № 5. – С. 33–49.

156. *Поляков Л.* Российская модернизация : социо-психоаналитический подход / Л. Поляков // *Коллаж : социально-философский и философско-антропологический альманах* / ред. В. А. Кругликов. – М. : ИФ РАН, 1997. – С. 55–75.

157. *Попов В. Д.* Предисловие / В. Д. Попов // *Власть, коррупция и честность* / Арнольд А. Рогоу, Гарольд Д. Лассуэлл. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – С. 3–11.

158. *Попов Л. А.* Десять лекций по этике / Л. А. Попов. – М. : Ось-89, 2001. – 192 с.

159. *Правовые основы противодействия коррупции : постатейные материалы и методические рекомендации по применению Федерального закона «О противодействии коррупции»* / [отв. ред. : Т. Д. Зражевская, Ю. Н. Стариков]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 540 с.

160. *Преступность и коррупция : современные российские реалии : [сб. науч. трудов]* / Саратов. гос. акад. права ; Америк. ун-т (г. Вашингтон, США) ; Саратов. центр по исслед. проблем организованной преступности и коррупции ; [под ред. Н. А. Лопашенко]. – Саратов : Саратов. центр по исслед. проблем орг. преступности и коррупции, 2003. – 428 с.

161. *Проблемы этики : философско-этический альманах*. – М. : Алькор Паблицерс, 2012. – Вып. III. – 144 с.

162. *Проява С. М.* Экономизация коррупции. Механизм противодействия / С. М. Проява. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. – 159 с.

163. *Пугачев О. С.* «Не хлебом единым...» / О. С. Пугачев // Нравственность и хлеб насущный : сб. материалов науч.-практ. конф. – Пенза : РИО ПГСХА, 2006. – С. 3.
164. *Пугачев О. С.* Человек в системе морально-правовых ценностей / О. С. Пугачев, Н. П. Козлова. – Пенза : РИО ПГСХА, 2005. – 152 с.
165. *Разин А. В.* Исторические формы морали / А. В. Разин // Проблемы этики : философско-этический альманах. – М. : Алькор Паблицерс, 2012. – Вып. III. – С. 4–22.
166. *Разин А. В.* Многообразие нравственной жизни современного общества и принципы ее организации / А. В. Разин // Философия и этика : сб. науч. тр. к 70-летию академика А. А. Гусейнова / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред. и сост. Р. Г. Апресян. – М. : Альфа-М, 2009. – С. 737–752.
167. *Разин А. В.* Современная мораль и ее философские основания / А. В. Разин // Этическая мысль. – М. : ИФ РАН, 2012. – Вып. 12. – С. 33–44.
168. *Резник Ю. М.* Человек и время : проблема жизненного выбора / Ю. М. Резник // Человек вчера и сегодня : междисциплинарные исследования. – М. : ИФ РАН, 2012. – Вып. 6. – С. 47–76.
169. *Римлянин Иоанн Кассиан.* Писания / Иоанн Кассиан Римлянин. – М. : АСТ ; Минск : Харвест, 2000. – 799 с.
170. Римские стоики : Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. – М. : Республика, 1995. – 463 с.
171. *Рогоу Арнольд А.* Власть, коррупция и честность : пер. с англ. / Арнольд А. Рогоу, Гарольд Д. Лассуэлл. – М. : Изд-во РАГС, 2005. – 169 с.
172. *Ролз Дж.* Теория справедливости / Дж. Ролз. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 536 с.
173. Российская коррупция : уровень, структура, динамика. Опыт социологического анализа / [под ред. Г. А. Сатарова]. – М. : Либеральная миссия, 2013. – 749 с.
174. *Роуз-Аккерман С.* Коррупция и государство : причины, следствия, реформы / С. Роуз-Аккерман. – М. : Логос, 2003. – 343 с.

175. *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 512 с.
176. *Сапожников Е. И.* Общество потребления в странах Запада / Е. И. Сапожников // Вопросы философии. – 2007. – № 10. – С. 53–64.
177. *Сердобинцев К. С.* Дифференциация власти, собственности и управления – необходимое условие модернизации и развития гражданского общества в России / К. С. Сердобинцев // Вопросы философии. – 2012. – № 4. – С. 3–13.
178. *Сидорина Т. Ю.* «Homo faber» как символ эпохи труда : к истории эволюции понятия / Т. Ю. Сидорина // Вопросы философии. – 2015. – № 3. – С. 14–22.
179. *Сидорина Т. Ю.* Вопрос о труде и смысле жизни / Т. Ю. Сидорина // Вопросы философии. – 2013. – № 11. – С. 3–15.
180. *Скобников П. А.* Актуальные проблемы борьбы с коррупцией и организованной преступностью в современной России / П. А. Скобников. – М. : Норма, 2007. – 272 с.
181. *Слепаков С. С.* Самоутверждение России : социально-экономический контекст / С. С. Слепаков // Философия хозяйства. – 2012. – № 1 (79). – С. 163–172.
182. *Слотердаjk П.* Критика цинического разума / Петер Слотердаjk ; пер. с нем. А. Перцева. – Екатеринбург : У-Фактория ; М. : АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.
183. *Слотердаjk П.* Сферы. Макросферология = Spharen. Makrospharologie : в 3 т. / Петер Слотердаjk ; пер. с нем. К. В. Лощевского. – СПб. : Наука, 2007. – Т. 2 : Глобусы. – 1022 с.
184. Современная уголовная политика в сфере борьбы с транснациональной организованной преступностью и коррупцией : материалы Третьего парламентского международного круглого стола по проблемам борьбы с транснациональной преступностью (Иркутск – Москва) : [сб. статей] / Иркут. гос. экон. акад. [и др.]. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2002. – 175 с.

185. *Соммер Д. С.* Мораль XXI века / Д. С. Соммер. – М. : Кодекс, 2013. – 480 с.
186. *Соснин В. А.* Феномен коррупции в России как социополитическая, социокультурная и социально-психологическая проблема / В. А. Соснин // Психологический журнал. – 2014. – Т. 35, № 3. – С. 78–90.
187. *Стивенсон Л.* Десять теорий о природе человека / Л. Стивенсон ; пер. В. В. Васильева. – М. : СЛОВО/SLOVO, 2004. – 230 с.
188. *Степанянц М. Т.* Культура как гарант российской безопасности / М. Т. Степанянц // Вопросы философии. – 2012. – № 1. – С. 3–13.
189. *Степин В. С.* Философская антропология и философия науки / В. С. Степин. – М. : Высшая школа, 1992. – 191 с.
190. Стоп-коррупция : журналистская практика / сост. Ю. В. Варыга ; под общ. ред. А. Л. Кошмана. – М. : Альянс независимых региональных издателей [и др.], 2010. – 251 с.
191. Сумма идеологии. Мировоззрение и идеология современной российской элиты / М. Тарусин [и др.]. – М. : Ин-т обществ. проектирования, 2008. – 296 с.
192. *Тимофеев Л. М.* Институциональная коррупция : очерки теории / Л. М. Тимофеев. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2000. – 363 с.
193. *Токарев Б. Б.* Социально-философское осмысление феномена коррупции : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Б. Б. Токарев. – М., 2011. – 186 с.
194. *Тони Р. Г.* Стяжательское общество / Р. Г. Тони // Социальность и культура в изменяющемся мире. – М. : ИФ РАН ; Междисциплинарное общество социальной теории, 2009. – С. 260–281.
195. *Тощенко Ж. Т.* Фантомы российского общества / Ж. Т. Тощенко. – М. : Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
196. *Уткин В. А.* Противодействие коррупции и формирование антикоррупционного поведения / В. А. Уткин. – М. : Щит-М, 2010. – 58 с.

197. *Философская антропология Макса Шелера : уроки, критика, перспективы / отв. ред. Д. Ю. Дорофеев. – СПб. : Алетейя, 2011. – 568 с.*
198. *Фисман Р. Экономические гангстеры : коррупция, насилие и бедность национальных масштабов / Р. Фисман, Э. Мигель. – М. : Юнайтед Пресс, 2012. – 302 с.*
199. *Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М. : Республика, 1993. – 415 с.*
200. *Хамитова Г. Ш. Правовой нигилизм молодежи как социальная проблема российского государства / Г. Ш. Хамитова // Государство как произведение искусства : 150-летие концепции / отв. ред. А. А. Гусейнов. – М. : Летний сад, 2011. – С. 158–181.*
201. *Ходасевич В. Державин / В. Ходасевич. – М. : Книга, 1988. – 384 с.*
202. *Цыбулевская О. И. Правовое и нравственное сознание субъектов власти / О. И. Цыбулевская // Философская и правовая мысль. – Саратов – СПб., 2003. – Вып. 5. – С. 128–143.*
203. *Чашин А. Н. Коррупция в России : стратегия, тактика и методы борьбы / А. Н. Чашин. – М. : Дело и Сервис, 2009. – 206 с.*
204. *Человек между мирами : онтологические, эпистемологические, социокультурные и психологические проблемы пограничья. – М.: Изд-во Независимого института гражданского общества, 2012. – 304 с.*
205. *Шаронов В. В. Основы социальной антропологии / В. В. Шаронов. – СПб. : Лань, 1997. – 188 с.*
206. *Шедий М. В. Коррупция в России : опыт концептуализации и механизмы противодействия : монография / М. В. Шедий. – Орел : Изд-во ОРАГС. – 2011. – 144 с.*
207. *Шедий М. В. Коррупция как социальное явление : социологический анализ : автореф. дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04 / М. В. Шедий. – М., 2014. – 47 с.*

208. *Шереги Ф. Э.* Социология девиации : прикладные исследования / Ф. Э. Шереги. – М. : Центр социал. прогнозирования, 2004. – 341 с.
209. *Шестаков О. А.* Структура общества и структура власти, или Что такое демократия и есть ли она в России = Structure of society and structure of power, or What is democracy and is there it in Russia / О. А. Шестаков. – М. : URSS : ЛИБРОКОМ, 2009. – 71 с.
210. *Шкилев В. Д.* О символическом понимании генезиса коррупции и о возможностях информационных технологий // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики / В. Д. Шкилев, А. И. Сауляк. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 1 (7). – С. 203–207.
211. *Щукин В. Г.* Город и свобода. Историко-культурные заметки / В. Г. Щукин // Вопросы философии. – 2012. – № 8. – С. 70.
212. *Эминов В. Е.* Коррупционная преступность и борьба с ней : уч. пос. / В. Е. Эминов, С. В. Максимов, И. М. Мацкевич. – М. : Юрист, 2001. – 128 с.
213. Corruption at the Customs : combating corruption at the customs administration / Boris Begovic [et al.]. – Belgrade : Center for Liberal-Democratic Studies, 2002. – 166 s.
214. *Gray C.* Anticorruption in transition 2 : corruption in enterprise-state interactions in Europe and Central Asia, 1999–2002 / Cheryl Gray, Joel Hellman, Randi Ryterman. – Washington, DC : World Bank, 2004. – 81 p.
215. *Gurgur T.* Localization and corruption: panacea or Pandora's box? / Tugrul Gurgur, Anwar Shah. – Washington, DC : World Bank, 2005. – 34 p.
216. *Johnston M.* Building a clean machine : anti-corruption coalitions and sustainable reform / Michael Johnston, Sahr J. Kpundeh. – Washington, DC : World Bank, 2004. – 34 p.